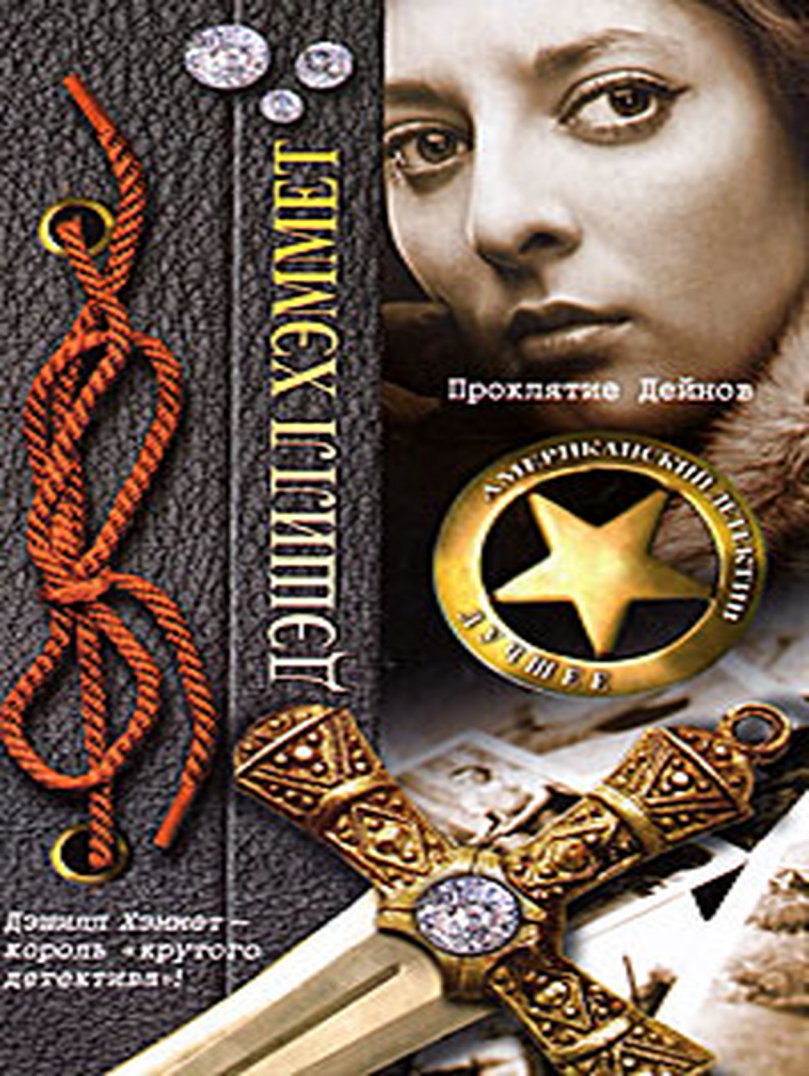
ДЭШИЛЛ ХЭММЕТ
Проклятие Дейков
АМЕРИКАНСКИЙ ДЕТЕКТИВ
ЛУЧШЕЕ
Дэшилл Хэммет – король «крутого детектива»!

Проклятие Дейнов
Дэшил Хэммет

Аннотация
Дэшил Хэммет. Проклятие Дейнов
Часть первая. Дейны
1. Восемь бриллиантов
2. Длинноносый
3. Что-то черное
4. Туманные Харперы
5. Габриэла
6. Беглец с Чертова острова
7. Проклятие
8. «Но» и «если бы»
Часть вторая. Храм
9. Слепой в темном чулане
10. Увядшие цветы
11. Бог
12. Нечестивый храм
Часть третья. Кесада
13. Тропинка на скале
14. Разбитый «крайслер»
15. «Убил его я»
16. Ночная охота
17. За тупым мысом

18. Апельсин
19. Выродок
20. Дом над бухтой
21. Арония Холдорн
22. Признания
23. Цирк

Аннотация

Захватывающая, стремительно развивающаяся, буквально завораживающая читателя история странного расследования целой цепи преступлений...

Начинается все почти обыденно, с кражи драгоценностей у магнатов Леггетов, - ведь похищения алмазов из роскошных особняков магнатов случаются, увы, довольно часто.

Однако скоро за кражей следуют таинственные убийства, и частному детективу, ведущему дело, предстоит разобраться в фамильной легенде, согласно которой все женщины из рода Дейнов поневоле приносят своим мужчинам беду и гибель. А ведь миссис Леггет происходит именно из этого рода...

Дэшил Хэммет
Проклятие Дейнов

Часть первая
Дейны

1. Восемь бриллиантов

Да, это был бриллиант — он блестел в траве метрах в двух от кирпичной дорожки. Маленький, не больше четверти карата, без оправы. Я положил его в карман и начал обыскивать лужайку, очень внимательно, только что на четвереньки не становился.

Я осмотрел примерно два квадратных метра, и тут парадная дверь у Леггетов открылась.

На крыльцо из тесаного камня вышла женщина и посмотрела на меня с благодушным любопытством.

Женщина моих лет — около сорока, русая, с приятным пухлым лицом и ямочками на румяных щеках. На ней было домашнее платье, белое в лиловых цветочках.

Я прервал изыскания и подошел к ней:

— Мистер Леггет дома?

— Да. — Голос у нее был такой же безмятежный, как лицо. — Он вам нужен?

Я сказал, что нужен.

Она улыбнулась мне и лужайке.

— Вы тоже сыщик?

Я не стал отпираться.

Она отвела меня в зелено-оранжево-шоколадную комнату на втором этаже, усадила в парчовое кресло и пошла за мужем в лабораторию. Дожидаясь его, я оглядел комнату и решил, что тускло-оранжевый ковер у меня под ногами, похоже, в самом деле восточный и в самом деле старинный, что ореховая мебель — не фабричной работы, а японские литографии на стенах отобраны не ханжой.

Эдгар Леггет вошел со словами:

— Извините, что заставил ждать, — не мог прервать опыт. Что-нибудь выяснили?

Голос у Леггета оказался грубым и скрипучим, хотя говорил он вполне дружелюбно. Это был смуглый человек лет сорока пяти, среднего роста, стройный и мускулистый. Если бы не глубокие резкие морщины, избороздившие лоб и протянувшиеся от носа к углам рта, его темное лицо было бы красивым. Широкий морщинистый лоб обрамляли темные вьющиеся волосы, довольно длинные. Светло-карие глаза за очками в роговой оправе блестели неестественно ярко. Нос у него был длинный, тонкий, с высокой переносицей. Губы узкие, резко очерченные, нервные, а подбородок маленький, но твердый. Одет он был опрятно, в белую рубашку и черный костюм — и

костюм сидел на нем хорошо.

— Пока нет, — ответил я на его вопрос. — Я не полицейский — агентство «Континентал»... Нанят страховой компанией, и я только приступил.

— Страховой компанией? — Он удивленно поднял темные брови над темной оправой очков.

— Да. А разве...

— Ну конечно, — сказал он с улыбкой, прервав мои объяснения легким взмахом руки. Рука была длинная, узкая, с утолщавшимися на концах пальцами, некрасивая, как все натренированные руки. — Конечно. Камни должны быть застрахованы. Я об этом не подумал. Понимаете, алмазы не мои — Холстеда.

— Ювелиры Холстед и Бичем? Страховая компания мне подробностей не сообщила. Вы их не купили, а взяли на время?

— Для опытов. Холстед узнал о моих работах по окраске готового стекла и заинтересовался, нельзя ли применить мои методы к алмазам нечистой воды — для устранения желтоватого и коричневого оттенка и усиления голубого. Он просил меня попробовать и пять недель назад дал для опытов эти камни. Восемь штук, не особенно ценные. Самый большой весил чуть больше половины карата, были там и по четверть карата,

и за исключением двух все — плохого оттенка. Их и украли.

— Значит, опыты были неудачны? — спросил я.

— По правде говоря, я ничего не добился. Задача оказалась посложнее, алмазы — не стекло.

— Где вы их держали?

— Обычно на виду — в лаборатории, разумеется. Но эти несколько дней — с последнего неудачного опыта — они были заперты в шкафчике.

— Кто знал об опытах?

— Кто угодно, все — тайны тут никакой нет.

— Их украли из шкафчика?

— Да. Сегодня утром мы встали — парадная дверь открыта, ящик взломан, а бриллиантов нет. Полицейские обнаружили вмятины и на кухонной двери. Они сказали, что вор проник через нее, а ушел через парадную. Ночью мы ничего не слышали. И ничего больше не пропало.

— Утром, когда я спустился, парадная дверь была приоткрыта. — Жена Леггета говорила с порога лаборатории. — Я пошла наверх, разбудила Эдгара, мы осмотрели дом, и оказалось, что бриллианты исчезли. Полицейские считают, что украл их, наверное, тот человек, которого я вчера видела.

Я спросил, какого человека она видела.

— Вчера ночью, около двенадцати, перед тем как лечь, я открыла окна в спальне. На углу стоял человек. Не могу сказать даже теперь, что он выглядел как-то подозрительно. Стоит и как будто кого-то ждет. Смотрел в нашу сторону, но мне не показалось, что он наблюдает за домом. По виду лет сорока с лишним, плотный, коренастый — приблизительно вашего сложения, — бледный... и у него были каштановые встопорщенные усы. В мягкой шляпе и пальто... темном, по-моему, коричневом. Полицейские считают, что Габриэла видела того же самого человека.

— Кто?

— Габриэла, моя дочь. Как-то раз она возвращалась домой поздно ночью — по-моему, в субботу ночью, — увидела здесь человека и подумала, что он спустился с нашего крыльца; но она не была в этом уверена и забыла о нем — вспомнила только после кражи.

— Я бы хотел с ней побеседовать. Она дома?

Миссис Леггет пошла за дочерью. Я спросил Леггета:

— В чем хранились бриллианты?

— Они были, конечно, без оправы и хранились в конвертиках — от Холстеда и Бичема, каждый

в своем, а на конвертах карандашом написаны номер и вес камня. Конверты тоже исчезли.

Жена Леггета вернулась с дочерью, девушкой лет под двадцать, в белом шелковом платье без рукавов. Среднего роста и на вид субтильнее, чем на самом деле. Волосы у нее были вьющиеся, как у отца, и не длиннее, чем у него, но более светлые, каштановые. Острый подбородок, белая, необычайно нежная кожа и большие зеленовато-карие глаза — все остальное в лице было удивительно мелкое — и лоб, и рот, и зубы. Я поднялся, когда нас представили друг другу, и спросил, какого человека она видела.

— Я не уверена, что он шел от дома, — сказала она, — и даже с нашего участка. — Отвечала она угрюмо, как будто мои расспросы ей не нравились. — Я решила, что, может быть, и от нас, но видела только, как он шел по улице.

— Как он выглядел?

— Не знаю. Было темно. Я сидела в машине, он шел по улице. Я его не разглядывала. Ростом с вас. Не знаю, может, это вы и были.

— Не я. В субботу ночью?

— Да... то есть уже в воскресенье.

— В котором часу?

— Ну... в три, в начале четвертого, — с раздра-

жением ответила она.

— Вы были одна?

— Не сказала бы.

Я спросил, с кем она была, и в конце концов все же услышал имя: домой ее привез Эрик Коллинсон. Я спросил, где мне найти Эрика Коллинсона. Она нахмурилась, помялась и ответила, что он служит в биржевой конторе «Спир, Кемп и Даффи». Затем сказала, что подыхает от головной боли и надеется, что я ее извиню, поскольку вопросов у меня к ней, видимо, больше нет. После чего, не дожидаясь моего ответа, повернулась и вышла из комнаты. Когда она повернулась, я обратил внимание, что уши у нее без мочек и странно заостряются кверху.

— А что ваши слуги? — спросил я у миссис Леггет.

— У нас только одна — Минни Херши, цветная. Ночует она не здесь, и думаю, что никакого отношения к краже не имеет. Она у нас почти два года, за ее честность я ручаюсь.

Я сказал, что хочу поговорить с Минни, и миссис Леггет позвала ее. Пришла маленькая жилистая мулатка с прямыми черными волосами и индейскими чертами лица. Она была очень вежлива и твердила, что к бриллиантам никакого отноше-

ния не имеет, да и о краже узнала только утром, когда пришла на работу. Она дала мне свой адрес — в негритянском районе Сан-Франциско.

Леггет и его жена отвели меня в лабораторию, большую комнату, занимавшую почти целиком третий этаж. На беленых стенах между окнами висели таблицы. Голый дощатый пол. Рентгеновский аппарат — или что-то похожее, — еще четыре или пять аппаратов, кузнечный горн, широкая раковина, большой цинковый стол, несколько эмалированных поменьше, штативы, полки с химической посудой, металлические бачки — лаборатория была загромождена изрядно.

Шкафчик, откуда вор украл алмазы, был стальной, зеленый, с шестью ящиками, запиравшимися одним замком. Второй ящик сверху — в нем и лежали камни — был выдвинут. На ребре передней стенки остались вмятины от ломика или зубила. Остальные ящики были заперты. Леггет сказал, что, когда взломали этот ящик, запор заклинило, и теперь придется звать слесаря, чтобы открыть остальные.

Мы спустились по лестнице и через комнату, где мулатка работала пылесосом, прошли в кухню. Черная дверь и косяк хранили такие же отметины, как ящик, — видимо, от того же ору-

жия. Осмотрев дверь, я вынул из кармана алмаз и показал Леггету:

— Он из тех?

Леггет взял его у меня с ладони двумя пальцами, поднес к свету, повертел и сказал:

— Да. Вот мутное пятнышко на нижней грани. Где вы его нашли?

— Перед фасадом, в траве.

— Ага, наш взломщик впопыхах обронил добычу. Я сказал, что сомневаюсь в этом.

Леггет нахмурил за очками брови, посмотрел на меня прищурясь и резко спросил:

— Вы что думаете?

— Думаю, что его подбросили. Уж больно много знал ваш взломщик. Знал, в какой ящик лезть. На остальные времени не тратил. У нас говорят: «Работал свой», — это облегчает дело, когда мы можем найти жертву не сходя с места; но ничего больше я здесь пока не вижу.

На пороге появилась Минни, по-прежнему с пылесосом, и стала кричать, что она честная девушка и никто не имеет права ее обвинять, и пускай ее обыщут, если хотят, и квартиру обыщут, а если она цветная, то это еще не причина — и так далее, и так далее; расслышать удалось не все, потому что пылесос гудел, а сама Минни

рыдала. По щекам у нее текли слезы.

Миссис Леггет подошла к ней, потрепала по плечу и сказала:

— Ну, хватит, хватит. Не плачь. Я знаю, что ты ни при чем, и все знают. Ну, хватит, хватит.

В конце концов девушка унялась, и миссис Леггет услала ее наверх.

Леггет сел на угол кухонного стола и спросил:

— Вы подозреваете кого-то в доме?

— Кого-то, кто был в доме, — безусловно.

— Кого?

— Пока никого.

— Иными словами, — он улыбнулся, показав белые и почти такие же мелкие, как у дочери, зубы, — всех... каждого из нас?

— Давайте посмотрим на лужайке, — предложил я. — Если найдем еще алмазы, я, пожалуй, откажусь от версии, что работал свой.

На полпути к выходу мы повстречали Минни Херши в бежевом пальто и лиловой шляпке — она шла прощаться с хозяйкой. Она сказала со слезами, что не будет работать в таком месте, где ее подозревают в воровстве. Честности у нее не меньше, чем у других, а то и побольше, чем у некоторых, и ее тоже нужно уважать, а если не уважают, она поищет в другом месте, она знает

такие места, где ее не будут держать за воровку, после того как она проработала два года и ломтика хлеба с собой не унесла.

Миссис Леггет и упрашивала ее, и убеждала, и журила, и пыталась прикрикнуть, но все без толку. Служанка была непреклонна и отбыла.

Миссис Леггет посмотрела на меня со всей строгостью, какую могла придать своему добродушному лицу, и укоризненно сказала:

— Вот видите, что вы наделали.

Я сказал, что сожалею, и вместе с хозяином ушел осматривать лужайку. Других алмазов мы не нашли.

2. Длинноносый

Часа два я истратил на соседей, пытаясь что-нибудь разузнать о человеке, которого видели жена и дочь Леггета. Этот не прояснился, зато я услышал о другом. Первой мне рассказала о нем некая миссис Пристли — бледная инвалидка, жившая за три дома от Леггетов.

По ночам из-за бессонницы миссис Пристли нередко сидела возле окна на улицу. И дважды видела этого человека. Она сказала, что он высокий и, кажется, молодой, а на ходу выставляет вперед голову. Улица плохо освещена, и разглядеть цвет волос и одежду она не могла.

Впервые она увидела его неделю назад. Пять или шесть раз, с интервалами минут в пятнадцать — двадцать, он прошел взад и вперед по другой стороне улицы, повернув лицо так, как будто искал что-то на той стороне, где жила миссис Пристли — и Леггеты. Первый раз в ту ночь она увидела его между одиннадцатью и двенадцатью, а последний раз — наверное, около часу. Через несколько дней — в субботу ночью — она увидела его опять, на этот раз он не ходил, а стоял на углу и наблюдал за улицей. Через полчаса он

ушел, и больше она его не видела.

Миссис Пристли знала Леггетов в лицо, но никакими сведениями о них не располагала — слышала только, что дочь у них немного взбалмошная. Люди они, кажется, симпатичные, но держатся особняком. Он поселился в доме в 1921 году, один, с экономкой, некоей миссис Бегг — теперь она, насколько известно миссис Пристли, живет в Беркли у людей по фамилии Фримандеры. Миссис Леггет и Габриэла переехали сюда только в 1923 году.

Миссис Пристли сказала, что вчера ночью не сидела у окна и поэтому не видела того человека, которого заметила на углу миссис Леггет.

Другой сосед, Уоррен Дейли, живший на другой стороне улицы, возле угла, где миссис Пристли видела постороннего, застал у себя в вестибюле человека, по-видимому, того же самого, в воскресенье, запирая на ночь дверь. Когда я к ним зашел, самого Дейли не было дома, но жена его рассказала об этом происшествии, а потом соединила меня с ним по телефону.

Дейли сказал, что человек стоял в вестибюле, то ли наблюдая за кем-то на улице, то ли от кого-то прячась. Как только Дейли открыл дверь, человек бросился бежать, не обращая внимания на

крик Дейли: «Вы что тут делаете?» Дейли сказал, что незнакомцу тридцать два — тридцать три года, одет прилично, в темное, и у него длинный, тонкий, острый нос. Вот и все, что мне удалось вытрясти из соседей. Я отправился на Монтгомери-стрит в контору Спира, Кемпа и Даффи и спросил Эрика Коллинсона.

Это был молодой блондин, высокий, плечистый, загорелый, нарядный, с красивым неумным лицом человека, досконально изучившего поло, стрельбу, летное дело или что-нибудь в этом роде — а может быть, и два подобных предмета, — и почти ничего кроме. Мы сели на пухлый кожаный диванчик в комнате для посетителей; рабочий день на бирже кончился, и комната была пуста, если не считать худосочного парня, менявшего цифры на доске. Я рассказал Коллинсону о краже и спросил, что за человека они с мисс Леггет видели в субботу ночью.

— С виду обыкновенный, насколько мне удалось разглядеть. Было темно. Приземистый, плотный. Думаете, это он украл?

— Он шел от дома Леггетов? — спросил я.

— Во всяком случае, с участка. Вел себя нервно — мне показалось, он что-то там вынюхивал. Я хотел догнать его и спросить, что он здесь делает,

но Габи не позволила. Это мог быть знакомый ее отца. Его вы не спрашивали? Он водится со странными типами.

— А не поздновато ли для гостя?

Он стал смотреть в другую сторону, и поэтому я спросил:

— Который был час?

— Да, пожалуй, полночь.

— Полночь?

— А что? Самое время. Час, когда разверзаются могилы и блуждают призраки.

— Мисс Леггет сказала, что это было в четвертом часу ночи.

— Вот видите! — ответил он, вежливо торжествуя, словно доказал мне что-то в споре. — Она полуслепая, а очки не носит, считает, что ей не идут. И вечно попадает впросак. В бридж с ней играть — наказание: путает двойки с тузами. Наверное, было четверть первого, она посмотрела на часы и перепутала стрелки.

— Да, жаль, — сказал я, а потом: — Спасибо, — и пошел в магазин Холстеда и Бичема на Гиристрит.

Уотт Холстед оказался любезным лысым толстяком с усталыми глазами и слишком тугим воротничком. Я объяснил ему, чем занимаюсь, и

спросил, хорошо ли он знает Леггета.

— Знаю его как порядочного клиента и наслышан как об ученом. Почему вы спрашиваете?

— История с кражей сомнительна... местами, по крайней мере.

— Нет, вы ошибаетесь. Ошибаетесь, если думаете, что человек его калибра может заниматься такими вещами. Слуга — пожалуйста; это возможно: такое часто бывает. Но Леггет — нет. У него репутация серьезного ученого, его работы по окраске удивительны... и, если сведения нашего кредитного отдела верны, человек он вполне обеспеченный. Я не хочу сказать, что он богач в современном смысле слова, но достаточно богат, чтобы не пачкаться из-за мелочей. Между нами говоря, мне известно, что сейчас на его счету в Национальном банке Симена более десяти тысяч долларов. Ну, а восемь бриллиантов стоили от силы тысячу двести — тысячу триста.

— В розницу? Значит, вам они обошлись в пятьсот или в шестьсот?

— Точнее сказать, — он улыбнулся, — в семьсот пятьдесят.

— Как случилось, что вы дали ему алмазы?

— Он наш клиент — я вам уже говорил, — и когда я узнал, что он делает со стеклом, я подумал,

что было бы замечательно применить тот же метод к алмазам. Фицстивен — это в основном от него я узнал об опытах Леггета со стеклом — отнесся к идее скептически, но я думал, что попробовать стоит... и сейчас так думаю... и убедил Леггета этим заняться.

Фамилия Фицстивен показалась мне знакомой. Я спросил:

— Это какой Фицстивен?

— Оуэн, писатель. Вы его знаете?

— Да, но я не знал, что он здесь. Когда-то мы частенько виделись. Вы его адрес знаете?

Холстед нашел его мне в телефонной книге — писатель жил на Ноб-хилле.

От ювелира я отправился к Минни Херши. Район был негритянский, а это значило, что вероятность получить здесь точные сведения еще меньше, чем обычно.

Выяснить мне удалось следующее. Девушка приехала в Сан-Франциско из Винчестера в Виргинии четыре или пять лет назад и последние полгода жила с негром Тингли по кличке Носорог. Один сказал мне, что его зовут Эд, другой — что Билл, но оба сошлись на том, что он молодой, большой, черный и что его легко узнать по шраму на подбородке. Мне сообщили, что кормят его

Минни и бильярд, что малый он ничего, пока не взбесится, и тогда с ним сладу нет, что увидеть его я могу почти каждый вечер, только пораньше, либо в парикмахерской Кролика Мака, либо в табачном магазине Гербера.

Узнав, где находятся эти заведения, я вернулся в центр, в управление уголовного розыска, размещавшееся во Дворце юстиции. Из той группы, что занимается ломбардами, не было никого. Я перешел коридор и спросил лейтенанта Даффа, отряжен ли кто на дело Леггета. Он сказал:

— Найдите О'Гара.

Я пошел посмотреть, нет ли О'Гара в общей комнате, хотя не мог понять, какое отношение он, сержант из отдела тяжких преступлений, может иметь к моей истории. Ни О'Гара, ни его напарника Пата Редди не было. Я закурил, попробовал угадать, кого убили, а потом решил позвонить Леггету.

— После меня полицейские агенты у вас не появлялись? — спросил я, услышав в трубке его грубый голос.

— Нет, но недавно позвонили из полиции и попросили жену и дочь прийти на Голден-Гейт-авеню для опознания. Они вышли несколько минут назад. Я с ними не пошел, потому что не

видел предполагаемого вора.

— Куда именно на Голден-Гейт-авеню?

Номер дома он сказать не мог, но квартал запомнил — на углу Ван-Несс-авеню. Я поблагодарил его и отправился туда.

В указанном квартале, перед подъездом небольшого дома, я увидел полицейского в форме. Спросил у него, здесь ли О'Гар.

— В триста десятой, — сказал он.

Я поднялся на ветхом лифте. На третьем этаже, выходя из кабины, я столкнулся лицом к лицу с миссис Леггет и ее дочерью — они уходили.

— Надеюсь, теперь вы убедились, что Минни ни при чем, — с укором сказала миссис Леггет.

— Полиция нашла вашего человека?

— Да.

Я сказал Габриэле:

— Эрик Коллинсон говорит, что в субботу ночью вы вернулись в двенадцать или в начале первого, не позже.

— Эрик, — раздраженно бросила она, проходя мимо меня к лифту, — идиот.

Мать, шагнув в кабину, ласково упрекнула ее:

— Ну что ты, милая.

Я пошел по коридору к двери, где Пат Редди беседовал с двумя репортерами, сказал: «Здрав-

ствуйте», протиснулся мимо них в короткий коридорчик, а оттуда в убого обставленную комнату, где лежал на кровати мертвец.

Эксперт Фелс поднял голову от лупы, кивнул мне и продолжал изучать край тяжелого простого стола.

О'Гар, высунувшийся в открытое окно, повернулся к нам и проворчал:

— Опять, значит, будете путаться у нас под ногами?

О'Гар был грузный флегматичный мужчина лет пятидесяти и носил широкополую черную шляпу, как у шерифов в кино. Его круглая упрямая голова соображала очень неплохо, и работать с ним было удобно.

Я посмотрел на труп — человек лет сорока с тяжелым белым лицом, короткими волосами, тронутыми сединой, щеткой темных усов и короткими, массивными руками и ногами. Прямо над пупком у него было пулевое отверстие, и выше, в левой стороне груди, — другое.

— Это мужчина, — сказал О'Гар, когда я снова накрыл его одеялом. — Он мертвый.

— Что еще вам о нем рассказали? — спросил я.

— Похоже, этот и другой украли камни, а потом другой раздумал делиться. Конверты здесь, —

О'Гар вынул их из кармана и прошелся по пачке большим пальцем, — а бриллиантов нет. Совсем недавно камушки отбыли по пожарной лестнице в кармане его компаньона. Люди видели, как парень улизнул, но потеряли его из виду, когда он нырнул в проулок. Высокий, с длинным носом. Вот этот, — он показал конвертами на кровать, — жил здесь неделю. Луис Аптон, бумаги выправлены в Нью-Йорке. Нам он неизвестен. В этой берлоге никто не видел, чтобы к нему кто-то приходил. Длинноносого никто будто бы не знает.

Вошел Пат Редди, крупный веселый парень — и настолько смекалистый, что это почти компенсировало недостаток опыта. Я рассказал ему и О'Гару, что мне удалось выяснить к этому часу.

— Длинноносый и покойник по очереди следили за домом Леггетов? — предположил Редди.

— Возможно, — ответил я, — но там свои замешаны. Сколько у вас тут конвертов?

— Семь.

— Значит, одного, где лежал подброшенный алмаз, не хватает.

— А что мулатка? — спросил Редди.

— Вечером собираюсь взглянуть на ее кавалера, — сказал я. — А ваши разузнают в Нью-Йорке

про этого Аптона?

— Угу, — сказал О'Гар.

3. Что-то черное

На Ноб-хилле, в доме, который мне назвал Холстед, я сказал привратнику свою фамилию и попросил позвонить Фицстивену. Фицстивена я хорошо помнил: этот высокий, тощий, рыжеватый человек тридцати двух лет, с сонными серыми глазами и широким насмешливым ртом, одевался небрежно, прикидывался большим лентяем, чем был на самом деле, и любому занятию предпочитал разговоры. О каком бы предмете ни зашла речь, у Фицстивена всегда было вдоволь точных сведений и оригинальных идей — лишь бы только предмет был не совсем обычным.

Познакомился я с ним пять лет назад в Нью-Йорке, когда занимался шайкой мошенников-медиумов, нагревшей вдову торговца льдом и углем примерно на сто тысяч долларов. Фицстивен охотился в тех же угодьях за литературным материалом. Мы познакомились и объединили силы. Мне этот союз принес выгод больше, чем ему, потому что спиритическую лавочку Фицстивен знал вдоль и поперек, и с его помощью я закончил дело за две недели. Наши приятельские отношения продолжались еще месяц-другой, а

потом я уехал из Нью-Йорка.

— Мистер Фицстивен просит вас подняться, — сказал привратник.

Квартира была на шестом этаже. Когда я вышел из лифта, Фицстивен стоял у себя в дверях.

— Глазам не верю, — сказал он, протянув худую руку. — Вы?

— Собственной персоной.

Он нисколько не изменился. Мы вошли в комнату, где пяток книжных шкафов и четыре стола почти не оставили места для людей. Повсюду валялись журналы и книги на разных языках, бумаги, газетные вырезки, гранки — все как в его нью-йоркской квартире.

Мы сели, кое-как разместили ноги между ножками столов и в общих чертах описали свою жизнь за то время, что не виделись. Фицстивен обитал в Сан-Франциско чуть больше года, выезжая только по выходным, да месяца два прожил отшельником за городом, когда заканчивал роман. Я перебрался сюда почти пять лет назад. Он сказал, что Сан-Франциско ему нравится, но, если возникнет идея вернуть Запад индейцам, он всей душой за это.

— А как литературные барыши? — спросил я.

Он посмотрел на меня пронзительно:

— Вы меня не читали?

— Нет. Что за странная идея?

— В вашем тоне проскользнуло что-то собственническое — так говорит человек, закупивший писателя доллара за два. Подобное мне редко приходится слышать — я еще не привык. Боже мой! Помните, один раз я предложил вам собрание моих книжек в подарок? — Он любил разговоры в таком духе.

— Ага. Но я на вас не в обиде. Вы тогда напились.

— Хересу... Хересу, у Эльзы Донн. Помните Эльзу? Она поставила перед нами только что законченную картину, и вы сказали: «Очень мило». Господи, как же она разъярилась! Вы изрекли это так искренне и вяло, словно были уверены, что она должна обрадоваться. Помните? Она нас выставила, но вы уже успели набраться. Впрочем, не настолько, чтобы взять книги.

— Боялся, что прочту их и пойму, — объяснил я, — и вы почувствуете себя оскорбленным.

Китайчонок принес нам холодного белого вина. Фицстивен сказал:

— А вы, значит, по-прежнему ловите незадачливых злодеев?

— Да. Из-за этого и на ваш след напал. Холстед

говорит, что вы знаете Эдгара Леггета.

В сонных серых глазах что-то блеснуло, и он слегка выпрямился в кресле:

— Леггет что-то натворил?

— Почему вы так сказали?

— Я не сказал. Я спрашиваю. — Он снова обмяк в кресле, но блеск в его глазах не потух. — Ну хватит, рассказывайте. Оставим хитроумие: это не ваш стиль, дорогой мой. А будете упорствовать — только запутаетесь. Ну-ка, что натворил Леггет?

— У нас так не принято, — сказал я. — Вы сочинитель. Вам расскажи, сразу нафантазируете Бог знает что. Я помолчу, а вы говорите, чтобы не подгонять свою историю под мою. Давно с ним познакомились?

— Вскоре после того, как переехал сюда. Он меня очень занимает. В нем есть что-то непонятное, что-то темное, интригующее. Например, в физическом отношении он аскет — не курит, не пьет, ест мало, спит, по рассказам, три-четыре часа в сутки, но в душевном, духовном плане он сенсуалист — это слово вам что-нибудь говорит? — сенсуалист на грани извращенности. Вы считали, что у меня ненормальный интерес к фантастическому. Вам бы с ним пообщаться. В друзьях у него... нет, у него нет друзей... в его

ближайшем окружении люди с самыми диковинными идеями: Маркар со своими безумными цифрами, которые вовсе не цифры, а границы областей в пространстве; Денбар Керт со своей алгебраистикой, Холдорны и их секта Святого Грааля, безумная Лора Джойнс, Фарнем...

— И вы, — вставил я, — с объяснениями и описаниями, которые ничего не объясняют и не описывают. Надеюсь, вам понятно, что все ваши слова для меня — пустой звук?

— Вот теперь я вас узнаю: очень похоже на вас. — Он ухмыльнулся и провел пятерней по рыжеватым волосам. — Расскажите, в чем дело, а я пока придумаю для вас эпитеты покрепче.

Я спросил, знает ли он Эрика Коллинсона. Он ответил, что да; но знать там нечего, кроме того, что он обручен с Габриэлой Леггет, что его отец — тот самый лесопромышленник Коллинсон, а сам Эрик — это Принстон, акции, облигации и ручной мяч, славный малый.

— Возможно, — сказал я, — но он мне врал.

— Вот что значит сыщик! — Фицстивен помотал головой и улыбнулся. — Вам попался кто-то другой — кто-то выдавал себя за Эрика. Рыцарь без страха и упрека не врет, а кроме того, для вранья требуется воображение. Вы просто... По-

стойте! Ваш вопрос касался женщины?

Я кивнул.

— Тогда понятно, — успокоил меня Фицстивен. — Извините. Рыцарь без страха и упрека всегда врет, если дело касается женщины, — врет даже без нужды и причиняет ей множество неудобств. Это — одно из рыцарских правил: охранять ее честь и тому подобное. А женщина кто?

— Габриэла Леггет, — ответил я и рассказал ему все, что знал о Леггетах, бриллиантах и мертвеце на Голден-Гейт-авеню. По ходу моего рассказа разочарование все сильнее проступало на его лице.

— Это ничтожно и скучно, — с обидой сказал он, когда я кончил. — Я примерял Леггета к романам Дюма, а вы предлагаете мне безделушку из О'Генри. Вы разочаровали меня своими бриллиантиками. Но, — глаза у него опять блеснули, — это может иметь продолжение. Преступник Леггет или не преступник, мелкое мошенничество со страховкой — не его масштаб.

— Вы хотите сказать, что он — из этих пресловутых стратегов уголовного мира? Никак вы газеты читаете? Кто же он, по-вашему? Король бутлегеров? Заправила международного преступного синдиката? Скупщик живого товара? Главарь

торговцев наркотиками? Или переодетая королева фальшивомонетчиков?

— Не будьте кретином, — сказал он. — Нет, у него хорошие мозги, и в нем есть что-то черное. Есть что-то такое, о чем он не хочет думать, но чего не должен забывать. Я сказал вам, он жаден до всего невероятного, ошеломляющего, и вместе с тем он холодный как лед... нет: обжигающе холодный. Это невротик, который держит свое тело в форме, в готовности — к чему? — а свое сознание дурманит безумными идеями. И вместе с тем он холоден и трезв. Если человек хочет забыть свое прошлое, ему проще всего заглушить память через тело — чувственностью, если не наркотиками. Но, положим, прошлое не умерло, и человек должен быть в форме, чтобы совладать с ним, если оно ворвется в настоящее. В таком случае самое правильное — анестезировать разум непосредственно, а тело беречь и укреплять.

— Так что насчет прошлого?

Фицстивен покачал головой:

— Если я не знаю — а я не знаю, — это не моя вина. Прежде чем вы распутаете свое дело, вы поймете, как трудно получить информацию в их семействе.

— Вы пробовали?

— Конечно. Я писатель. Мой предмет — души и то, что в них происходит. Его душа меня интересует, и меня всегда задевало, что он не хочет вывернуть ее передо мной наизнанку. Например, я сомневаюсь, что его фамилия Леггет. Он француз. Как-то он сказал, что родом из Атланты, но он француз и внешне, и по складу ума, и по всему, кроме места жительства.

— А его семейство? — спросил я. — Габриэла со сдвигом, как по-вашему?

— Интересно. — Фицстивен посмотрел на меня с любопытством. — Вы это так брякнули или правда думаете, что она не в себе?

— Не знаю. Она странный, трудный человек. Кроме того, у нее звериные уши, почти нет лба, а глаза — то зеленые, то карие, непрерывно меняют цвет. Удалось вам что-нибудь разнюхать о ее жизни?

— И это вы, зарабатывающий разнюхиванием, смеете издеваться над моим интересом к людям и над моими попытками его удовлетворить?

— Есть разница, — сказал я. — Я разнюхиваю для того, чтобы поместить людей в тюрьму, и мне за это платят, хотя меньше, чем следовало бы.

— Нет разницы, — ответил он. — Я разнюхиваю, чтобы поместить людей в книгу, и мне за это

платят, хотя меньше, чем следовало бы.

— Ну и что проку от этого?

— Бог его знает. А что проку сажать их в тюрьму?

— Уменьшает перенаселенность, — сказал я. — Посадите побольше народу, и в городах не будет транспортных проблем. Что вы знаете о Габриэле?

— Она ненавидит отца. Он ее обожает.

— Отчего же ненависть?

— Не знаю; может быть, от того, что он ее обожает.

— Ничего не понять, — пожаловался я. — Это просто литературщина. А жена Леггета?

— Вы, наверное, ни разу у нее не ели? У вас отпали бы всякие сомнения. Только безмятежная, прозрачная душа может достичь такого кулинарного искусства. Я часто спрашивал себя, что она думает об этих фантастических существах — муже и дочери, — но, скорее всего, она просто принимает их такими, как есть, и даже не замечает их странностей.

— Все это очень замечательно, но вы по-прежнему не сказали мне ничего определенного.

— Не сказал, — согласился он. — Именно так, мой милый. Я рассказал вам, что я знаю и что

представляю себе, — и все это неопределенно. В том-то и дело — за год я не выяснил ничего определенного о Леггете. Не убеждает ли это вас — учитывая мою любознательность и незаурядное умение утолять ее, — что он скрывает нечто, и скрывает умело?

— Да? Не знаю. Знаю только, что потратил много времени и не узнал ничего такого, за что можно посадить в тюрьму. Пообедаем завтра вечером? Или послезавтра?

— Послезавтра. Часов в семь?

Я сказал, что заеду за ним, и ушел. Был уже шестой час. Обед я пропустил и поэтому пошел поесть к Бланко, а оттуда — в негритянский район, посмотреть на Тингли — Носорога.

Я нашел его в табачном магазине Гербера: он катал в зубах толстую сигару и рассказывал что-то четверке негров.

— ...говорю: «Нигер, ты себе языком могилу роешь», — цап его рукой, а его словно сдуло, нету его, только следы в бетоне, ей-богу, один от другого — два метра, и домой идут.

Покупая сигареты, я присмотрелся к нему. Он был шоколадного цвета, лет под тридцать, ростом около метра восьмидесяти и весом в девяносто с лишним, пучеглазый, с желтоватыми

белками, широким носом, толстыми синими губами, синими деснами и неровным черным шрамом, сбегавшим от нижней губы за ворот полосатой бело-голубой рубашки. Костюм на нем был довольно новый и даже еще выглядел новым, а носил его Тингли с шиком. Говорил он густым басом, и, когда смеялся вместе со своими слушателями, звенело стекло в шкафах.

Я вышел из магазина, пока они смеялись, услышал, как смех смолк у меня за спиной, и, преодолев искушение оглянуться, пошел по улице туда, где жили Носорог и Минни. Он нагнал меня, когда я подходил к их дому.

Я ничего не сказал, и несколько шагов мы прошли бок о бок. Заговорил он:

— Это вы тут, что ли, про меня расспрашивали?

Кислый дух итальянского вина сгустился так, что стал видимым.

Я подумал и ответил:

— Да.

— Какое вам дело до меня? — спросил он, не враждебно, а так, как будто хотел это знать.

На другой стороне улицы из дома Минни вышла Габриэла Леггет, в коричневом пальто и коричневой с желтым шляпке, и, не поглядев в

нашу сторону, пошла прочь. Она шагала быстро, прикусив нижнюю губу.

Я посмотрел на негра. Он смотрел на меня. В лице его ничего не переменилось: то ли он не видел Габриэлу Леггет, то ли просто не знал ее. Я сказал:

— Вам ведь нечего скрывать? Так какая вам разница, кто о вас спрашивает?

— Все равно, хотите узнать про меня — меня и спрашивайте. Это из-за вас Минни выгнали?

— Ее не выгнали. Она ушла.

— А чего ей слушать всякое хамство? Она...

— Пойдемте поговорим с ней, — предложил я и стал переходить улицу. Перед подъездом он обогнал меня, поднялся на один марш, прошел по темному холлу к двери и отпер ключом из связки, в которой их было штук двадцать.

Когда мы вошли в комнату, из ванной, в розовом кимоно, отороченном желтыми страусовыми перьями, похожими на сухие папоротники, появилась Минни Херши. Увидев меня, она широко раскрыла глаза. Носорог сказал:

— Минни, ты знаешь этого джентльмена?

— Д-да.

Я сказал:

— Не надо тебе было уходить от Леггетов. Никто

не думает, что ты причастна к истории с бриллиантами. Что тут понадобилось мисс Леггет?

— Не было тут никакой мисс Леггет, — ответила она. — Не понимаю, о чем вы говорите.

— Она вышла отсюда, когда мы подходили.

— А-а! Мисс Леггет. Я думала вы сказали: миссис Леггет. Извините. Да. Мисс Габриэла была здесь. Спрашивала, не вернусь ли я к ним. Она меня очень уважает, мисс Габриэла.

— Вот и возвращайся, — сказал я. — Глупо, что ты ушла.

Носорог вынул изо рта горящую сигару и указал ею на девушку.

— Ушла от них, — загудел он, — и нечего тебе там делать. Нечего от них всякую гадость слушать. — Он засунул руку в брючный карман, вытащил толстую пачку денег, шлепнул ее на стол и пророкотал: — Чего тебе ходить в прислугах?

Обращался он к девушке, но глядел на меня — с улыбкой, блестя золотыми зубами. Девушка презрительно посмотрела на него и сказала:

— Паясничай перед ним, пьянь, — и, снова повернув ко мне коричневое лицо, серьезно, с нажимом, словно боясь, что ей не поверят, добавила: — В кости выиграл. Помереть мне, если

нет.

Носорог сказал:

— Никого не касается, где я достал деньги. Достал, и все. У меня... — Он положил сигару на край стола, языком, похожим на коврик в ванной, смочил большой, как пятка, палец и стал отсчитывать на стол купюры. — Двадцать... тридцать... восемьдесят... сто... сто десять... двести десять... триста десять... триста тридцать... триста тридцать пять... четыреста тридцать пять... пятьсот тридцать пять... пятьсот восемьдесят пять... шестьсот пять... шестьсот десять... шестьсот двадцать... семьсот двадцать... семьсот семьдесят... восемьсот двадцать... восемьсот тридцать... восемьсот сорок... девятьсот сорок... девятьсот шестьдесят... девятьсот семьдесят... девятьсот семьдесят пять... девятьсот девяносто пять... тысяча пятнадцать... тысяча двадцать... тысяча сто двадцать... Тысяча сто семьдесят. Кому интересно, сколько у меня денег, — вот сколько у меня денег: тысяча сто семьдесят долларов. Кому интересно, где я их взял, — хочу — скажу, не хочу — не скажу. По настроению.

Минни сказала:

— Он их в кости выиграл, в клубе «Счастливый день». Помереть мне, если нет.

— Может, выиграл, — сказал Носорог, по-прежнему широко улыбаясь мне. — А если не выиграл?

— Загадки разгадывать не умею, — сказал я и, еще раз посоветовав девушке вернуться к Леггетам, вышел из квартиры. Минни закрыла за мной дверь. Пока я шел по холлу, слышно было, как она выговаривает Носорогу, а он басом смеется в ответ.

В закусочной «Сова» я раскрыл телефонный справочник на городе Беркли, нашел там только одного Фримандера и заказал его номер. Миссис Бегг была дома и согласилась принять меня, если я прибуду с ближайшим паромом.

Дом Фримандеров расположился в стороне от извилистого шоссе, поднимавшегося в гору к Калифорнийскому университету.

Миссис Бегг оказалась худой и ширококостной женщиной, с жидкими седоватыми волосами, туго стянутыми на костистой голове, жесткими серыми глазами и жесткими ловкими руками. Она была сурова и угрюма, но при этом достаточно откровенна, так что к делу мы перешли без особых предисловий и околичностей.

Я рассказал ей о краже, о том, что вору помогал или, по крайней мере, подсказывал кто-то, хоро-

шо знакомый с домом Леггетов, и закончил:

— Мне сказала миссис Пристли, что вы были домоправительницей у Леггетов и, наверное, сможете мне помочь.

Миссис Бегг сомневалась, стоило ли мне ехать в другой город ради того, чтобы услышать ее рассказ, но, как честная женщина, которой скрывать нечего, выразила готовность оказать мне всяческое содействие. Начав, однако, она разогналась так, что чуть не заговорила меня насмерть. Если отбросить все, не относящееся к делу, я почерпнул из ее рассказа следующее.

Леггет взял ее в экономки через агентство по найму весной 1921 года. Сперва ей помогала прислуга, но для двоих работы было мало, и по предложению миссис Бегг прислугу отпустили. В быту Леггет был неприхотлив и почти все время проводил на верхнем этаже, где у него была лаборатория и маленькая спальня. В остальные комнаты он почти не наведывался, за исключением тех вечеров, когда к нему приходили приятели. Ей эти приятели не нравились, упрекнуть она их ни в чем не может, но что они говорили между собой — это просто стыд и срам. Эдгар Леггет человек приятный, лучшего хозяина и пожелать нельзя, сказала она, но до того скрытный, что бы-

вает прямо не по себе. Он никогда не позволял ей подниматься на третий этаж, и дверь в лабораторию всегда была на замке. Раз в месяц приходил японец и убирался там под наблюдением Леггета. Наверное, у него были научные секреты, а может, и опасные вещества, и он не хотел, чтобы туда лазили, и все-таки от этого делалось не по себе. О личных и семейных обстоятельствах хозяина она ничего не знает и никогда не спрашивала, поскольку знает свое место.

В августе 1923 года — дождливым утром, ей запомнилось, — к дому подъехала женщина с пятнадцатилетней девочкой и множеством чемоданов. Она открыла им, и женщина спросила мистера Леггета. Миссис Бегг подошла к двери в лабораторию, позвала его, и он спустился. На своем веку миссис Бегг никогда не видела такого удивления. Увидев их, мистер Леггет сделался совершенно белый, и она думала, что он упадет, — так он задрожал. О чем Леггет говорил в то утро с женщиной и девочкой, она не знает, потому что тараторили на каком-то иностранном языке, хотя по-английски умеют не хуже любого, особенно эта Габриэла, когда ругается. Миссис Бегг ушла из комнаты и занялась своими делами. Довольно скоро на кухне появился мистер Леггет и сказал

ей, что приехали к нему свояченица миссис Дейн и ее дочь, обеих он не видел десять лет и что они будут здесь жить. Позже миссис Дейн сказала ей, что они англичанки, но последние годы жили в Нью-Йорке. Миссис Дейн ей понравилась, она была женщина разумная и прекрасная хозяйка, но эта Габриэла — наказание господне. Миссис Бегг называла ее не иначе, как «этой Габриэлой».

С приездом Дейнов и при такой хозяйке, как миссис Дейн, миссис Бегг стала в доме лишней. Они поступили очень великодушно, сказала миссис Бегг, — помогли ей найти новую службу и проводили с хорошим денежным подарком. С тех пор она их не видела, но благодаря привычке следить за объявлениями о браках, смертях и рождениях в утренних газетах через неделю после своего ухода узнала, что Эдгар Леггет и Алиса Дейн поженились.

4. Туманные Харперы

На другое утро, в девять часов, явившись в агентство, я увидел в приемной Эрика Коллинсона. Его загорелое лицо побледнело, выглядело несвежим, и он забыл напомадить голову.

— Вы что-нибудь знаете о мисс Леггет? — спросил он, вскочив с места и бросившись мне навстречу. — Она не ночевала дома и до сих пор не вернулась. Ее отец говорит, что не знает, где она, но я уверен, что он знает. Он говорит мне «не волнуйтесь», но как я могу не волноваться? Вы что-нибудь знаете?

Я ответил, что не знаю, и сказал ему, что видел ее вчера вечером, когда она выходила от Минни Херши. Я дал ему адрес мулатки и посоветовал спросить у нее. Он нахлобучил шляпу и выбежал.

Я позвонил О'Гару и спросил, слышно ли что-нибудь из Нью-Йорка.

— Угу, — сказал он. — Аптон — фамилия оказалась правильная — когда-то был вашим коллегой, частным сыщиком, и даже держал агентство, но в двадцать третьем году его и некоего Гарри Рапперта посадили за попытку подкупа присяжных.

Вы разобрались с черным?

— Не знаю. Носорог носит в кармане тысячу сто зеленых. Минни говорит, что они выиграны в кости. Может быть. Это вдвое больше того, что он выручил бы за камни Леггета. А что, если ваши люди проверят? Якобы он выиграл их в клубе «Счастливый день».

О'Гар пообещал заняться этим и повесил трубку.

Я послал телеграмму в наше нью-йоркское отделение с просьбой собрать сведения об Антоне и Рапперте, а потом пошел в муниципалитет и в кабинете регистратора стал листать журнал регистрации браков за август и сентябрь 1923 года. Искомое заявление было датировано 26 августа, в нем значилось, что Эдгар Леггет родился в Атланте, штат Джорджия, 6 марта 1883 года, и это его второй брак; об Алисе же Дейн — что она родилась в Лондоне 22 октября 1888 года и прежде замужем не была.

Когда я вернулся в агентство, меня опять подстерегал там Эрик Коллинсон, еще более встрепанный.

— Я видел Минни, — возбужденно начал он, — и она ничего мне не объяснила. Сказала, что вчера вечером Габи была у нее и просила вернуться на

работу, а кроме этого ничего о ней не знает, но на ней... на руке у нее было кольцо с изумрудом — я точно знаю, что оно принадлежит Габи.

— Вы спросили об этом?

— Кого? Минни? Нет. Как можно? Это было бы... вы же понимаете.

— Правильно, — согласился я, вспомнив слова Фицстивена о рыцаре без страха и упрека, — мы всегда должны быть вежливыми. Я вас спрашивал, в котором часу вы привезли мисс Леггет домой позавчера ночью. Почему вы меня обманули?

От смущения его лицо сделалось еще более миловидным и еще менее осмысленным.

— Я сделал глупость, — забормотал он, — но я не... понимаете... я думал, что вы... я боялся...

Конца этому не было видно. Я подсказал:

— Вы решили, что час поздний, и не хотели, чтобы у меня сложилось о ней неправильное мнение?

— Да, вот именно.

Я выставил его, а сам пошел в комнату оперативников, где большой, разболтанный, краснолицый Мики Лайнен и тоненький, смуглый, франтоватый Ал Мейсон рассказывали друг другу байки о том, как в них стреляли, и хвастались,

кто сильнее испугался. Я изложил им, что к чему в деле Леггета — насколько сам знал, а знал я совсем немного, как показал мне собственный рассказ, — и отправил Ала наблюдать за домом Леггетов, а Мики — посмотреть, как ведут себя Минни и Носорог.

Часом позже, когда я позвонил в дверь Леггетов, мне открыла хозяйка, и ее симпатичное лицо было невеселым. Мы прошли в зелено-оранжево-шоколадную комнату, и там к нам присоединился ее муж. Я изложил им то, что О'Гару удалось выяснить в Нью-Йорке об Аптоне, и сказал, что запросил по телеграфу дополнительные сведения о Рапперте.

— Ваши соседи видели, что возле дома околачивался какой-то человек, но это был не Аптон. Судя по описаниям, тот же самый человек выбрался по пожарной лестнице из комнаты, где убили Аптона. Приметы Рапперта мы получим.

Я следил за лицом Леггета. Оно не изменилось. Его блестящие карие глаза выражали интерес, и ничего больше. Я спросил:

— Ваша дочь дома?

Он ответил:

— Нет.

— Когда она вернется?

— Наверное, через несколько дней, не раньше. Она уехала за город.

— Где ее найти? — обратился я к миссис Леггет. — Мне надо задать ей кое-какие вопросы.

Миссис Леггет отвела глаза, посмотрела на мужа.

— Точно мы не знаем, — услышал я его металлический голос. — Из Лос-Анджелеса приехали ее друзья, мистер Харпер с женой, и пригласили ее прокатиться в горы. Я не знаю, какой они придумали маршрут и намерены ли где-нибудь остановиться.

Я стал спрашивать о Харперах. Леггет признался, что ему известно очень мало. Жену Харпера зовут Кармелой, сказал он, а у самого Харпера прозвище «Малыш», настоящее же его имя — не то Фрэнк, не то Уолтер. Лос-анджелесского адреса Харпера он тоже не знает. Кажется, у них есть дом где-то под Пасаденой, но в этом он не уверен, поскольку слышал, что они продали его или собирались продать. Пока он нес эту чушь, его жена сидела, уставясь в пол, и только дважды подняла голову, чтобы умоляюще взглянуть на него голубыми глазами. Я спросил ее:

— Вы что-нибудь знаете о них, кроме этого?

— Нет, — слабым голосом ответила она и снова

бросила взгляд на мужа, который не обращал на нее внимания и спокойно смотрел мне в глаза.

— Когда они уехали? — спросил я.

— Рано утром, — ответил Леггет. — Харперы остановились в гостинице — не знаю в какой, и Габриэла ночевала с ними, чтобы выехать с утра пораньше.

Я был сыт Харперами.

— Кто-нибудь из вас, вы или ваша жена, знали что-нибудь об Антоне, сталкивались с ним до этой истории?

— Нет, — сказал Леггет.

Надо было бы задать еще кое-какие вопросы, но ответы я получал невразумительные и, решив, что с меня хватит, встал. Мне очень хотелось сказать Леггету, что я о нем думаю, однако это не сулило никакой прибыли. Он тоже поднялся и с вежливой улыбкой сказал:

— Сожалею, что причинил страховой компании столько хлопот, тем более что всему виной моя халатность. Хочу знать ваше мнение: как вы думаете, должен я взять на себя ответственность за потерю бриллиантов и возместить ущерб?

— В сложившейся ситуации, — ответил я, — думаю, что должны; но расследования это не остановит.

Леггет сказал:

— Благодарю вас. — Голос его был безразлично вежлив. — Я подумаю.

По дороге в агентство я зашел на полчаса к Фицстивену. Он сказал, что пишет статью в «Психопатологическое обозрение» (не помню, так ли в точности оно называлось, но похоже), где разоблачает гипотезу о подсознательном и бессознательном как западню и обман, как волчью яму для неосмотрительных и накладные усы для шарлатана, а также дыру в крыше психологии, из-за чего честные ученые теперь бессильны, или почти бессильны, выкурить из дома науки таких модных насекомых, как психоаналитик и бихевиорист. Он распространялся об этом минут десять, но наконец все же вернулся на землю со словами:

— А как у вас дела с неуловимыми бриллиантами?

— И так и сяк, — ответил я и рассказал ему о том, что выяснил и сделал за истекшее время.

— Вам, безусловно, удалось до предела все запутать, — поздравил он меня, когда я кончил.

— Будет еще хуже, прежде чем прояснится, — пообещал я. — Хотелось бы провести с миссис Леггет минут десять наедине. Без мужа, по-моему,

с ней можно будет договориться. Вы не могли бы кое-что у нее выведать? Я хочу знать, почему уехала Габриэла, пусть нам даже не скажут куда.

— Попробую, — охотно согласился Фицстивен. — Скажем, завтра днем приду и попрошу книгу — хотя бы «Розовый крест» Уэйта. Они знают о моем интересе к таким предметам. Мистер Леггет будет в лаборатории, а я не захочу его беспокоить. Осведомлюсь у миссис Леггет между прочим — возможно, удастся что-то узнать.

— Спасибо, — сказал я. — Увидимся завтра вечером.

Остаток дня я занимался тем, что заносил свои догадки и находки на бумагу и пытался привести их в систему. Дважды звонил Эрик Коллинсон и спрашивал, нет ли вестей о его Габриэле. Ни от Мики Лайнена, ни от Ала Мейсона сообщений не было. В шесть часов я закончил рабочий день.

5. Габриэла

Следующий день принес события.

Рано утром пришла телеграмма из нашего нью-йоркского отделения. В расшифрованном виде она гласила:

ЛУИС АПТОН БЫВШИЙ ВЛАДЕЛЕЦ СЫСКНОГО АГЕНТСТВА ЗДЕСЬ ТЧК 1 СЕНТЯБРЯ 1923 АРЕСТОВАН ЗА ПОДКУП ДВУХ ПРИСЯЖНЫХ В ДЕЛЕ ОБ УБИЙСТВЕ ЦЕРКОВНОГО
СТОРОЖА ТЧК ПЫТАЛСЯ ДОБИТЬСЯ ОПРАВДАНИЯ ВЫДАВ СООБЩНИКА ГАРРИ РАППЕРТА СЛУЖАЩЕГО АГЕНТСТВА ТЧК ОБА ОСУЖДЕНЫ ТЧК ОБА ОСВОБОЖДЕНЫ СИНГ-СИНГА 6 ФЕВРАЛЯ СЕГО ГОДА ТЧК СООБЩАЮТ РАППЕРТ УГРОЖАЛ УБИТЬ АПТОНА ТЧК РАППЕРТ ТРИДЦАТИ ДВУХ ЛЕТ МЕТР ВОСЕМЬДЕСЯТ ВЕС ШЕСТЬДЕСЯТ ВОСЕМЬ ШАТЕН ГЛАЗА КАРИЕ ЛИЦО ХУДОЕ ЖЕЛТОВАТОЕ НОС ДЛИННЫЙ ТОНКИЙ ХОДИТ СУТУЛЯСЬ ВЫСТАВИВ ПОДБОРОДОК ТЧК ФОТО ПОЧТОЙ.

По описанию Рапперт определенно был тем человеком, которого видели миссис Пристли и Дейли, и тем, который, вероятно, убил Аптона.

Мне позвонил О'Гар:

— Вашего черного, Носорога Тингли, вчера вечером взяли в ломбарде — пытался сдать драгоценности. Бриллиантов россыпью там не было. Мы с ним еще не разобрались, только опознали. Я послал человека к Леггетам с кое-каким его добром — проверить, не оттуда ли, но они сказали, нет.

Получалась какая-то ерунда. Я предложил:

— Проверьте у Холстеда и Бичема. Скажите им, что, по вашему мнению, они принадлежат Леггету. Не говорите, что он это отрицал.

Через полчаса сержант позвонил мне снова уже от ювелиров: Холстед уверенно опознал две вещи — нитку жемчуга и топазовую брошь. Леггет покупал их для дочери.

— Прекрасно, — сказал я. — А теперь можете вот что сделать. Отправляйтесь к Носорогу домой и прижмите его подругу, Минни Херши. Обыщите квартиру, а с ней самой — покруче; чем сильнее напугаете, тем лучше. Посмотрите, нет ли у нее на пальце кольца с изумрудом. Если есть или если увидите другие украшения, которые могли

принадлежать Леггетам, заберите их; но долго там не оставайтесь и ее больше не тревожьте. Мы за ней наблюдаем. Только вспугните и уходите.

— Она у меня станет белая, — пообещал О'Гар.

Дик Фоли был в комнате оперативников, писал отчет об ограблении склада, которым занимался всю ночь. Я отправил его на помощь к Мики — наблюдать за мулаткой.

— Если она покинет квартиру после ухода полицейских, отправляйтесь за ней вдвоем, — сказал я, — и если она где-то задержится, один из вас звонит мне.

Я вернулся в свой кабинет и стал переводить сигареты. От третьей остался уже окурок, когда позвонил Эрик Коллинсон и спросил, не нашел ли я его Габриэлу.

— Не совсем, но надежда есть. Вы свободны? Тогда можете заглянуть ко мне, пойдем вместе — если выяснится, куда идти.

Он обрадованно сказал, что выходит.

Через несколько минут позвонил Мики Лайнен:

— Мулатка пришла в гости. — И он назвал мне дом на Пасифик-авеню.

Едва я положил трубку, телефон зазвонил снова.

— Говорит Уотт Холстед. Вы могли бы зайти к нам на минутку?

— Сейчас — нет. В чем дело?

— Это касается Эдгара Леггета, и я в недоумении. Утром полицейские принесли ювелирные изделия и спросили, известны ли они нам. Я узнал нитку жемчуга и брошь, купленные Леггетом в прошлом году для дочери; брошь — весной, бусы — под рождество. После ухода полицейских я, естественно, позвонил Леггету; он отнесся к моему звонку до чрезвычайности странно. Выслушал меня, а потом сказал: «Весьма благодарен вам за то, что вмешиваетесь в мои дела», — и повесил трубку. Как вы думаете, что с ним?

— Бог его знает. Спасибо. Сейчас я убегаю, но зайду к вам, как только будет возможность.

Я нашел телефон Оуэна Фицстивена, набрал номер и услышал протяжное «Алло».

— Поторопитесь идти за книгой, если хотите, чтобы от этого был прок, — сказал я.

— Почему? Что-то происходит?

— Происходит.

— В частности? — спросил он.

— Разное, но если кто хочет выведать тайны Леггета, то сейчас не время возиться со статейками о подсознательном.

— Хорошо. Бегу.

Пока я разговаривал с писателем, появился Эрик Коллинсон.

— Пошли, — сказал я, направившись к лифтам. — Надеюсь, что на этот раз тревога не ложная.

— Куда мы едем? — нетерпеливо спросил он. — Вы ее нашли? Она здорова?

Я мог ответить только на один его вопрос и ответил, назвав адрес на Пасифик-авеню, который мне дал Мики. Оказалось, что он знаком Коллинсону:

— Это дом Джозефа.

С нами в кабинете лифта было человек пять посторонних. Я ограничился неопределенным: «Вот как?»

За углом стоял его двухместный открытый «крайслер». Мы влезли и поехали к Пасифик-авеню, презирая прочий транспорт и светофоры.

Я спросил:

— Кто такой Джозеф?

— Очередная секта. Он глава. Называет свой дом Храмом Святого Грааля. Сейчас его секта в моде. Вы же знаете, как они плодятся и исчезают в Калифорнии. Мне не нравится, что Габриэла у него — если она действительно там... хотя не

знаю... может быть, там нет ничего плохого. Он — как раз один из странных знакомых мистера Леггета. Вы уверены, что она там?

— Может быть. Она в секте?

— Да, она к ним ходит. Я бывал там с ней.

— Что за публика?

— Ну, как будто бы ничего, — с некоторой неохотой отозвался он. — Публика достойная: миссис Пейсон Лоренс, Коулманы, миссис Ливингстон Родман — такого сорта люди. Холдорны — Джозеф и его жена Арония, кажется, вполне достойные люди, но... мне не нравится, что Габриэла там бывает. — Правое колесо его «крайслера» едва не задело вагон трамвая. — Она подпала под их влияние, и я считаю, что это нехорошо на ней сказывается.

— Вы там бывали, какого рода эта лавочка? — спросил я.

— Не могу сказать, что это лавочка, — ответил он, морща лоб. — Я не очень хорошо знаю их учение и вообще не очень в этом разбираюсь, но на их службах бывал с Габриэлой — они не менее торжественны и даже более красивы, чем англиканские и католические. Не думайте, что это какая-то секта вроде Святых Вертунов или Дома Давида. Ничего похожего. Во всяком случае,

обставлено все первоклассно. Холдорны люди более... словом, более культурные, чем я.

— Так чем же вы недовольны?

Он хмуро покачал головой.

— Даже не могу сказать. Мне это не нравится. Не нравится, что Габриэла исчезает, ничего никому не сказав. Вы думаете, ее родители знают, куда она отправилась?

— Нет.

— По-моему, тоже, — сказал он.

С улицы Храм Святого Грааля представлялся тем, чем и был первоначально, — жилым шестиэтажным домом из желтого кирпича. Внешне ничто не указывало на его изменившееся назначение. Я велел Коллинсону проехать мимо, к углу, где, расслабленно привалившись к каменной стенке, стоял Мики Лайнен. Как только мы остановились, он подошел.

— Черная ушла десять минут назад, — сообщил он, — Дик сопровождает. Из тех, кого ты описывал, никто как будто не выходил.

— Устраивайся в машине и следи за дверью, — велел я ему. А Коллинсону сказал: — Мы с вами идем туда. Разговаривать позвольте мне.

Когда мы подошли к двери Храма, мне пришлось, предупредить его:

— Постарайтесь не дышать так шумно. Может быть, все обойдется.

Я позвонил.

Дверь открылась немедленно: за ней стояла широкоплечая мясистая женщина лет пятидесяти. На добрых десять сантиметров выше меня — а во мне метр шестьдесят восемь. Лицо в мешочках и припухлостях, но ни в глазах, ни в губах — никакой мягкости и дряблости. Ее длинная верхняя губа была выбрита. Черное, очень черное платье закрывало ее тело от подбородка и мочек до самых ступней.

— Мы хотим видеть мисс Легтет, — сказал я.

Она сделала вид, что не понимает.

— Мы хотим видеть мисс Леггет, — повторил я, — мисс Габриэлу Леггет.

— Не знаю. — Говорила она басом. — Хорошо, войдите.

Без особого радушия она провела нас в маленькую сумрачную приемную, прилегавшую к вестибюлю, велела ждать и ушла.

— Кто этот тяжеловоз? — спросил я Коллинсона.

Он сказал, что не знает ее. Ему не сиделось на месте. Я сел. Опущенные шторы пропускали мало света, и я не видел комнату целиком, но ковер

был толстый и мягкий, а мебель, насколько мне удалось разглядеть, тяготела скорее к роскоши, чем к строгости.

Если не считать шагов Коллинсона, в доме не раздавалось ни звука. Я взглянул на открытую дверь и увидел, что за нами наблюдают. Там стоял мальчик лет двенадцати или тринадцати и смотрел на нас большими темными глазами, будто светившимися в полутьме. Я сказал:

— Привет.

Коллинсон рывком обернулся на мой голос.

Мальчик ничего не ответил. Целую минуту он смотрел на меня не мигая, бессмысленным, совершенно обескураживающим взглядом, какой бывает только у детей, потом повернулся и ушел так же бесшумно, как появился.

— Кто он? — спросил я у Коллинсона.

— Наверное, Мануэль, сын Холдорнов. Я его раньше не видел.

Коллинсон расхаживал по комнате. Я сидел и смотрел в дверь. Наконец там появилась женщина и, ступая бесшумно по толстому ковру, вошла в приемную. Она была высокая, грациозная; ее темные глаза, казалось, тоже испускают свет, как у мальчика. Больше я пока ничего не мог разглядеть.

Я встал. Женщина обратилась к Коллинсону:

— Здравствуйте. Мистер Коллинсон, если я не ошиблась? — Более музыкального голоса я не слыхивал.

Коллинсон что-то пробормотал и представил меня женщине, назвав ее «миссис Холдорн». Она подала мне теплую твердую руку, а потом подошла к окну, подняла штору, и на пол лег прямоугольник сочного послеполуденного солнца, Пока я привыкал к свету и отмаргивался, она села и знаком предложила сесть нам.

Раньше всего я увидел ее глаза. Громадные, почти черные, теплые, опушенные густыми черными ресницами. Только в них я увидел что-то живое, человеческое, настоящее. В ее овальном, оливкового оттенка лице были и тепло и красота, но тепло и красота, будто не имевшие никакого отношения к действительности. Будто это было не лицо, а маска, которую носили так долго, что она почти превратилась в лицо. Даже губы — а губы эти стоили отдельного разговора — казались не плотью, а удачной имитацией плоти — мягче, краснее и, наверное, теплее настоящей плоти. Длинные черные волосы, разделенные посередине пробором и стянутые в узел на затылке, туго обтягивали голову, захватывая виски и кончики

ушей. Она была высокая, налитая, гибкая, с длинной, сильной, стройной шеей; темное шелковое платье обрисовывало тело. Я сказал:

— Миссис Холдорн, мы хотим повидать мисс Леггет.

Она с любопытством спросила:

— Почему вы думаете, что она здесь?

— Это ведь не так важно, правда? — быстро ответил я, чтобы Коллинсон не успел вылезти с какой-нибудь глупостью. Она здесь. Мы хотели бы ее видеть.

— Не думаю, что это удастся, — медленно ответила она. — Ей нездоровится, она приехала сюда отдохнуть, в частности — от общества.

— Очень жаль, — сказал я, но ничего не поделаешь. Мы бы сюда не пришли, если бы не было необходимости.

— Это необходимо?

— Да.

Поколебавшись, она сказала:

— Хорошо, я узнаю. — Затем извинилась и покинула нас.

— Я не прочь и сам тут поселиться, — сказал я Коллинсону.

Он не понимал, что я говорю. Вид у него был возбужденный, лицо раскраснелось.

— Габриэле может не понравиться, что мы сюда пришли, — сказал он.

Я ответил, что это меня огорчит.

Вернулась Арония Холдорн.

— Мне, право, очень жаль, — сказала она, встав в дверях и вежливо улыбаясь, — но мисс Леггет не хочет вас видеть.

— Очень жаль, — сказал я, — но нам придется ее увидеть.

Она выпрямилась, и улыбка исчезла.

— Простите?

— Нам придется ее увидеть, — повторил я как можно дружелюбнее. — Это необходимо, я вам объяснил.

— Извините. — Даже холодность не могла испортить ее прекрасный голос. — Вы не можете ее видеть.

Я сказал:

— Мисс Леггет, как вам, вероятно, известно, — важный свидетель по делу о краже и убийстве. Нам надо ее видеть. Если вас это устраивает больше, я готов подождать полчаса, пока сюда придет полицейский со всеми полномочиями, которые вы сочтете необходимыми. И мы с ней увидимся.

Коллинсон произнес что-то невнятное, но похожее на извинения.

Арония Холдорн ответила незначительнейшим поклоном.

— Можете поступать как вам угодно, — холодно сказала она. — Я не согласна, чтобы вы беспокоили мисс Леггет против ее желания, и, если речь идет о моем разрешении, я вам его не даю. Если же вы настаиваете, помешать вам я не могу.

— Спасибо. Где она?

— Ее комната на пятом этаже, первая от лестницы, слева. — Она опять слегка наклонила голову и ушла.

Коллинсон взял меня под руку и забормотал:

— Не знаю, стоит ли мне... стоит ли нам идти. Габриэле это не понравится. Она не...

— Вы как хотите, — проворчал я, а я иду. Ей это может не понравиться, но мне тоже не нравится, что люди прячутся, когда я хочу спросить их о пропавших бриллиантах.

Он нахмурился, пожевал губами, сделал несчастное лицо, но со мной пошел. Мы отыскали лифт, поднялись на пятый этаж и по пурпурному ковру подошли к первой двери слева. Я постучал. Ответа не было. Я постучал снова, громче.

В комнате послышался голос. Вероятнее всего, женский, но мог принадлежать кому угодно. Он звучал настолько слабо, что мы не разобрали

слов, и как бы придушенно — даже нельзя было понять, кто говорит. Я толкнул Коллинсона локтем и приказал:

— Позовите ее.

Он оттянул воротничок пальцем и прохрипел:

— Габи, это я, Эрик.

Ответа все равно не последовало. Я опять постучал:

— Откройте дверь.

Внутри что-то произнесли, я ничего не понял. Я снова крикнул и постучал. В коридоре открылась дверь, и высунулся старик с бледным лицом и жидкими волосами:

— Что происходит?

— Не ваше дело, — сказал я и опять постучал в дверь.

Голос внутри стал громче, мы уже слышали в нем жалобу, но слов по-прежнему разобрать не могли. Я повертел ручку, и оказалось, что дверь не заперта. Я еще погремел ручкой и приоткрыл дверь сантиметра на два. Голос стал более внятным. Я услышал мягкие шаги. Я услышал сдавленный всхлип. Я распахнул дверь.

Эрик Коллинсон издал горлом странный звук — будто где-то очень далеко кто-то душераздирающе кричал.

Габриэла Леггет стояла у кровати, держась одной рукой за белую спинку, и покачивалась. Она была белая как мел. Глаза, тусклые, без белков, смотрели в пустоту, а маленький лоб был наморщен. Казалось, она видит что-то впереди и пытается понять, что это. На ней был один желтый чулок, коричневая бархатная юбка, в которой она явно спала, и желтая рубашка. На полу валялись коричневые туфли, другой чулок, коричневая с золотом блузка, коричневый жакет и желто-коричневая шляпа.

Все остальное в комнате было белое: белые обои на стенах, белый потолок, крашенные белой эмалью стулья, кровать, двери, оконные рамы, даже телефон; белый войлок на полу. Мебель была не больничная, такую видимость ей придавала белая краска. В комнате было два окна и кроме той двери, которую я открыл, еще две. Левая вела в ванную, правая — в маленькую гардеробную.

Я втолкнул Коллинсона в комнату, вошел за ним и закрыл дверь. Ключа в ней не было, и скважины не было, и каких-либо признаков замка. Коллинсон глазел на девушку, раскрыв рот, и лицо у него стало такое же бессмысленное, как у нее, — разве только ужаса больше. Она прислонилась к спинке кровати и темными одур-

маненными глазами смотрела в никуда.

Я обнял ее одной рукой и усадил на кровать, а Коллинсону сказал:

— Соберите ее вещи. — Мне пришлось сказать это дважды, прежде чем он вышел из столбняка.

Коллинсон подал мне вещи, и я стал одевать ее. Он вцепился пальцами мне в плечо и запротестовал — таким тоном, будто я запустил лапу в церковную кружку:

— Нет! Нельзя же...

— Какого черта? — сказал я, оттолкнув его руку. — Хотите — одевайте сами.

Коллинсон покрылся потом, сглотнул и забормотал:

— Нет, нет! Как я могу... — И, не закончив, отошел к окну.

— Она предупреждала меня, что вы идиот, — сказал я ему вдогонку и обнаружил, что надеваю на нее коричневую с золотом блузку задом наперед. Помощи от Габриэлы было как от манекена, но, по крайней мере, она не сопротивлялась, когда я ее вертел, и сидела как посадили.

К тому времени, когда я облачил ее в пальто и шляпу, Коллинсон отошел от окна и стал засыпать меня вопросами. Что с ней? Не надо ли вызвать врача? Не опасно ли вести ее на улицу?

А когда я поднялся, он забрал ее у меня и, поддерживая длинными сильными руками, залепетал:

— Габи, я Эрик. Ты меня узнаешь? Скажи что-нибудь. Что с тобой, милая?

— Накачалась наркотиком, больше ничего, — сказал я. Вы ее сейчас не теребите. Отвезем сперва домой. Берите под эту руку, я — под ту. Идти она может. Если на кого-нибудь наткнемся, знайте себе идите, я сам разберусь. Пошли.

Никто нам не встретился. Мы добрались до лифта, спустились на первый этаж и вышли через вестибюль на улицу, не увидев ни души.

На углу в «крайслере» нас ждал Мики.

— Ты свободен, — сказал я ему.

— Ладно, пока. — И он ушел.

Габриэлу мы усадили между нами, и Коллинсон завел мотор. Мы проехали три квартала. Тогда он сказал:

— Вы уверены, что ее надо везти домой?

Я ответил, что уверен. Он замолчал, а еще через пять кварталов повторил вопрос и добавил что-то насчет больницы.

— А может, в редакцию газеты? — огрызнулся я.

Еще три квартала в молчании, и опять началось:

— Я знаю одного врача...

— У меня есть дело, — сказал я. И у себя дома мисс Леггет в ее теперешнем виде будет мне в этом деле полезна. Поэтому она едет домой.

Он насупился и сердито напал на меня:

— Вы готовы ее унизить, опозорить, подвергнуть ее жизнь опасности ради какого-то...

— Ее жизнь в опасности не больше, чем моя и ваша. Просто она немного перебрала какой-то дряни. Сама перебрала. Не я ее угощал.

Та, о ком шла речь, была жива, дышала — и даже сидела между нами с открытыми глазами, — но от происходящего была так же далека, как если бы находилась в Финляндии.

Нам полагалось повернуть на следующем углу. Коллинсон, с отвердевшим лицом и устремленным вперед тяжелым взглядом продолжал ехать прямо и довел скорость до семидесяти километров.

— На следующем углу поверните, — приказал я.

— Нет, — ответил он и не повернул. На спидометре было восемьдесят, и прохожие уже поворачивались нам вслед.

— Ну? — сказал я, выпрастывая руку, прижатую к боку девушки.

— Мы едем по полуострову на юг, — твердо сказал он. — В таком состоянии она домой не вернется.

— Вот что? — проворчал я и быстро потянулся к приборному щитку. Он отбил мою руку и, держа руль левой, выставил правую, чтобы помешать мне, если я попытаюсь еще раз.

— Не надо, — предостерег он, увеличив скорость еще на десяток километров. — Вы знаете, что с нами будет, если вы...

Я обругал его, пространно, с досадой, от души. Он повернул ко мне лицо, полное праведного негодования — видимо, мои слова были не из тех, что приличны в обществе дамы.

И этого оказалось достаточно.

Голубой седан выскочил из поперечной улицы перед самым нашим носом. Коллинсон уже вернулся к своим водительским обязанностям и от столкновения уйти успел — только не успел сделать это аккуратно. От седана мы прошли сантиметрах в пяти, но нас занесло. Коллинсон сделал все, что мог, он попытался удержать машину, вывернул в сторону заноса, но в дело вмешался бордюрный камень. Высокий и твердый, он не пожелал посторониться. Мы налетели на него боком и опрокинулись как раз на фонар-

ный столб. Столб переломился и грохнулся на тротуар. Открытый «крайслер» выбросил нас у его основания. Из сломанного столба с шумом вырывался светильный газ.

Коллинсон с наполовину ободранным лицом пополз на карачках выключить зажигание. Я сел и поднял на себе девушку: она лежала у меня на груди. Правая рука и плечо у меня не действовали, онемели. Девушка всхлипывала, но никаких повреждений, кроме неглубокой царапины на щеке, я у нее не увидел. Амортизатором ей послужило мое тело. А о том, насколько хорошо оно послужило, свидетельствовали боль в груди, в животе, в спине и непослушная рука. Прохожие помогли нам подняться. Коллинсон стоял, обняв девушку, и умолял ее ответить, жива ли она, и так далее. Удар отчасти привел ее в чувство, и тем не менее она не понимала, что с нами случилось. Я подошел, помог Коллинсону держать ее — хотя ни он, ни она в этой помощи не нуждались, — и горячо обратился к разбухавшей толпе:

Нам надо отвезти ее домой. Кто может...

Свои услуги предложил низенький толстяк в брюках гольф. Мы втроем забрались к нему на заднее сиденье, и я назвал адрес. Он заикнулся о больнице, но я сказал, что ей надо домой. Расстро-

енный Коллинсон даже не вмешивался. Через двадцать минут мы подъехали к дому Леггетов и извлекли девушку из машины. Я долго рассыпался в благодарностях, чтобы толстяк не вздумал проводить нас в дом.

6. Беглец с Чертова острова

Дверь в дом Леггета, да и то после второго звонка, нам открыл Оуэн Фицстивен. Никакой сонливости в его глазах не было: если жизнь казалась ему интересной, они всегда возбужденно поблескивали. Зная, какие события могут его заинтересовать, я понял — случилось что-то необычное.

— Где это вас так? — спросил он, оглядывая нашу одежду, окровавленную физиономию Коллинсона и царапину на щеке Габриэлы.

— Автомобильная авария, — ответил я. — Ничего серьезного. А куда делись остальные?

— Остальные, — сказал он с особым нажимом, — наверху в лаборатории, — и, обращаясь ко мне, добавил: — Отойдем-ка в сторону.

Я бросил Коллинсона и девушку у дверей в прихожей и прошел за Фицстивеном к лестнице. Он наклонился ко мне и шепнул на ухо:

— Леггет покончил с собой.

Я был скорее раздосадован, чем удивлен.

— Где он? — спросил я.

— В лаборатории. Там же мисс Леггет и полиция. Застрелился полчаса назад.

— Мы поднимаемся наверх все вместе, — сказал я.

— А есть нужда тащить туда Габриэлу? — спросил он.

— Есть, — раздраженно ответил я. — Ей, скорее всего, придется несладко, но сейчас она приняла наркотик и в таком состоянии легче перенесет удар. — Я повернулся к Коллинсону: — Пойдемте в лабораторию.

Оставив Фицстивена, чтобы он помог Коллинсону вести девушку, я отправился на третий этаж первым. В лаборатории было шесть человек: у дверей стоял высокий рыжеусый полицейский в форме; в дальнем конце комнаты, ссутулившись на стуле и прижав к глазам платок, тихонько всхлипывала миссис Леггет; у одного из окон О'Гар и Редди бок о бок склонились над пачкой листков, которые сержант держал в толстых лапах; у цинкового стола, крутя в руке пенсне на черной ленточке, стоял щеголеватый человек с землистым лицом, в темном костюме, а за столом, раскинув руки и навалившись плечами и головой на столешницу, сидел Эдгар Леггет.

Когда я вошел, О'Гар и Редди оторвались от бумажек.

Шагая к ним мимо стола, я увидел кровь, ма-

ленький черный пистолет рядом с рукой Леггета и семь неоправленных бриллиантов у его головы.

— Нате, взгляните, — сказал О'Гар и протянул мне из пачки четыре плотных белых листка, исписанных мелким, ровным и ясным почерком. Я было начал с интересом читать, но тут в дверях появились Фицстивен и Коллинсон с Габриэлой Леггет.

Коллинсон бросил взгляд на Леггета. Его лицо побелело, и он тут же загородил мертвеца от девушки своим крупным телом.

— Входите, — пригласил я.

— Мисс Леггет здесь не место, — резко сказал Коллинсон, собираясь увести ее.

— Нам нужны все до одного, — бросил я О'Гару. Тот кивнул круглой головой полицейскому. Полицейский положил на плечо Коллинсона руку и сказал:

— Придется войти обоим.

Фицстивен поставил для девушки стул у дальнего окна. Она села и окинула комнату — труп, миссис Леггет, всех нас — мутным, но уже не совсем бессмысленным взглядом. Коллинсон встал с ней рядом, свирепо уставившись на меня. Миссис Леггет даже не отняла от лица платок.

— Прочтем письмо вслух, — громко, чтобы слышали все, сказал я О'Гару.

Он прищурился, помялся и протянул мне остальные листки.

— Ну что ж, справедливо. Тогда сами и читайте.

Я начал:

В полицию

Мое настоящее имя – Морис Пьер де Мейен. Родился я шестого марта 1883 года во Франции, в городке Фекан, департамент Приморская Сена, но образование получил главным образом в Англии. В 1903 году я приехал в Париж изучать живопись и четыре года спустя познакомился с Алисой и Лили Дейн, дочками покойного офицера британского флота. Еще через год я женился на Лили, и в 1909 году у нас родилась Габриэла.

Вскоре после свадьбы я понял, что совершил ужасную ошибку – на самом деле я люблю не Лили, а Алису. Пока Габриэле не исполнилось пяти лет, то есть в самом трудном для детей возрасте, я хранил свои чувства в тайне, затем признался

во всем жене и попросил развода. Она мне отказала.

Шестого июня 1913 года я убил Лили и уехал с Алисой и Габриэлой в Лондон, где меня вскоре арестовали, перевезли в Париж, судили и приговорили к пожизненному заключению на островах Салю. Алису тоже привлекли к суду, но оправдали, поскольку она не участвовала в убийстве, не знала о нем заранее, а в Лондон поехала со мной только ради Габриэлы, которую любила. Материалы дела находятся в Париже.

В 1918 году с другим заключенным по имени Жак Лабо я сбежал с островов, уплыл на хлипком самодельном плоту. Сколько дней нас носило по океану, сколько дней в конце путешествия мы сидели почти без воды и пищи, я не могу сказать, мы оба потеряли счет времени. Лабо не выдержал испытаний и умер. Он умер от голода и жары. Никто его не убивал. Если бы я и захотел, у меня не было сил убить даже самую слабую Божью тварь. Но после смерти Лабо еды на одного мне кое-как хватало, а потом плот прибило

к берегу Гольфо-Триште.

Назвав себя Уолтером Мартином, я устроился на работу в британскую компанию медных рудников в Ароа и через несколько месяцев стал личным секретарем Филипа Хауарта, местного управляющего. Вскоре после этого повышения некий лондонец Джон Эдж поделился со мной планом – он придумал, как обворовывать компанию на сто с лишним фунтов в месяц. Когда я отказался участвовать в афере, Эдж заявил, что знает, кто я такой, и пригрозил донести на меня властям. Он сказал, что поскольку между Венесуэлой и Францией нет договора о выдаче преступников, то на острова меня не вернут, но опасность поджидает с другой стороны: труп Лабо выбросило на берег, установить причину смерти можно, и мне, как беглому убийце, придется доказывать в венесуэльском суде, что я не убивал Лабо в их водах, чтобы самому выжить.

Все же я отклонил предложение и стал готовиться к отъезду. Тем временем Эдж убил Хауарта и ограбил сейф ком-

пании. Он убедил меня бежать с ним, доказав, что, если даже не заявит на меня, полицейское расследование все равно не сулит ничего хорошего. Тут он был прав, и я к нему присоединился. Через два месяца, в Мехико, я выяснил, почему Эдж так настойчиво добивался моего общества. Зная мое прошлое, он мог крепко держать меня в руках, а будучи высокого – неоправданно высокого – мнения о моих способностях, хотел подсовывать мне те дела, которые самому ему были не по зубам. Я твердо решил, что как бы ни повернулась жизнь, что бы ни случилось, никогда не возвращаться на Чертов остров. Однако становиться профессиональным преступником мне тоже не хотелось. Я попытался удрать из Мехико, но Эдж поймал меня, и в драке я его убил. Но убил при самозащите: он напал первым.

Приехав в 1920 году в Штаты, я поселился в Сан-Франциско, сменил имя – теперь на Эдгара Леггета – и, чтобы отвоевать себе место под солнцем, взялся за эксперименты с цветом, которые начал

еще в Париже, когда изучал живопись. Я решил, что никому теперь не придет в голову отождествлять Эдгара Леггета с Морисом де Мейеном, и в 1923 году вызвал к себе Алису и Габриэлу – они жили тогда в Нью-Йорке. Мы с Алисой поженились. Однако прошлое не умерло, глухой стены между Леггетом и Мейеном не существовало. Ничего не зная о моей судьбе после побега и не получая от меня вестей, Алиса решила разыскать меня, для чего наняла частного сыщика Луиса Аптона. Аптон послал в Южную Америку некоего Рапперта, и тому удалось шаг за шагом проследить мой путь от Гольфо-Триете до отъезда из Мехико после гибели Эджа; дальше мой след терялся. Но Рапперт, конечно, выведал про Лабо, Хауарта и Эджа, трех человек, в смерти которых я был неповинен, но за которых – по крайней мере, за одного – меня, с моим прошлым, наверняка бы засудили.

Как Аптон разыскал меня в Сан-Франциско, не знаю. Скорей всего, выследил через Алису и Габриэлу. В прошлую субботу он позвонил мне поздно вечером и

потребовал заплатить ему за молчание. Свободных денег у меня не оказалось, поэтому я отложил встречу до вторника, а затем дал ему в качестве задатка бриллианты. Но я был в полном отчаянии. По опыту с Эджем я знал, каково быть во власти таких людей, и решил убить Аптона. Мне пришло в голову инсценировать кражу и заявить о ней в полицию. Я не сомневался, что Аптон тут же свяжется со мной. Тогда я назначу ему свидание и хладнокровно пристрелю, а уж придумать историю, оправдывающую убийство этого взломщика, у которого полиция к тому же найдет при обыске бриллианты, не составит мне труда.

Думаю, план удался бы. Но Рапперт, у которого были с Аптоном свои счеты, опередил меня и сам с ним расправился. Он знал мой путь от Чертова острова до Мехико и, ко всему прочему, уже выведал, то ли от самого Аптона, то ли шпионя за Аптоном, что Мейен и Леггет – одно лицо. Скрываясь от полиции после убийства, он явился ко мне, отдал бриллианты и потребовал вместо них денег и убежища.

Я его убил. Тело вы найдете в подвале. Из окна видно, что за домом следит агент. Другие ваши люди повсюду наводят обо мне справки. Мне не удалось избежать в рассказе противоречий и убедительно объяснить мои поступки, но теперь, когда я действительно под подозрением, надежды, что прошлое не всплывет, почти нет. Я всегда знал, что этот день настанет, – знал, даже когда пытался себя обмануть. Назад на Чертов остров я не вернусь. Моя жена и дочь ничего про Рапперта не знали и участия в убийстве не принимали.

Морис де Мейен.

7. Проклятие

Когда я кончил читать, несколько минут стояла тишина. Миссис Леггет отняла платок от глаз и тихо всхлипывала. Габриэла, дергая головой, оглядывала комнату; глаза ее то прояснялись, то снова затуманивались, а губы шевелились, словно она хотела что-то сказать и не могла.

Я подошел к столу, наклонился над трупом и проверил карманы. Во внутреннем кармане пиджака что-то лежало. Я сунул руку под мышку Леггета, расстегнул пуговицы и вытащил коричневый бумажник. Он был туго набит деньгами — позже мы насчитали там пятнадцать тысяч долларов. Показав содержимое бумажника всем присутствующим, я спросил:

— Еще какой-нибудь записки он не оставил?

— Нет, другой мы не нашли, — ответил О'Гар. — А в чем дело?

— И вы, миссис Леггет, тоже ничего не знаете?

Она отрицательно покачала головой.

— В чем дело? — переспросил О'Гар.

— Он не покончил с собой, — сказал я. — Его убили.

Габриэла Леггет пронзительно завизжала и

вскочила со стула, тыча белым пальцем с длинным острым ногтем в сторону миссис Леггет:

— Это она, она его убила. Она ему говорит: «Приходи сюда», а сама одной рукой открывает дверь в кухню, а другой берет из сушки нож. Он вошел, и она всадила нож ему в спину. Я все видела. Это она убила. Я была раздета и, когда услышала шаги, спряталась в кладовке. Оттуда все и видела.

Миссис Леггет тоже вскочила на ноги, но пошатнулась и упала бы, если бы Фицстивен не успел поддержать ее. Выражение горя на ее припухшем лице сменилось замешательством.

Щеголеватый человек с землистым лицом — его звали доктор Риз, как я узнал позже — отчетливо и сухо произнес:

— Ножевой раны на теле нет. Смерть наступила от выстрела в висок из этого вот пистолета, причем с близкого расстояния и с наклоном дула вверх. Явное самоубийство.

Коллинсон усадил Габриэлу на стул и попытался успокоить. Она ломала руки и постанывала.

Я был не согласен с доктором и сказал об этом, думая тем временем уже о другом:

— Нет, убийство. В кармане у него деньги. Он собирался бежать. А в полицию написал для того, чтобы на жену и дочь не пало подозрение. Разве

это письмо похоже на предсмертное? — спросил я О'Гара. Человек навсегда прощается с любимой женой и дочерью, но для них у него не находится ни слова, все письмо — сплошь для полиции.

— Может, вы и правы, — кивнул круглой головой полицейский. — Но если он готовится бежать, то почему не оставил им...

— Он бы что-то передал на словах или в записке, но не успел. Он собирался в дорогу, доделывал дела... может, он действительно решился на самоубийство, не исключено, хотя деньги и тон письма говорят, по-моему, об обратном. Но если и так, я все равно уверен, что его убили, прежде чем он кончил приготовления. Видно, слишком долго возился. Кто его обнаружил?

— Я, — всхлипнула миссис Леггет. — Я услыхала выстрел, бросилась наверх, а он, он уже... вот как сейчас. Я побежала вниз, к телефону, а тут звонок в дверь... пришел мистер Фицстивен. Я ему все рассказала. Да нет, какое убийство! Дома никого не было, кроме меня.

— Вы его и убили, — сказал я ей. — Он собрался уезжать и написал это письмо, чтобы взять на себя ваши преступления. И Рапперта в кухне вы зарезали. Именно о нем говорит Габриэла. Вы быстро сообразили, что письмо мужа похоже

на письмо самоубийцы, и убили его, решив, что после смерти и этих признаний мы угомонимся и не станем дальше копаться в деле.

В ее лице я прочесть ничего не мог. Оно было искажено, но по какой причине — поди догадайся. Я набрал в грудь побольше воздуха и не то чтобы заорал, но и жалеть глотки тоже не стал:

— В рассказе вашего мужа полно вранья — пять-шесть примеров могу привести хоть сейчас. Из Нью-Йорка он вас с дочкой не вызывал. Вы его сами нашли. Миссис Бегг говорит, что, когда вы тут появились, лицо у Леггета прямо вытянулось — она такого удивления отродясь не видела. И бриллианты Аптону он не отдавал. Вся эта история, почему он их отдал и как собирался поступить дальше, — гроша ломаного не стоит: проста ничего лучшего, чтобы выгородить вас, не пришло ему в спешке на ум. Леггет откупился бы деньгами или вообще прогнал Аптона, не настолько он был глуп — отдавать чужие бриллианты и заваривать такую кашу.

Аптон разыскал вас в Сан-Франциско и пришел за деньгами к вам, а не к вашему мужу. Вы когда-то нанимали его, вас он и знал. Они с Раппертом проследили путь Леггета не до Мехико, а прямо до этого дома, и взяли бы вас за горло раньше, не

упрячь их полиция в Синг-Синг за другие фокусы. Но только их выпустили, Аптон пришел сюда и открыл свои карты. Вы инсценировали ограбление, а на самом деле тайком от мужа передали бриллианты ему. Леггет считал, что бриллианты действительно украдены. В противном случае он — с его-то прошлым — вряд ли рискнул бы заявить в полицию.

Могу объяснить, почему вы ничего не сказали Леггету, почему старались скрыть, что шли по его следам от Чертова острова до самого Сан-Франциско. Все потому, что его подвиги в Южной Америке давали вам, в случае необходимости, дополнительную власть над ним. Вот вам и не хотелось, чтобы он знал, что вы знаете о Лабо, Хауарте и Эдже. Разве не так?

Возможности вставить в ответ хоть слово я ей не дал, зато дал полную волю своим голосовым связкам:

— Приехав сюда, Рапперт, видимо, встретился с вами, и вы подговорили его убить Аптона, тем более что ему самому не терпелось свести с другом счеты. А возможно, Рапперт появился у вас уже после убийства, и вы, решив избавиться сразу и от него, на кухне всадили ему нож в спину. Про девушку в кладовке вы не знали, зато прекрасно

знали, что эту кашу вам не расхлебать. Убийство вряд ли скроешь. Дом уже под наблюдением. Так что оставалось одно. Вы пошли к мужу, рассказали ему все — или сколько сочли необходимым — и заставили взять ваши грехи на себя. Затем прямо у стола спустили курок.

— Он выгородил вас. Всегда выгораживал. — Мой голос гремел теперь во всю мощь. — Это вы убили свою сестру Лили, его первую жену, а Леггета просто подставили вместо себя. Вы сами увезли его в Лондон. С убийцей сестры вы бы никуда не поехали. Это вы его выследили и, приехав сюда, в Сан-Франциско, заставили на себе жениться. Это вы решили, что он женат не на той сестре, на какой нужно, и сами ее убили.

— Она убила, она... — закричала Габриэла Леггет, пытаясь вскочить со стула, но Коллинсон ее удержал. — Она...

Миссис Леггет выпрямилась во весь рост и улыбнулась, обнажив крепкие, тесно посаженные зубы желтоватого оттенка. Потом сделала два шага к середине комнаты, одну руку уперев в бок, другую свободно свесив. Безмятежная, по определению Фицстивена, хозяйка дома и прозрачная душа внезапно исчезла. Теперь пухлое лицо и гладкие формы этой начинающей стареть

блондинки не вызывали представления о спокойной, хорошо обеспеченной жизни: под жирком угадывались крепкие, пружинистые мускулы, словно у притаившейся под деревьями кошки.

Я взял со стола пистолет и сунул в карман.

— Желаете знать, кто убил сестру? — вкрадчиво спросила она, глядя на меня. Зубы у нее постукивали, глаза горели, рот растягивала улыбка. — Вот она, наша наркоманка Габриэла. Она убила мать. Ее Морис и выгораживал.

Девушка что-то выкрикнула.

— Чепуха, — сказал я. Она была совсем маленькая.

— Не чепуха. Ей было пять лет. Она играла с пистолетом — вытащила его, пока мать спала, из ящика шифоньера. Пистолет выстрелил, и Лили не стало. Несчастный случай, конечно, но Морис, нежная душа, не хотел, чтобы девочка подрастала с мыслью о своей вине. К тому же его все равно признали бы виновным. Кое-кто знал, что мы с ним близки, что он спит и видит, как бы избавиться от жены. Да и во время выстрела он оказался у дверей спальни. Но все это его не пугало, главное — уберечь девочку от травмы, чтобы память об убийстве матери, пусть и случайном, не исковеркала ей жизнь.

Особенно тошнотворным было то, что она говорила с милой, улыбкой, изящно изгибая губы и осторожно, даже тщательно подбирая слова.

— С самого рождения, — продолжала миссис Леггет, — еще до того, как она пристрастилась к наркотикам, Габриэла была, скажем так, умственно не очень развитой, и к приходу лондонской полиции нам удалось вытравить из нее память об убийстве. Я говорю чистую правду. Это она убила мать, а Морис, по вашему выражению, лишь взял грех на себя.

— Что ж, правдоподобно, — согласился я, — но не очень последовательно. Может быть, сам Леггет и поверил вам, но я сомневаюсь. Просто вы хотите отомстить падчерице за то, что она рассказала об убийстве Рапперта.

Алиса Леггет оскалилась, лицо у нее побелело, зрачки расширились. Она было сделала ко мне шаг, но тут же взяла себя в руки, хохотнула, и огонь в ее глазах погас — скорее, не погас, а затаился где-то внутри. Подбоченившись, она беззаботно, даже кокетливо улыбнулась мне, хотя и в улыбке, и глазах, и в голосе проскальзывала бешеная ненависть:

— Отомстить? Тогда уж придется сказать все. Врать мне, как вы сейчас поймете, незачем. Я

сама подстроила убийство Лили. Ясно? Я научила девочку, что делать, натаскала ее, натренировала, все тщательно отрепетировала. Ясно? Мы ведь с Лили были сестрами, настоящими сестрами, и... страшно ненавидели друг друга. Морис был близок с нами обеими — в буквальном смысле, — хотя жениться ни на одной не собирался. Зачем ему? Но мы жили бедно, а он — нет, потому-то Лили и хотела женить его на себе. А раз хотела она, хотела и я — ведь мы были настоящими сестрами. Только Лили первой удалось заманить его в ловушку. Звучит грубовато, зато точно.

Габриэла родилась месяцев через шесть-семь после свадьбы. Ну и счастливая получилась у нас семейка! Я жила вместе с ними, мы ведь были не разлей вода, и с самого раннего возраста Габриэла любила меня крепче, чем мать. Тут уж я постаралась: чего только тетушка Алиса не сделала бы для своей дорогой племянницы. Привязанность девочки выводила Лили из себя, но не потому, что она сама так уж сильно любила дочь, — просто мы были сестрами, и чего хотела одна, хотела другая, причем без всякой дележки.

Не успела Габи появиться на свет, а я уже решила, что и как сделаю, и через пять лет привела замысел в исполнение. В верхнем, замкнутом на

ключ ящике шифоньера хранился маленький пистолет Мориса. Я открывала ящик, разряжала пистолет и учила Габи эдакой занятной игре. Растянувшись на кровати сестры, я притворялась, что сплю. Девочка подставляла к шифоньеру стул, вытаскивала пистолет, подкрадывалась и, приставив дуло к моей голове, спускала курок. Если она подкрадывалась без шума и как надо держала оружие в ручонках, я давала ей конфету, а заодно предупреждала, чтобы она никому не проболталась, особенно маме — ведь мы хотим преподнести ей сюрприз, удивить ее.

Вот и удивили, когда она как-то днем легла вздремнуть, приняв от головной боли таблетку аспирина. На этот раз, открыв шифоньер, я не стала разряжать пистолет. Затем разрешила девочке поиграть в эту игру с мамой, а сама спустилась к знакомым на этаж ниже. Никто не заподозрил бы теперь, что я повинна в трагической кончине любимой сестрички. Мориса, я знала, в середине дня дома не будет. Услышав выстрел, мы с соседями кинулись бы наверх и обнаружили, что, играя пистолетом, Габриэла нечаянно застрелила мать.

Девочки я не боялась. Умишко у нее был, как я уже говорила, слабенький, к тому же она мне доверяла, любила меня, а во время официального

расследования я бы взяла ее на руки и уж как-нибудь да проследила, чтобы она не проговорилась о моей роли в этой... затее. Но Морис чуть все не испортил. Неожиданно вернувшись домой, он оказался у дверей спальни как раз в тот момент, когда девочка спустила курок. Еще полсекунды, и он бы успел спасти жену.

Нам, конечно, не повезло — Мориса посадили, зато ему и в голову никогда не приходило подозревать меня. А его желание сделать все, чтобы девочка забыла о несчастье, избавило меня от нервотрепки и дальнейших забот. Да, я действительно выследила его после побега с Чертова острова и, когда Аптон раздобыл его адрес, приехала к нему в Сан-Франциско. Я действительно женила его на себе, убедив, что только так мы сможем наладить исковерканную жизнь. Тут мне многое сыграло на руку: и моя явная преданность их семье, и необходимость держать правду в тайне от Габриэлы, ее любовь ко мне и ненависть к Морису, которую я осторожно и искусно разжигала, вроде бы неуклюже уговаривая девочку простить отцу убийство. В тот день, когда он женился на Лили, я поклялась, что отниму его. И отняла. Надеюсь, моя дорогая сестричка знает в аду про это.

Улыбка с ее лица сошла. Бешеная ненависть уже не пряталась в глубине глаз, не подрагивала в голосе — она выхлестнулась наружу.

Миссис Леггет казалась сейчас воплощением этой бешеной ненависти и единственным живым существом в лаборатории. Остальные восемь человек застыли, не видя, не воспринимая друг друга: все смотрели только на нее, слушали только ее.

Она отвернулась от меня и вытянула руку в сторону Габриэлы, сидевшей в другом конце комнаты. Голос у нее стал громким, хриплым, в нем звучало дикое торжество, а из-за частых пауз речь походила на какое-то заклинание:

— Ты — ее дочь и тоже проклята. У тебя такая же черная душа и такая же порченая кровь, как у нее, как у меня, как у всех Дейнов. Твои руки с детства в крови матери, и это тоже твое проклятие. У тебя вывихнутые мозги, ты не можешь без наркотиков — а это уже подарки от меня. Твоя жизнь будет черной, как была черной у меня и у твоей матери. Она будет черной у всех, с кем тебя сведет судьба, как была черной у Мориса. Твое...

— Хватит, — тяжело дыша, сказал Эрик Коллинсон. — Пусть замолчит.

Зажав уши ладонями, с исказившимся от ужаса

лицом Габриэла Леггет вдруг страшно закричала и рухнула на пол.

Пат Редди был еще неопытной ищейкой, но мы с О'Гаром не имели права ни на мгновение спускать с миссис Леггет глаз, как бы страшно девушка ни кричала. И все же, пусть на долю секунды, мы отвернулись, и миссис Леггет этого хватило. Когда мы снова взглянули на нее, в ее руках был пистолет, и она сделала первый шаг к дверям.

Между ней и выходом никто не стоял: высокий полицейский в форме вместе с Коллинсоном хлопотал над Габриэлой. Путь был свободен, а повернувшись спиной к двери, она взяла под наблюдение и Фицстивена. Горящий взгляд над дулом вороненого пистолета перебегал с одного лица на другое.

— Не двигаться! — прошипела она и сделала еще один шаг к двери.

Пат Редди напружинил ноги, но я сдвинул брови и покачал головой. Ловить ее надо было в холле или на лестнице — здесь это грозило смертью. Не поворачиваясь к нам спиной, она переступила порог, резко выдохнула сквозь сжатые зубы и исчезла.

Оуэн Фицстивен выскочил за ней первым. Хотя

полицейский загораживал мне дорогу, я оказался вторым. Она была уже у лестницы в другом конце тускло освещенного холла; Фицстивен быстро ее нагонял.

Когда я добежал до ступенек, он поймал миссис Леггет на площадке между этажами. Одну ее руку ему удалось прижать к телу, другая, с оружием, была свободна. Он хотел вырвать пистолет — не удалось. Она повернула ствол в его сторону, но тут, пригнувшись, чтобы не зацепить головой лестницу, я с разбега прыгнул вниз.

Я врезался в них, сбил обоих в угол, и пуля, предназначенная Фицстивену, ушла в ступеньку.

Мы оказались на полу. Я обеими руками попытался поймать пистолет, но не смог, и мне пришлось обхватить ее за талию. Рядом с моим подбородком сухие пальцы Фицстивена сжали ее руку с пистолетом.

Она извернулась и всем телом навалилась мне на правое плечо, пострадавшее в автомобильной аварии. Удержать ее не было сил. Она перекатилась на меня, приподнялась...

Выстрел грянул прямо над ухом, опалив мне щеку.

Миссис Леггет обмякла.

Когда О'Гар и Редди растащили нас, ее тело

осталось неподвижным. Пуля пробила ей горло.

Я поднялся в лабораторию. Габриэла лежала на полу, доктор с Коллинсоном стояли рядом с ней на коленях.

— Посмотрите-ка миссис Леггет, — сказал я доктору. — Она на лестнице. По-моему, умерла, но все же посмотрите.

Доктор вышел. Растирая девушке руки — она все еще была без сознания, — Коллинсон глянул мне в глаза так, будто людей вроде меня необходимо держать в клетке.

— Ну что, довольны своей работой? — спросил он.

— Главное, что она сделана, — ответил я.

8. «Но» и «если бы»

В тот же вечер я обедал с Фицстивеном у миссис Шиндлер. В полуподвальном зале с низкими потолками мы запивали хороший обед хорошим пивом мистера Шиндлера. Как писатель, Фицстивен хотел разобраться в том, что он назвал психологией миссис Леггет.

— Зная теперь ее характер, нетрудно понять, почему она убила сестру, — сказал он. — Так же нетрудно понять убийство мужа, желание отравить после разоблачения жизнь племяннице и даже покончить с собой, лишь бы избежать ареста. Но спокойные годы между этими событиями как-то не вписываются в общую картину.

— Не вписывается как раз убийство мужа, — возразил я. — Остальное вполне логично. Он был ей нужен. Даже смерть сестры она подстроила так, чтобы покрепче привязать его к себе. Но тюрьма их разлучила. Тут уж ничего она не могла поделать, оставалось лишь надеяться, что когда-нибудь его выпустят — такая возможность всегда существует. Больше ничего ей в то время не требовалось. Габриэла была у нее заложницей на случай освобождения Леггета, жила она

на его деньги вполне пристойно — так чего ей было суетиться? Узнав о побеге, она приехала в Америку и взялась за поиски. Сыщики нашли его, и она к нему явилась. Против брака он не возражал. Она наконец получила что хотела. Вот и успокоилась. Она была не авантюристка и не из тех, кто творит зло ради удовольствия. Обычная женщина, которая знает, чего хочет, и добивается цели любыми средствами. Заметьте, как терпеливо и долго она скрывала свою ненависть от девушки. В ее желаниях, кстати, тоже нет ничего необычного. Так что сложными психическими расстройствами тут и не пахнет. Элементарное звериное поведение с элементарным звериным непониманием разницы между добром и злом. Как все звери, она не любила, когда ей мешали, и царапалась, когда загоняли в угол.

Фицстивен глотнул пива и спросил:

— Значит, проклятие Дейнов вы сводите к первобытной, звериной наследственности?

— И того проще — к выдумке разъяренной женщины.

— Из-за таких, как вы, жизнь становится совсем пресной. — Он вздохнул в облаке сигаретного дыма. — Даже то, что Габриэла стала орудием в убийстве матери, не убеждает вас в существова-

нии проклятия — пусть только в поэтическом смысле?

— Нет, не убеждает. К тому же я сомневаюсь, что она была этим орудием. А вот Леггет не сомневался. Очень уж он старался выгородить ее в своем письме. Но действительно ли он видел, как девочка убила мать? Об этом мы знаем только со слов миссис Леггет. С другой стороны, она в присутствии Габриэлы сказала, что воспитала девочку в вере, будто убийца — отец. Да, сам Леггет, скорей всего, не сомневался. Вряд ли он пошел бы на столько мытарств, если бы не стремился оградить дочку от чувства вины. Но с этого момента мы можем только строить предположения. Миссис Леггет он был нужен, и она своего добилась. Так какого черта его убивать?

— Вот те на! — посетовал Фицстивен. — В лаборатории вы дали один ответ, теперь другой. А чего мудрить? Сами же сказали, что письмо вполне могло сойти за предсмертное и после гибели Леггета гарантировать вдове безопасность.

— Тогда сказал, — признался я. — Но теперь, на трезвую голову и с дополнительными фактами в руках, — не могу. Она добивалась Леггета много лет, ждала его. Значит, он был ей дорог.

— Но она его вряд ли любила, во всяком случае,

оснований предполагать любовь у нас нет. Так чем тут дорожить? Он был для нее вроде охотничьего трофея, а смерть на ценность трофея не влияет — образно говоря, можно сделать чучело и поставить в прихожей.

— Тогда почему она не подпустила к нему Аптона? Почему убила Рапперта? Зачем было брать на себя чужую ношу? Опасность-то грозила не ей. Нет, не будь он ей дорог, она бы не стала так рисковать и скрывать от мужа, что прошлое всплыло.

— Кажется, мне ясно, к чему вы клоните — раздумчиво произнес Фицстивен. — Вы считаете...

— Подождите. Есть кое-что еще. Раза два я разговаривал с Леггетом в присутствии его жены, и оба раза они друг с другом и словом не перемолвились. Алиса всячески давала мне понять, что, если бы не он, она бы многое рассказала об исчезновении дочери.

— Где вы нашли Габриэлу?

— После убийства Рапперта она забрала все свои деньги, все драгоценности, поручив Минни Херши сбыть их, убежала к Холдорнам. Несколько украшений Минни взяла себе — ее парень накануне выиграл в кости кучу денег, полиция это проверила. Потом она послала его продать

оставшиеся драгоценности. В ломбарде его и задержали.

— Габриэла ушла из дома навсегда? — спросил Фицстивен.

— Понять ее можно. Отца она уже давно считала убийцей, а тут и мачеху застала на месте преступления. Кому захочется жить в такой семейке?

— Вы полагаете, Леггет с женой не ладил? Вполне может быть. Последнее время я виделся с ними редко, да и был не настолько близок, чтобы меня посвящали в ссоры. Вероятно, он кое-что узнал про нее... какую-то часть правды.

— Не исключено. Но, во-первых, узнал не много, иначе бы не взял на себя убийство Рапперта, во-вторых, узнал про что-то, что не связано с последними событиями. Когда я встретился с ним в первый раз, он был уверен, что бриллианты украли. Но если бы...

— А ну вас. Вы не успокоитесь, пока не присобачите ко всему на свете «но» и «если бы». Нет, причин сомневаться в рассказе миссис Леггет я не вижу. Она говорила добровольно, без всякого принуждения. Зачем ей было наговаривать на себя?

— Это вы про убийство сестры? Но ее уже оправ-

дали на процессе: если не ошибаюсь, во Франции, как и у нас, дважды за одно преступление не судят. Так что ничего особенного она не наговорила.

— Так уж и ничего! — сказал он. — Выпейте-ка еще пива, а то душа у вас совсем ссохнется.

Габриэлу я увидел на дознании по делу Леггета — Рапперта, но она, кажется, меня даже не узнала. С ней пришел Мадисон Эндрюс, раньше адвокат, а теперь душеприказчик Леггета.

Газеты ухватились за рассказ миссис Легтет про трагедию в Париже в 1913 году и несколько дней только о ней и трещали. Поскольку бриллианты Холстеда и Бичема были найдены, агентство «Континентал» вышло из игры: на последней странице дела Леггета появилась запись — «Прекращено». Потом мне пришлось уехать в горы на золотой рудник — его владелец подозревал своих служащих в мошенничестве.

Я рассчитывал просидеть там не меньше месяца: подобные расследования обычно съедают кучу времени. Но на десятый день вечером мне по междугородному позвонил Старик, мой шеф.

— Я посылаю Фоли сменить вас, — сказал он. — Вы его не ждите. Возвращайтесь сегодняшним ночным поездом. Делу Леггета опять дан ход.

Часть вторая
Храм

9. Слепой в темном чулане

Мадисон Эндрюс был высоким, сухопарым человеком шестидесяти лет, с жестким, костистым лицом, красный цвет которого подчеркивал белизну лохматых седых бровей, усов и шевелюры. Одежду он любил свободную, жевал табак и дважды за последнее десятилетие оказывался ответчиком на бракоразводных процессах.

— Молодой Коллинсон, верно, наплел вам Бог знает чего, — сказал он. — По его мнению, я впал в детство. Так прямо мне и заявил.

— Я его не видел, — сказал я. — Приехал всего два часа назад и успел забежать только в свою контору.

— Конечно, она его невеста, — сказал Эндрюс. — Но отвечаю за нее все-таки я, и я решил прислушаться к мнению доктора Риза, ее врача. Риз сказал, что немного пожить у Холдорнов будет ей полезно — быстрее восстановится психика. Как тут не прислушаешься? Они скорей всего шарлатаны, но после смерти родителей Джозеф Холдорн — единственный человек, с кем Габриэла охотно разговаривает и в чьем обществе спокойно себя чувствует. Доктор считает, что

запрет приведет лишь к обострению болезни. Не отвергать же его советы только потому, что они не по душе молодому Коллинсону?

— Само собой, — сказал я.

— У меня нет иллюзий по поводу этой секты, — продолжал он, защищаясь. — Такое же жульничество, как и в любом другом культе. Но нам нет дела до религиозных проблем. Нам нужно вылечить девушку. Даже если бы я не мог поручиться за полную безопасность Габриэлы в Храме, я и тогда рискнул бы отпустить ее. Главное, как я понимаю, — это ее здоровье, остальное — чепуха.

Он был явно чем-то обеспокоен. Я молча кивнул, пытаясь понять, что именно его беспокоит. Постепенно я все себе уяснил, хотя он и ходил кругами вокруг да около.

По совету доктора Риза и вопреки протестам Коллинсона он отпустил Габриэлу в Храм Святого Грааля. Холдорны были друзьями ее отца, у них гостила такая всеми уважаемая особа, как миссис Ливингстон Родман, да и сама девушка туда просилась. В общем, он отпустил ее шесть дней назад.

С собой она взяла мулатку Минни Херши. Доктор Риз навещал Храм каждый день. За первые

четыре дня состояние Габриэлы улучшилось. На пятый день ее здоровье сильно обеспокоило его. Никогда еще она не находилась в таком оцепенении, в таком сумеречном состоянии: налицо были все симптомы какого-то шока, но никто ничего ему не рассказывал. Молчала Габриэла. Молчала Минни. Молчали Холдорны.

Ему негде было узнать, что случилось, — да и случилось ли что-нибудь.

Эрик Коллинсон требовал у доктора ежедневных отчетов, и Риз не скрыл от него правды о последнем визите. Коллинсон завелся. Он хотел, чтобы девушку немедленно увезли из Храма: по его мнению, Холдорны готовились ее убить. С Эндрюсом он разругался. Эндрюс считал, что у Габриэлы просто рецидив болезни, от которого она быстро оправится, если оставить ее в покое. Риз склонялся к той же точке зрения. Коллинсон возражал. Он пригрозил, что поднимет бучу, если ее тут же не заберут.

Все это и не давало Эндрюсу покоя. Адвокат, трезвый, практичный человек, как он будет выглядеть, если с его подопечной случится несчастье в том месте, куда он ее сам отправил? С другой стороны, он искренне верил, что пребывание в Храме ей на пользу. В итоге они

с Коллинсоном пошли на компромисс. Габриэла останется там еще на несколько дней, но кто-нибудь присмотрит за ней, последит, чтобы Холдорны не морочили ей голову.

Риз предложил меня: на него произвел впечатление мой успех в расследовании смерти Леггета. Коллинсон был против: из-за моей жестокости девушка, мол, и оказалась в таком состоянии. В конце концов Коллинсон уступил," поскольку я знал Габриэлу и ее биографию, не ударил лицом в грязь в предыдущем деле и тому подобное. В общем, мой профессионализм перетянул на весах мою жестокость.

Тогда Эндрюс позвонил Старику, предложил солидную компенсацию за то, что меня сорвут с нового дела, и я оказался в городе.

— Холдорны о вас предупреждены, — закончил Эндрюс. — Пусть думают что угодно. Я им просто сказал, что, пока психика Габриэлы не придет в норму, мы с доктором Ризом хотим поселить у них надежного человека, на случай непредвиденных обстоятельств — охранять не только ее, но и всех остальных. Мои инструкции вам не нужны. Будьте поосмотрительнее — вот и все.

— Мисс Леггет знает, что я туда перебираюсь?

— Нет, и, думаю, говорить ей не стоит. При-

глядывайте за ней как можно неназойливее. В теперешнем состоянии она вряд ли вас заметит и станет протестовать. Ну, а если станет... в общем, поживем — увидим.

Эндрюс дал мне записку к Аронии Холдорн.

Через полтора часа я уже сидел напротив миссис Холдорн в приемной Храма и наблюдал, как она ее читает. Отложив записку в сторону, миссис Холдорн протянула мне белую нефритовую сигаретницу с длинными русскими папиросами. Я сказал, что предпочитаю «Фатиму», и она подтолкнула ко мне настольную зажигалку. Когда мы оба прикурили, она сказала:

— Постараюсь устроить вас поудобнее. Мы совсем не дикари и не фанатики. Я потому и говорю, что многих людей это удивляет. Конечно, тут Храм, но обычные бытовые удобства, счастье и покой не могут, по нашему мнению, осквернить его. Вы, конечно, не из числа наших приверженцев, но я надеюсь, мы вас обратим... и не надо пожимать плечами. Как бы там ни было, докучать вам никто не собирается. Хотите присутствовать на нашей службе — милости просим, не хотите — не надо. Уходить и приходить можете, когда заблагорассудится. И я уверена, вы проявите к нам такое же уважение, как мы к вам, и, если

ничего не будет грозить вашей... пациентке, не станете вмешиваться, какой бы странной та или иная сторона нашей жизни вам ни показалась.

— Не сомневайтесь, — заверил я.

Она улыбнулась, словно благодаря меня, аккуратно загасила папиросу в пепельнице и встала:

— Я покажу вам вашу комнату.

О моем предыдущем визите мы не проронили ни слова.

С саквояжем и шляпой в руках я проследовал за ней к лифту, и мы поднялись на пятый этаж.

— Здесь комната мисс Леггет. — Арония Холдорн показала на дверь, в которую мы с Коллинсоном рвались две недели назад. — А это ваша. — И она открыла дверь прямо напротив.

Моя комната оказалась точно такой же, как у Габриэлы, разве что без гардеробной. Запора на дверях тоже не было.

— А куда поселили служанку? — спросил я.

— На верхнем этаже есть комнаты для прислуги. Доктор Риз сейчас, кажется, у мисс Леггет. Я скажу ему, что вы прибыли.

Я поблагодарил. Миссис Холдорн вышла и закрыла за собой дверь.

Через пятнадцать минут пришел Риз.

— Рад вас видеть, — сказал он, пожав мне руку.

Говорил он сухо, отчетливо выговаривая слова, а иногда подчеркивал сказанное взмахом руки, в которой держал пенсне на черной ленте. На носу у него пенсне я пока ни разу не видел. — Надеюсь, ваши профессиональные таланты не понадобятся, но все же хорошо, что вы тут.

— А в чем дело? — спросил я мягко, стараясь вызвать его на откровенность.

Он пристально посмотрел на меня и постучал пенсне по ногтю большого пальца на левой руке.

— Все дела, насколько я знаю, только по моей части. В остальном, по-моему, порядок, — сказал он и на прощанье снова пожал мне руку. — Думаю вам придется поскучать.

— А вам — нет?

Он было направился к двери, но тут остановился, нахмурил брови и опять постучал пенсне по ногтю.

— Нет. — Он поколебался, словно решая, стоит ли продолжать разговор, решил, что не стоит, и пошел к выходу.

— Я имею полное право знать, что вы обо всем этом думаете, — сказал я.

Он снова пристально посмотрел на меня.

— А я не знаю, что я об этом думаю. — Пауза. — Просто я недоволен. — Он и правда выглядел

недовольным. — Зайду вечером.

Он вышел и закрыл дверь. Но через несколько секунд она распахнулась снова.

— Мисс Леггет очень больна, — сказал он и ушел.

— Ну и весело мне тут придется, — проворчал я и, сев у окна, закурил.

Постучала служанка в черном платье с белым передником и спросила, что мне подать на второй завтрак. Это была крепенькая розовая толстушка лет двадцати пяти, со светлыми волосами; ее голубые глаза глядели на меня с любопытством и юморком. Когда она принесла еду, я вытащил из саквояжа бутылку виски, глотнул из нее и перекусил. Всю вторую половину дня я провел в комнате.

В начале пятого мне удалось перехватить Минни, когда она выходила из комнаты Габриэлы. Увидев меня в дверях, она сделала круглые глаза.

— Заходи, — пригласил я. — Разве доктор Риз ничего обо мне не сказал?

— Нет, сэр. Вы... вы... Вам что-нибудь нужно от мисс Габриэлы?

— Просто слежу, чтобы с ней ничего не случилось. И если ты станешь мне рассказывать,

что она говорит и делает, что говорят и делают другие, будет лучше и для твоей хозяйки — не придется ее беспокоить.

— Да, конечно, — с готовностью откликнулась мулатка, но, насколько я мог судить по ее смуглому лицу, идея сотрудничества пришлась ей не по вкусу.

— Как она сегодня?

— Повеселее, сэр. Ей здесь нравится.

— Как провела день?

— Не знаю, сэр... Провела и провела... вроде бы спокойно.

Уйма информации!

— По мнению доктора Риза, — сказал я, — мисс Габриэле лучше не знать, что я здесь.

— Конечно, сэр, я ничего ей не скажу, — пообещала она, но в ее словах было больше вежливости, чем искренности.

К вечеру зашла Арония Холдорн и пригласила меня вниз обедать. Столовая была обшита панелями из ореха и обставлена ореховой мебелью. За стол, включая меня, сели десять человек.

Джозеф Холдорн, высокий и стройный, как греческая статуя, был в черной шелковой мантии. Седые, длинные, чистые волосы. Пышная, ровно постриженная, седая борода. Представляя нас

друг другу, Арония назвала его просто Джозефом, без фамилии. Точно так же к нему обращались и другие гости. Показав в улыбке ровные белые зубы, он протянул мне руку, сильную, теплую. На румяном, пышущем здоровьем лице не было ни морщинки. Очень спокойное — особенно ясные коричневые глаза, — это лицо почему-то примиряло вас с окружающим миром. Такое же успокоительное действие оказывал его густой баритон.

— Мы рады видеть вас у себя, — сказал он.

Обычная вежливость, без всякого подтекста, но я тут же поверил, что по какой-то причине он действительно рад меня видеть, и понял, почему Габриэла Леггет просилась сюда. Я ответил, что тоже рад, и, пока произносил эти слова, был вполне искренен.

Кроме самого Джозефа, его жены и сына, за столом сидели: миссис Родман — долговязая болезненная дама с тонкой кожей, выцветшими глазами и тихим голосом; ушедший в себя молодой человек по имени Флеминг — смуглый, худой, с черными усиками; майор Джеффриз — хорошо одетый, изысканно вежливый толстяк, лысый и желтоватый; его жена, вполне приятная особа, несмотря на игривость, которая была бы ей

к лицу лет тридцать назад; мисс Хиллен, нервная, энергичная дама с острым подбородком и резким голосом; и, наконец, совсем молоденькая, смуглая и широкоскулая миссис Павлова, которая все время прятала глаза.

Еду подавали два филиппинца; она была отличной. Говорили за столом мало и совсем не о религии. Время прошло приятно.

После обеда я возвратился к себе. Постоял несколько минут у дверей Габриэлы, но ничего не услышал. Потом стал ходить по комнате из угла в угол, курить и ждать прихода доктора. Риз так и не появился. Видимо, его задержали какие-то непредвиденные дела, частые в жизни врачей, но я немного занервничал. Из комнаты Габриэлы никто не выходил. Дважды я подкрадывался на цыпочках к ее дверям. Первый раз там было тихо. Во второй до меня донеслось какое-то непонятное шуршание.

Вскоре после десяти я услышал, как мимо прошли несколько человек — наверное, обитатели Храма отправлялись спать.

В пять минут двенадцатого дверь Габриэлы скрипнула. Я открыл свою и увидел удалявшуюся по коридору Минни Херши. Мне захотелось ее окликнуть, но я сдержался. Прошлая попытка

хоть что-то вытянуть из нее окончилась полным провалом, да и сейчас мне вряд ли хватило бы терпения уламывать ее.

К этому времени я уже оставил надежду увидеть доктора.

Я выключил свет, открыл дверь, уселся в темноте и стал смотреть на противоположную комнату, проклиная все на свете. Я ощущал себя слепцом, который ищет в темном чулане черную шляпу, хотя ее там вовсе нет.

Незадолго до полуночи, в пальто и шляпке, вернулась Минни Херши, видимо, с улицы. Меня она как будто не заметила. Я осторожно встал и попытался заглянуть в комнату, когда она открывала дверь, но ничего не разглядел.

Минни оставалась у Габриэлы до часу, потом вышла, бережно затворила за собой дверь и пошла по коридору на цыпочках. Глупая предосторожность — коридор и так был выстлан толстым ковром. Но как раз из-за этой глупости я опять занервничал. Я встал и тихонько окликнул ее:

— Минни.

Она, видимо, не услышала и продолжала так же, на носках, удаляться. Мне стало совсем не по себе. Я быстро догнал ее и остановил, схватив за худую руку.

Ее индейская физиономия была непроницаемой.

— Как она там? — спросил я.

— Нормально, сэр. Вам бы... оставьте ее в покое, — забормотала Минни.

— Ничего не нормально. Что она делает?

— Спит.

— Под наркотиком?

Она подняла злые вишневого цвета глаза, но тут же опустила их, ничего не ответив.

— Она тебя посылала за наркотиками? — не отставал я, крепче сжав ее запястье.

— Мисс Габриэла посылала меня за... за лекарством... да, сэр.

— Приняла и заснула?

— Да, сэр.

— Пошли, посмотрим, — сказал я.

Мулатка попыталась вырвать руку, но я держал крепко.

— Оставьте меня в покое, сэр, а то я закричу.

— Сначала сходим, посмотрим, а там, может быть, оставлю, — сказал я и, взяв ее за плечо другой рукой, повернул к себе. — Если собираешься кричать, то начинай.

Идти в комнату хозяйки Минни явно не хотелось, но и тащить ее не пришлось. Габриэла

Леггет лежала на боку и спокойно спала — одеяло на плече мерно поднималось и опускалось. Маленькое бледное личико с каштановыми завитушками, свалившимися на лоб, казалось во сне детским и совсем больным.

Я отпустил Минни и вернулся к себе. Сидя в темноте, я понял, отчего люди начинают грызть ногти. Просидев так около часа, если не больше, я обругал себя старой бабой, снял ботинки, выбрал кресло поудобнее, положил ноги на другое кресло, накинул на себя одеяло и заснул перед открытой дверью, за которой виднелась дверь Габриэли.

10. Увядшие цветы

В каком-то полусне я разомкнул веки, решил, что задремал всего на мгновенье, сомкнул их, провалился опять в забытье, затем все-таки заставил себя проснуться. Что-то было не так.

Я с трудом открыл глаза, закрыл, открыл снова. Я понял, что было не так. И при открытых и при закрытых глазах — одинаково темно. Но это объяснимо: ночь темная, а окна моей комнаты не выходят на освещенную улицу. Нет... ведь, ложась, я оставил дверь открытой, и в коридоре горели лампы. Теперь света в дверном проеме, через который виднелся вход в комнату Габриэлы, не было.

Я уже достаточно опомнился и не стал резко вскакивать. Задержав дыхание, я прислушался — все тихо, только на руке тикают часы. Поднес светящийся циферблат к глазам — семнадцать минут четвертого. Я спал дольше, чем мне показалось, а свет в коридоре, видимо, погасили.

Голова у меня была тяжелой, во рту — помойка, тело затекло и онемело. Я откинул одеяло и через силу встал с кресла — мышцы не слушались. В одних носках я проковылял к выходу и наткнул-

ся на дверь. Она была закрыта. Я распахнул ее — свет в коридоре горел, как прежде. Воздух там был удивительно свежим и чистым.

Я обернулся назад и принюхался. В комнате стоял цветочный запах, слабый, затхлый — так пахнут в закрытом помещении увядшие цветы. Ландыши, луноцветы, какие-то еще. Некоторое время я стоял, пытаясь выделить отдельные запахи, серьезно размышляя, не примешивается ли к ним слабый аромат жимолости. Я смутно припомнил, что мне снились похороны. Пытаясь восстановить в памяти сон, я прислонился к косяку и снова задремал.

Когда моя голова совсем свесилась, а шея заныла, я проснулся и кое-как разлепил глаза. Ноги казались чужими, деревянными. Я стал тупо гадать, почему я не в постели. Есть же какая-то причина, только какая? Мысли сонно ворочались в голове. Чтобы не упасть, я оперся рукой о стену. Пальцы коснулись выключателя. Ума нажать на кнопку у меня хватило.

Свет резанул по глазам. Прищурившись, я увидел знакомую комнату и вспомнил, что у меня тут дело, работа. Я отправился в ванную, подставил голову под холодную воду и немного пришел в себя, хотя в мозгах все еще была каша.

Выключив у себя свет, я пересек коридор и прислушался перед дверью Габриэлы. Ни звука. Я открыл ее и переступил порог. Мой фонарик осветил пустую кровать со сбитым в ноги одеялом. Вмятина от ее тела была на ощупь холодной. В ванной и гардеробной — ни души. Под кроватью валялись зеленые тапочки, на спинке стула висело что-то, похожее на зеленый халат.

Я вернулся в свою комнату за ботинками и пошел к главной лестнице, намереваясь прочесать дом сверху донизу. Я решил, что сперва буду действовать тихо, а если ничего не найду, что всего вероятнее, то подниму бучу — начну ломиться в двери и всех перебужу. Мне хотелось найти девушку как можно скорее, но, поскольку она исчезла уже давно, две-три минуты сейчас не играли роли: бегать сломя голову я не собирался, но и терять времени не стал.

Я был между третьим и вторым этажами, когда внизу что-то промелькнуло — уловить мне удалось только какое-то движение от входных дверей в глубь дома. Смотрел я в сторону лифта, а входную дверь загораживали перила. В просветах между стойками и мелькнуло что-то. Я сразу повернул голову, но было уже поздно. Мне показалось, я заметил чье-то лицо, но так показалось

бы любому на моем месте, в действительности я видел лишь нечто светлое.

Когда я добрался до первого этажа, в вестибюле и коридорах было пусто. Я направился в глубину здания, но тут же замер. В первый раз с тех пор как я проснулся, до меня донесся посторонний звук. За входной дверью, на каменных ступеньках крыльца шаркнула подошва.

Я подкрался к дверям, взялся за замок и за щеколду, разом открыл их, распахнул левой рукой дверь, а правую опустил к пистолету.

На верхней ступеньке крыльца стоял Эрик Коллинсон.

— Какого дьявола вы тут делаете? — мрачно спросил я.

Возбужденно и сбивчиво он рассказал мне целую историю. Насколько я понял, Коллинсон каждый день звонил доктору Ризу и справлялся о здоровье Габриэлы. Сегодня, то есть уже вчера, ему не удалось застать доктора. Он даже позвонил в два часа ночи, но ему сказали, что доктора еще нет и никто из домашних не знает, где он и почему не пришел. После этого ночного звонка Коллинсон поехал к Храму с надеждой увидеть меня и выяснить, что с девушкой. Он и не собирался подходить к дому, пока не увидел, как я

выглядываю из двери.

— Кого вы увидели?

— Вас.

— Когда?

— Вы выглянули всего минуту назад.

— Вы видели не меня, — сказал я. — Что ж вы все-таки видели?

— Кто-то высунулся. Я решил, это вы, и подошел — я сидел на углу в машине. С Габриэлой ничего не случилось?

— Ничего, — ответил я. Расскажи я ему, что она исчезла, он бы взбеленился. — Говорите потише. Значит, домашние Риза не знают, где он?

— Нет, и волнуются. Пусть себе, лишь бы Габриэла была здорова. — Он положил руку мне на плечо. — Можно мне поглядеть на нее? Хоть одну секунду. Я ни слова не произнесу. Она даже не узнает, что я здесь. Необязательно сейчас... но вы могли бы это устроить?

Малый он был высокий, крепкий, молодой, за Габриэлу готов в огонь и воду. Я понимал — что-то случилось. Только не знал что. Помощь мне могла понадобиться, так что прогонять его не стоило. С другой стороны, и рассказывать правду не стоило — начнет еще рвать и метать.

— Заходите, — сказал я. — Я должен осмотреть

дом. Хотите сопровождать меня — прошу. Только тихо, а дальше — посмотрим.

Он вошел с таким видом, будто я — святой Петр, открывший ему врата рая. Я захлопнул за ним дверь и повел через вестибюль к главному коридору. Кругом никого не было. Но недолго.

Из-за угла вдруг появилась Габриэла Леггет. Шла она босиком. Тело прикрывала лишь желтая ночная рубашка, забрызганная чем-то темным. Обеими руками она держала перед собой большой кинжал, почти меч. Он был красный, влажный. Красными, влажными были и ее голые руки. На одной из щек виднелся кровавый мазок. Глаза были ясные, блестящие и спокойные, лобик — гладкий, губы решительно сжаты. Она подошла, глядя в мои, вероятно обеспокоенные, глаза с полной безмятежностью. Казалось, она ожидала меня здесь увидеть, знала, что я ей попадусь.

— Возьмите, — сказала она ровным голосом и протянула кинжал. — Это улика. Я его убила.

— Гм, — выдавил я.

Все еще глядя мне прямо в глаза, она добавила:

— Вы — сыщик. Заберите меня туда, где таких вешают.

Руками мне шевелить было легче, чем языком. Я взял у нее окровавленный кинжал — широкий,

с большим обоюдоострым лезвием и бронзовой рукояткой в виде креста.

Из-за моей спины выскочил Эрик Коллинсон и, раскинув дрожащие руки, бормоча что-то нечленораздельное, пошел к девушке. Она со страхом отпрянула от него, прижалась к стенке и взмолилась:

— Не пускайте его ко мне.

— Габриэла! — крикнул он, протянув к ней ладони.

— Нет, нет. — Она тяжело дышала.

Чтобы загородить девушку, я встал перед ним, уперся рукой ему в грудь и рявкнул:

— Угомонитесь!

Он схватил меня за плечи сильными загорелыми пальцами и стал отпихивать. Я решил ударить его в подбородок тяжелой бронзовой рукояткой. Но так далеко дело не зашло: не спуская глаз с девушки, он вдруг забыл, что хотел спихнуть меня с дороги, и руки у него ослабли. Я толкнул его в грудь посильнее, оттеснил к другой стене коридора и отступил в сторону, чтобы видеть сразу обоих.

— Потерпите. Надо узнать, в чем дело, — сказал я ему и, повернувшись к девушке, показал на кинжал: — Что произошло?

Она уже успокоилась.

— Пошли, сейчас увидите, — сказала она. — Только, ради Бога, оез Эрика.

— Он не будет мешать, — пообещал я.

Она хмуро кивнула и повела нас по коридору за угол, к небольшой приоткрытой железной двери. Она вошла первой. Я за ней. За мной Коллинсон. В лицо нам повеял свежий ветерок. Я задрал голову и увидел на темном небе тусклые звезды. Я взглянул вниз, под ноги. В свете, проникавшем сквозь дверной проем, мне удалось разглядеть, что мы шагаем по белому мрамору или, скорее, по пятиугольным плитам под мрамор. Было темно, если не считать света из двери. Я вынул фонарик.

Неспешно ступая босыми ногами по холодным плитам, Габриэла повела нас к какому-то серому квадратному сооружению, неясно маячившему впереди. Потом остановилась и сказала:

— Здесь.

Я включил фонарик. Свет заиграл, рассыпался по широкому белому алтарю, отделанному хрусталем и серебром.

На нижней из трех ступенек, лицом вверх, вытянув руки по швам, лежал доктор Риз.

Казалось, он заснул. Одежда на нем была не измята, только пиджак и жилет расстегнуты.

Рубашка потемнела от крови. В груди виднелись четыре одинаковые раны, как раз такой формы и размера, которые мог нанести этот большой кинжал. Из ран уже ничего не сочилось, но, когда я приложил руку ко лбу, он был теплым. На ступеньки и на пол натекла кровь, рядом валялось пенсне на черной ленточке, целое.

Я выпрямился и направил луч фонарика девушке в лицо. Она моргала, жмурилась, свет ей мешал, но лицо оставалось спокойным.

— Вы убили? — спросил я.

— Нет! — завопил Коллинсон, словно только что проснулся.

— Заткнитесь, — приказал я ему и подошел к девушке поближе, чтобы он не мог вклиниться между нами.

— Так вы или не вы? — переспросил я.

— А что тут странного? — спокойно спросила она. — Вы же слышали, что говорила мачеха о проклятии Дейнов, о том, что было и будет со мной и со всеми, с кем сведет меня судьба. Так чему удивляться? — И она показала на труп.

— Чушь собачья! — сказал я, пытаясь разгадать причину ее спокойствия. Я уже видел, как на нее действует наркотик, но здесь было что-то другое. Знать бы, что именно. — Зачем вы его убили?

Коллинсон схватил меня за руку и повернул к себе. Он был как в горячке.

— Что толку в разговорах? — закричал он. — Надо ее скорее увезти отсюда. Тело мы спрячем или положим в такое место, где на нее никто не подумает. Вам лучше знать, как это делается. Я увезу ее домой. А вы тут все устроите.

— Ну да! — сказал я. — Свалим убийство на здешних филиппинцев. Пусть их вместо нее повесят.

— Правильно. Вам лучше знать, как...

— Черта с два! — сказал я. — Ну и понятия у вас.

Его лицо пошло пятнами.

— Нет, мне... я не хочу, чтобы кого-то... вешали, — забормотал он. — Честное слово. Я о другом. Ведь можно устроить, чтобы он исчез. А? Я дам денег... Он бы мог...

— Заткните фонтан, — зарычал я. — Только время теряем.

— Но вы должны что-то сделать, — не отставал он. — Вас сюда прислали, чтобы с ней ничего не случилось. Вы должны.

— Умница.

— Я понимаю, что это трудно. Я заплачу...

— Хватит. — Я вырвал у него руку и повернулся

к девушке. — Кто-нибудь при этом присутствовал?

— Никто.

Я посветил фонариком на алтарь, на труп, на пол, на стены, но ничего нового не обнаружил. Стены были белые, гладкие и сплошные, если не считать двери, через которую мы вошли, и такой же на противоположной стороне. Четыре побеленные стены поднимались прямо к небу.

Я положил кинжал рядом с телом Риза, выключил фонарик и сказал Коллинсону:

— Надо отвести мисс Леггет в комнату.

— Ради Бога, давайте увезем ее из этого дома, пока не поздно.

— Хороша она будет на улице босиком и в забрызганной кровью рубашке.

Я услышал какое-то шуршание и включил свет. Коллинсон стаскивал с себя пальто.

— Моя машина стоит на углу. Я отнесу ее на руках. — И он направился к девушке, протягивая пальто.

Габриэла забежала мне за спину и застонала.

— Не давайте ему до меня дотрагиваться.

Я хотел остановить его. Он отбил мою руку и пошел за ней. Она — от него. Я почувствовал себя чем-то вроде столба карусели, и ощущение

мне не понравилось. Когда этот болван оказался передо мной, я саданул его в бок плечом, так что он отлетел к углу алтаря. Я подошел поближе.

— Хватит! — прорвало меня. — Если хотите помогать нам, то не валяйте дурака, делайте что говорят и оставьте ее в покое. Понятно?

Он выпрямился и начал:

— Но вы не имеете...

— Оставьте ее в покое. Оставьте в покое меня. Еще раз влезете — получите пистолетом по челюсти. Хотите получить прямо сейчас — скажите. Так как?

— Ладно, — пробормотал он.

Я повернулся к девушке, но она уже серой тенью, почти не шлепая босыми ногами, летела к двери. Я бросился за ней, громыхая по плитам ботинками, и поймал ее за талию уже в дверях. Но тут же получил удар по рукам и отлетел к стене, приземлившись на колено. Надо мной во весь рост высился Коллинсон и что-то орал. Из всего потока слов мне удалось разобрать только: «Черт вас подери».

Я встал с колена в самом чудесном настроении. Быть сиделкой при свихнувшейся барышне недостаточно, вдобавок получай тычки от ее жениха. Мне понадобились все мои актерские таланты,

чтобы невозмутимо спросить Коллинсона:

— Ну зачем вы так?

Я подошел к стоявшей в дверях девушке.

— Пошли к вам в комнату.

— Только без Эрика, — потребовала она.

— Больше он не будет мешать, — снова пообещал я, надеясь, что на этот раз не ошибусь. — Пошли.

Она поколебалась, затем переступила порог. Коллинсон, с застенчивым, одновременно свирепым, а в целом очень недовольным лицом, вышел вслед за мной. Я прикрыл дверь и спросил Габриэлу, есть ли у нее ключ.

— Нет, — ответила она, будто вообще не знала о существовании ключей.

В лифте она все время пряталась от жениха за моей спиной, если, конечно, он еще состоял у нее в женихах. Сам Коллинсон напряженно смотрел в сторону. Я же вглядывался в лицо девушки, пытаясь понять, вернулся ли к ней после потрясения разум или нет. Первое предположение казалось вернее, но в душе я ему не доверял. По дороге нам никто не попался. Я включил в комнате свет. Закрыв дверь, я прислонился спиной к косяку. Коллинсон повесил пальто на стул, положил шляпу и замер, скрестив руки и не спуская глаз

с Габриэлы. Она села на кровать и уставилась мне в ноги.

— Расскажите, что случилось, только побыстрее, — приказал я.

Она подняла на меня глаза и сказала:

— Мне хочется спать.

Вопрос о ее здравомыслии — для меня во всяком случае — был решен: нормой тут и не пахло. Но сейчас меня тревожило другое. Комната. С тех пор как я ушел, в ней что-то изменилось. Я закрыл глаза, попытался представить, как она выглядела раньше, открыл глаза снова.

— Можно мне лечь? — спросила Габриэла.

Я решил, что ее вопрос подождет, и стал внимательно осматривать комнату, предмет за предметом. Пальто и шляпа Коллинсона на стуле — больше ничего нового обнаружить не удалось. Все вроде бы нормально, но сам стул почему-то не давал мне покоя. Я подошел и поднял пальто. Под ним было пусто. Раньше здесь висело нечто похожее на зеленый халат, а теперь было пусто. Халата я нигде в комнате не заметил и даже не стал искать — безнадежно. Зеленые тапочки все еще валялись под кроватью.

— Не сейчас, — ответил я девушке. — Пойдите в ванную, смойте кровь и оденьтесь. Одежду

захватите туда с собой. Ночную рубашку отдайте Коллинсону. — Я повернулся к нему. — Спрячьте ее в карман и не вынимайте. Из комнаты не выходить и никого не впускать. Я скоро приду. Пистолет у вас есть?

— Нет, — сказал он. — Но я...

Девушка встала с кровати, подошла ко мне ближе и перебила его.

— Не оставляйте нас одних, — сказала она серьезно. — Я не хочу. Я уже убила одного человека. Вам что, мало?

Говорила она горячо, но не возбужденно, и довольно рассудительно.

— Мне нужно ненадолго уйти, — сказал я, — одной вам оставаться нельзя. И кончен разговор.

— А вы понимаете, что делаете? — Голосок у нее был тоненький, усталый. — Вряд ли. Иначе бы не оставляли меня с ним. — Она подняла лицо, и я скорее прочел по губам, чем услышал: «Только не с Эриком. Пусть он уйдет».

Я от нее совсем одурел: еще немного, и мне придется лечь в соседнюю палату. Меня так и подмывало уступить ей, но я ткнул пальцем в ванную и сказал:

— Можете не вылезать оттуда, пока я не приду. Но он побудет здесь.

Она с безнадежностью кивнула и направилась в гардеробную. Когда она шла в ванную с одеждой в руках, на глазах у нее блестели слезы.

Я отдал пистолет Коллинсону. Его рука была деревянной и дрожала. Дышал он тяжело, шумно.

— Не будьте размазней, — сказал я ему. — Хоть раз помогите, вместо того чтобы мешать. Никого не впускайте и не выпускайте. Придется стрелять — не теряйтесь.

Он хотел что-то сказать, не смог и, сжав мне руку, чуть не искалечил ее от избытка чувств. Я вырвал у него ладонь и отправился вниз, к алтарю, где лежал доктор Риз. Попасть туда удалось не сразу. Железная дверь, через которую мы вышли несколько минут назад, была заперта. Но замок оказался довольно простым. Я поковырял в нем кое-какими инструментами из перочинного ножа и в конце концов открыл.

Зеленого халата я там не нашел. Не нашел я и тела доктора Риза. Оно исчезло. Кинжал тоже исчез. Вместо лужи крови на белом полу осталось лишь желтоватое пятно. Кто-то хорошенько прибрался.

11. Бог

Я вернулся в вестибюль: еще раньше я заметил там нишу с телефоном. Телефон был на месте, но не работал. Я положил трубку и отправился на шестой этаж к Минни Херши. Пока что помощи от нее я никакой не получил, но она, по-видимому, была предана хозяйке, а мне, за неимением телефона, требовался посыльный.

Я открыл ее дверь — тоже без замка, — вошел, затворил за собой. Включил фонарик, обхватив ладонью стекло. При свете, просачивавшемся между пальцами, я увидел мулатку — она крепко спала на кровати. Окна были закрыты, воздух спертый, со знакомым затхлым душком увядших цветов.

Я посмотрел на девушку. Она лежала на спине, дышала ртом, и лицо ее во сне приобрело еще большее сходство с индейским. Глядя на нее, я сам осоловел. Поднимать ее сейчас бесчеловечно. Может быть, ей снится... я тряхнул головой, пытаясь прогнать сонную одурь. Ландыши, луноцветы... увядшие цветы... А нет ли тут и жимолости? Этот вопрос почему-то казался важным. Фонарь тяжелел у меня в руке, стал чересчур тяжелым.

Черт с ним... я его выпустил. Он упал на ногу... я удивился: кто тронул меня за ногу? Габриэла Леггет? Умоляет спасти ее от Эрика Коллинсона? Чушь какая-то... Или не чушь? Я опять пытался тряхнуть головой... пытался отчаянно. Она весила тонну, едва поворачивалась. Меня качнуло; чтобы не упасть, я выставил ногу. Нога была слабая, мягкая, подгибалась. Надо сделать еще шаг, иначе свалюсь; я сделал, с трудом поднял голову, разлепил веки, посмотрел, куда мне падать, увидел окно в пятнадцати сантиметрах от моего носа.

Меня потянуло вперед, и подоконник уперся в бедра, остановил падение. Мои руки лежали на подоконнике. Я пошарил внизу рамы — не знаю, нашарил ли ручки, но потянул вверх изо всех сил. Окно не поддавалось. Ручки были будто прибиты внизу. Кажется, тут я всхлипнул; а потом, правой ладонью упершись в подоконник, левой выбил стекло.

Уличный воздух шибанул в нос, как нашатырь. Я сунул лицо в дыру и, цепляясь обеими руками за подоконник, вбирал воздух ртом, носом, глазами, ушами, порами кожи и смеялся, а глаза щипало так, что лились слезы и затекали в рот. Я все глотал свежий воздух и вскоре почувствовал,

что ноги меня держат, глаза видят, что я опять могу двигаться и думать, пусть не быстро и не четко. Мешкать было некогда. Я закрыл нос и рот платком и отвернулся от окна.

В каком-нибудь метре от меня, посреди черной комнаты стояло, извиваясь, нечто светлое, похожее на человеческую фигуру, но бесплотное.

Оно было высокое, но не такое высокое, как показалось сначала, — потому что оно не стояло на полу, а парило: между его ногами и полом был просвет сантиметров в тридцать. Да, у него и ноги были, но уж не знаю, какой формы. Не было у них формы — и у торса не было, и у рук, и у лица не было формы, постоянных очертаний. Они зыбились, разбухали и съеживались, вытягивались и сокращались, не очень сильно, но беспрерывно. Рука сливалась с телом, растворялась в теле, а потом появлялась, будто выливалась из него. Нос свешивался над разинутым бесформенным ртом, потом втягивался обратно, утопая между кисельными щеками, снова начинал расти. Глаза расширялись, сливались в один громадный глаз, занимавший всю верхнюю часть лица, потом он уменьшался, пропадал вовсе, потом глаза прорезывались снова на прежних местах. А ноги — то их было две, то три, то одна, скрученная

штопором, точно живой и шаткий пьедестал. Все члены и черты лица непрерывно искажались, колебались, так что нельзя было уловить их натуральную, правильную форму. Похоже было, что человек, гримасничая, парит над полом. Человек с жутким зеленоватым лицом и бледным телом, неосязаемым, но видимым в темноте, текучим, зыбким, прозрачным, как вода прибоя.

Я сознавал, что я не в себе, нанюхался душной цветочной дряни. Но, как ни старался, не мог убедить себя, что не вижу этого существа. Оно было — дрожало, корчилось между мной и дверью, близко, только наклониться, только руку протянуть. Я не верю в сверхъестественное — ну и что из того? Оно было передо мной. Было, и я видел, что это не фокус с фосфорной краской, не человек в простыне. Мне надоело ломать голову. Я стоял, зажав платком рот и нос, не шевелясь и не дыша, и, может быть, даже кровь у меня в жилах остановилась. Оно было тут, и я был тут — и стоял, будто прирос к полу.

Потом оно заговорило; не могу утверждать, что я слышал слова: мне казалось, что я просто воспринял их всем телом.

— На колени, враг Божий. На колени.

Тут я вышел из оцепенения — облизал губы,

хотя язык был еще суше их.

— Да колени, ненавистный Господу, пока на тебя не обрушился удар.

Последний довод я уже мог понять. Я отнял от рта платок и сказал: «Пошел к черту». Звучало это глупо, тем более что голос у меня сел.

Оно судорожно перекрутилось, всколыхнулось и подалось ко мне. Я бросил платок и протянул к нему обе руки. Схватил его — и не схватил. Мои руки достали тело — ушли в него до запястий, сжались. И захватили только сырую пустоту, ни теплую, ни холодную, вообще лишенную температуры.

— И та же сырая пустота облепила мне лицо, когда его лицо наплыло на мое. Я укусил лицо... — да... но зубы лязгнули впустую, хотя я видел и чувствовал, что мое лицо уже внутри его лица. И в руках у меня, вплотную к моей груди, корчилось, извивалось его тело, ерзало, вздрагивало и вдруг бешено завинчивалось, рвалось на части, которые жадно соединялись снова — все в черной пустоте.

Сквозь эту прозрачную материю я видел свои руки, сжавшиеся в сердцевине влажного тела. Я разжал их и согнутыми пальцами рванул вверх и вниз, раздирая его: я видел, что тело рвется и

течет вслед за моими ногтями, но не ощущал ничего, кроме сырости.

Возникло новое ощущение, быстро усиливавшееся: на меня навалилась и душила какая-то немыслимая тяжесть. Существо было бесплотным, но страшно тяжелым, и этот груз придавливал меня, не давал вздохнуть. Ноги у меня подгибались. Я плюнул ему в лицо, вытащил руку из утробы и ударил в лицо. Кулак не встретил ничего, кроме сырости.

Я снова сунул левую руку ему в живот и стал рвать тело, так ясно видимое и так слабо осязаемое. Но тут я увидел кое-что новое — кровь на своей левой руке. Темная, густая, настоящая кровь капала на пол, текла между пальцами.

Я захохотал, потом, собравшись с силами, выпрямился под чудовищным грузом и снова стал рвать ему внутренности, хрипя: «Душу выну». Кровь еще сильнее полилась по пальцам. Я опять попробовал засмеяться, не смог — меня душило. И тяжесть на мне стала вдвое больше. Я попятился, привалился к стене, распластался по ней, чтобы не съехать на пол.

Воздух из разбитого окна, холодный, свежий, терпкий, хлынул сбоку, ударил в нос, и по разнице между ним и тем, чем я дышал в комнате,

стало понятно, что давит на меня не тяжесть этого создания, а цветочная отрава, наполнившая дом.

Бледно-зеленая сырая тварь обволакивала мое лицо и тело. Кашляя, я продрался через нее к двери, распахнул дверь и вывалился в коридор, где было теперь так же черно, как в комнате.

Я упал, и что-то упало на меня. Но уже не бесплотное. Человек. В спину мне ударили колени — человечьи колени, острые. Кряхтенье, теплым воздухом обдавшее мне ухо, было человечье, удивленное. Рука, которую я сжал, была человечья, тонкая. Я благодарил Бога, что она тонкая. Коридорный воздух меня освежил, но бороться с атлетом я еще не был готов.

Я сжал его руку изо всех сил и затащил под себя, накатился сперва на нее, потом на самого человека. Накатываясь, я перебросил руку через его тело, и она столкнулась на полу с чем-то твердым, металлическим. Я ощупал предмет пальцами и узнал: это был длинный кинжал, которым закололи Риза. Тот, на кого я сейчас взгромоздился, очевидно, стоял за дверью и хотел зарезать меня, когда я выйду; спасло меня падение: он не только промахнулся кинжалом, но и споткнулся об меня. А сейчас, лежа ничком, прижатый к полу моими восьмьюдесятью пятью килограммами, он лягал-

ся, норовил долбануть меня головой и кулаками.

Схватив одной рукой кинжал, я перенес другую с его руки на затылок, вдавил его лицо в ковер, уже не суетясь, потому что сил у меня прибывало с каждым вздохом. Через минуту-другую я поставлю его на ноги и немного расспрошу.

Но такой передышки мне не дали. Что-то твердое ударило меня по плечу, потом по спине, потом стукнуло по ковру рядом с нашими головами. Кто-то охаживал меня дубинкой.

Я скатился с тощего. Прямо под ноги к тому, кто орудовал дубинкой. Я попытался захватить его за ногу, получил еще удар по спине, ногу не достал, а рука скользнула по юбке. От удивления я отдернул руку. Еще удар дубинкой — на этот раз по боку — напомнил мне, что церемонии тут не уместны. Я сжал руку в кулак и ударил по юбке. Кулак мой наткнулся на мясистую ляжку. В ответ раздалось рычание, ноги отодвинулись, и еще раз ударить я не успел. Я быстро встал на четвереньки и стукнулся головой о дерево. Дверь. Схватившись за ручку, я поднялся. В нескольких сантиметрах от меня в темноте свистнула дубинка. Я повернул ручку, нажал на дверь, вошел в комнату и тихо, почти беззвучно затворил дверь за собой.

В комнате у меня за спиной раздался голос, очень тихий, но очень серьезный:

— Выйдите сейчас же, буду стрелять.

Голос принадлежал светловолосой толстенькой служанке, и в нем слышался испуг. Я быстро нагнулся — на случай, если она вправду вздумает стрелять. За окном уже светало, и я увидел ее силуэт на кровати — она сидела, вытянув руки с маленьким черным предметом.

— Это я, — прошептал я.

— А, вы! — Но рука с черным предметом не опустилась.

— Вы с ними в доле? — спросил я и осторожно шагнул к кровати.

— Делаю что приказано и держу язык за зубами, а в бандиты к ним не нанималась.

— Хорошо. — Я сделал еще несколько шагов к кровати, уже быстрее. — Если связать простыни, смогу я опуститься из окна на следующий этаж?

— Не знаю. Ой! Что вы делаете!

Я держал ее пистолет — автоматический, калибра 8, 13 — одной рукой, а запястье — другой и выворачивал.

— Отпустите, — приказал я, и она отпустила.

Я отошел назад, поднял кинжал, который бросил возле спинки кровати.

Потом на цыпочках подкрался к двери и прислушался. Тишина. Я тихо открыл дверь и ничего не услышал, ничего не увидел в сумерках. Дверь Минни была открыта, наверное, с тех пор, как я вывалился из комнаты. Того, с чем я боролся, там не было. Я вошел к Минни и включил свет. Она лежала, как прежде, забывшись тяжелым сном. Я спрятал пистолет в карман, стянул одеяло, поднял Минни, перенес в комнату служанки, свалил к ней на кровать и сказал:

— Попробуйте привести ее в чувство.

— Проснется немного погодя: они все просыпаются.

— Вон что? — сказал я и пошел вниз, на пятый этаж, к Габриэле.

Комната Габриэлы была пуста. Шляпа и пальто Коллинсона исчезли, исчезла одежда, которую она унесла в ванную, и окровавленная ночная рубашка тоже.

Я стал осыпать эту парочку проклятьями, и хоть старался не обделить ни того, ни другого, больше все-таки досталось Коллинсону; потом выключил свет и побежал вниз по парадной лестнице — избитый, изодранный, растерзанный, с окровавленным кинжалом в одной руке, с пистолетом в другой — и на лице у меня, навер-

ное, было такое же осатанение, как в душе. До второго этажа я ничего не слышал. А тут снизу донесся звук, напоминавший отдаленный гром. Сбежав по последнему маршу, я понял, что кто-то ломится в парадную дверь. Хорошо бы этот кто-то был в синем мундире. Я подошел к двери, отпер ее и распахнул.

С ошалелыми глазами, встрепанный и бледный, передо мной стоял Эрик Коллинсон.

— Где Габи? — задыхаясь, спросил он.

— Кретин, — сказал я и ударил его по лицу пистолетом.

Он согнулся, уперся руками в стены передней, постоял так и медленно выпрямился. Из угла рта у него текла кровь.

— Где Габи? — упрямо повторил он.

— Где вы ее оставили?

— Здесь. Я собирался ее увезти. Она просила. Послала меня разведать, нет ли кого на улице. Вернулся — дверь заперта.

— Чем вы думаете? — прорычал я. — Она вас обманула — все хочет спасти от идиотского проклятия. Я вам что велел делать? Ну ладно, надо искать ее.

Ни в одной из комнат, прилегавших к вестибюлю, ее не оказалось. Не погасив в них свет, мы

побежали по главному коридору.

Из двери сбоку выскочил кто-то маленький в белой пижаме и повис у меня на поясе, чуть не опрокинув. Он издавал нечленораздельные звуки. Я оторвал его от себя и увидел, что это мальчик Мануэль. Слезы текли по его испуганному лицу и мешали ему говорить.

— Успокойся, — сказал я. — А то я не пойму ни слова.

Я разобрал:

— Он убить ее хочет.

— Кто кого хочет убить? — спросил я. — Говори медленнее.

Медленнее он говорить не стал, но я расслышал: «папа» и «мама».

— Папа хочет убить маму? — спросил я, потому что такая расстановка казалась более вероятной.

Он кивнул.

— Где?

Дрожащей рукой он показал на железную дверь в конце коридора. Я пошел туда, но остановился.

— Слушай, мальчик, — стал торговаться я. — Я хочу помочь твоей маме, но сперва мне надо узнать, где мисс Леггет. Ты знаешь, где она?

— Там, с ними, — крикнул он. — Скорей, скорей.

— Так. Пошли, Коллинсон. — И мы кинулись к железной двери.

Дверь была закрыта, но не заперта. Белый алтарь сверкал хрусталем и серебром под ярким лучом голубого света, протянувшимся наискось от карниза здания. С одной стороны на корточках сидела Габриэла, подняв лицо кверху. В этом резком свете ее лицо было мертвенно-белым и застывшим. На ступеньке, где мы нашли Риза, лежала теперь Арония Холдорн. На лбу у нее был кровоподтек. Руки и ноги спутаны широкой белой лентой, локти примотаны к телу. Одежды на ней почти никакой не осталось.

Рядом с ней, перед алтарем, стоял Джозеф в белом балахоне. Он стоял, раскинув руки и задрав к небу бородатое лицо. В правой руке у него был обыкновенный нож для мяса, с роговой ручкой и длинным изогнутым лезвием. Джозеф говорил в небо, но он стоял к нам спиной, и мы не могли разобрать слова. Когда мы вошли в железную дверь, он опустил руки и наклонился над женой. Нас разделяло метров десять. Я заорал:

— Джозеф!

Он выпрямился, обернулся, и я увидел, что нож у него в руке еще блестит, не испачкан.

— Кто рек «Джозеф», имя, которого больше

нет? — спросил он, и, признаюсь честно, когда я глядел на него и слышал его голос — а остановились мы с Коллинсоном метрах в трех от алтаря, — у меня возникло чувство, что ничего особенно страшного произойти, наверное, не должно. — Здесь нет Джозефа, — продолжал он, не дожидаясь ответа на свой вопрос. — Знайте, ибо весь мир скоро узнает, что тот, кого вы звали Джозефом, был не Джозеф, а сам Бог. Теперь вы знаете и ступайте прочь.

Мне бы сказать: «Чушь» — и броситься на него. С любым другим я так и поступил бы. А тут не смог. Я сказал:

— Мне придется взять мисс Леггет и миссис Холдорн с собой, — и сказал нерешительно, чуть ли не виновато.

Он выпрямился во весь рост, лицо с белой бородой было сурово.

— Ступай, — велел он, — отыди от меня, пока дерзость не привела тебя к гибели.

Связанная на алтаре Арония Холдорн сказала мне:

— Стреляйте. Стреляйте скорее. Стреляйте.

Я обратился к Джозефу:

— Мне все равно, как тебя звать. Ты отправишься в кутузку. А ну брось нож.

— Богохульник, — загремел он и сделал шаг ко мне. — Сейчас ты умрешь.

Это должно было бы показаться смешным. Но мне не показалось.

Я завопил: «Стой!» Он шел ко мне. Я испугался. Я выстрелил. Пуля попала ему в щеку. Я видел отверстие. Ни один мускул не дрогнул на его лице. Он даже не моргнул. Он шел твердо, не торопясь, на меня. Я нажимал и нажимал спуск; еще шесть пуль попали ему в лицо и тело. Я видел раны. А он все шел и как будто не замечал их. Лицо и взгляд у него были суровые, но не злые. Подойдя ко мне, он поднял нож высоко над головой. Так ножом не дерутся; но он и не дрался: он намерен был обрушить на меня кару и на мои попытки помешать ему обращал так же мало внимания, как родитель, наказывающий ребенка.

Я же — дрался. Когда нож, сверкнув над нашими головами, устремился вниз, я нырнул под него, выставив согнутую руку против его вооруженной руки, и левой рукой воткнул кинжал ему в горло. Я давил на кинжал, покуда крестовина не уперлась в шею. Тут я выключился.

Я и не знал, что зажмурил глаза, — пока не открыл их снова. Раньше всего я увидел Эрика Коллинсона, который стоял на коленях возле Га-

бриэлы, отворачивал ее лицо от слепящего луча и пытался привести ее в чувство. Потом увидел Аронию Холдорн: она лежала без сознания на ступени алтаря, а мальчик Мануэль плакал над ней и дрожащими руками пытался стянуть с нее путы. Потом я обнаружил, что стою, расставив ноги, а между ногами лежит мертвый Джозеф с кинжалом в горле.

— Слава Богу, что он не был Богом, — пробормотал я вполголоса.

Мимо меня пронеслось коричневое тело в белом: Минни Херши бросилась на пол рядом с хозяйкой, крича:

— Мисс Габриэла, я думала, этот дьявол ожил и снова напал на вас.

Я подошел к мулатке, взял ее за плечи, поднял и спросил:

— Как так? Разве ты его не убила?

— Да, сэр, но...

— Но ты думала, что он вернулся в другом обличье?

— Д-да, сэр. Я думала, что он — это... — Она запнулась, сжала губы.

— Это я?

Она кивнула, отвернувшись в сторону.

12. Нечестивый храм

К вечеру мы с Фицстивеном опять сидели у миссис Шиндлер за хорошим обедом, но на этот раз я рисковал остаться голодным. Любопытству Оуэна не было удержу — он засыпал меня вопросами, просил разъяснить ту или иную подробность, а когда я пытался передохнуть или положить в рот хоть кусок, требовал не отвлекаться.

— Могли бы захватить меня с собой, — посетовал он, когда нам принесли суп. — Я был знаком с Холдорнами, во всяком случае, раз или два встречался с ними у Леггетов. Чем не предлог, чтобы взять меня в Храм? Тогда бы я точно знал, что случилось и при каких обстоятельствах, а теперь завишу от ваших пересказов да от газетных версий, подогнанных под вкусы читателей.

— Мне хватило огорчений и с одним помощником, — сказал я. — С Эриком Коллинсоном.

— Сами виноваты. Зачем потащили его, когда под рукой был куда более надежный человек? Но давайте, мой милый, я весь внимание. Начинайте ваш рассказ, а я вам потом скажу, где вы наделали ошибок.

— С чем, с чем, а с этим вы справитесь, — со-

гласился я. — Раньше Холдорны были актерами. Во многом я основываюсь на словах Аронии и за полную правду поручиться не могу. Финк молчит, а остальные — служанки, филиппинцы, повар-китаец и так далее — ничего, кажется, не знают. В свои фокусы Холдорны их, видно, не посвящали.

Актерами они, по ее словам, были средними и зарабатывали так себе. Но год назад Арония повстречала старого знакомого, с которым когда-то играла в одной труппе, — он сменил сцену на кафедру проповедника, преуспел на новом поприще и ездил теперь в дорогих машинах, а не в сидячих вагонах. Встреча дала ей пищу для раздумий. Начав размышлять в этом направлении, она, естественно, вскоре пришла к таким знаменитостям, как Эйми, Бухман[1], Джеди[2]... забыл фамилию... и иже с ними. В конце концов ее осенило: «А чем мы хуже?» И вот Холдорны — скорее, одна Арония, Джозеф не отличался особым умом — надумали основать секту, культ,

---

[1] Примечания: 1

Религиозные лидеры, основатели сект и движений: сестра Эйми Макферсон Семпл (1890 — 1944), — проповедница, миссионер, врачеватель. Организовала секту в Лос-Анджелесе, Бухман Фрэнк (1878 — 1961) — основатель известного движения «Моральное перевооружение».

[2] Примечания: 2

Джеди — легендарный иллюзионист Древнего Египта.

как бы возрождавший старую кельтскую церковь времен короля Артура... или что-то в этом духе.

— Из Артура Мэкина?[3] — сказал Фицстивен. — Продолжайте.

— Лавочку свою они открыли в Калифорнии, поскольку все так делают, а Сан-Франциско выбрали из-за того, что здесь меньше конкурентов, чем в Лос-Анджелесе. С собой они прихватили замухрышку по имени Том Финк, который в разное время заведовал технической частью почти у всех известных фокусников и чародеев, и его жену, смахивающую на тяжеловоза.

Толпы обращенных были Холдорнам ни к чему — пусть клиентов будет поменьше, зато богатые. Но, пока им не удалось подцепить на крючок миссис Родман, дело шло туго. Заглотнув приманку, миссис Родман отдала в их распоряжение один из своих доходных домов и даже оплатила счет за его реконструкцию. Руководил реконструкцией специалист по сценическим эффектам Том Финк, и очень постарался. Он знал, как переделать ненужные теперь кухни в потайные комнаты и закутки, как приспособить для фокусов электропроводку, газовые и водопроводные трубы.

---

[3] Примечания: 3

Мэкин Артур (1863 — 1947) — английский писатель, автор повествований о сверхъестественном, ужасном, мистическом.

Технические подробности сейчас не объяснишь — чтобы расковырять дом, нужно время. Но они наверняка окажутся интересными. С одним изобретением я познакомился лично — с привидением, что Финк сотворил из мастерски освещенной струи пара. Обернутую войлоком трубу просовывали в комнату через плинтус под кроватью; нижнюю, неподсвеченную часть струи в темноте было не разглядеть, и получалось нечто похожее на человека, который дергался, извивался, менял очертания, а на ощупь казался каким-то волглым, без плотной субстанции. Можете мне поверить, впечатление призрак производил потрясающее, тем более что перед его появлением вы уже успевали нанюхаться особого газа. В комнату они накачивали то ли эфир, то ли хлороформ, но перебивали специфический запах каким-то цветочным ароматом.

Я честно сразился с призраком и даже решил, что пустил ему кровь, хотя на самом деле просто не заметил как, вышибая окно, поранил руку. Нет, он был хорош: несколько минут в его обществе показались мне вечностью.

Джозеф сорвался только в самом конце, а до тех пор обходилось без грубой работы. Службу — публичную сторону культа — они отправля-

ли с достоинством, четко, сдержанно. Фокусы и трюки начинались только в спальнях гостей, при закрытых дверях. Сначала туда напускали ароматизированного газу. Затем перед жертвой появлялось привидение из подсвеченного пара, а из той же трубы — а может быть, из другой — раздавался голос, отдающий приказы или что-то сообщавший. Газ ослаблял у жертвы зрение и волю, усыплял подозрительность, и добиться послушания было несложно. Ловкая работа. Думаю, таким манером они неплохо стригли свою паству.

Встречаясь в комнате один на один с жертвой, призрак получал большую власть, которую Холдорны еще особым образом укрепляли. Разговоры на эту тему вроде бы никто не запрещал, но на самом деле они осуждались. Отношения с призраком расценивались как личное дело жертвы и ее Бога, дело сокровенное, требующее тайны. Упоминать о встречах, даже в беседе с Джозефом — если, само собой, не было веской причины, — считалось дурным тоном. Понимаете, как удобно? Холдорны, казалось, и не думают извлекать никакой выгоды, они знать не знают, что происходит во время этих встреч, их не касается, выполнила ли жертва приказ или нет.

Жертва и Бог, мол, сами между собой разберутся.

— Лихо, — сказал Фицстивен, радостно улыбаясь. — Полная противоположность обычным культам и сектам, где всегда есть исповедь, публичное покаяние или какая-то иная форма разглашения таинства. Продолжайте.

Я было принялся за еду, но он сказал:

— А что с обращенными, с клиентами? Как они относятся к культу сейчас? Вы же наверняка с ними беседовали.

— Да, — ответил я. — Только, что возьмешь с этих людей? Половина все еще предана Аронии Холдорн. Я, к примеру, показал миссис Родман трубу, из которой появлялись призраки. Она разок ахнула, два раза сглотнула и... предложила отвести нас в церковь, где все символы и изображения, включая того, кто висит на кресте, сделаны из куда более плотного и прозаического материала, чем пар. Потом она спросила, не собираемся ли мы арестовать епископа за то, что в дароносице у него нет настоящей плоти и крови, — Господней там или какой другой. Я боялся, что О'Гар, добрый католик, даст ей по голове дубинкой.

— А Коулманов там не было? Ралфа Коулмана и его жены?

— Нет.

— Жаль, — сказал он, ухмыляясь. — Надо бы заглянуть к Ралфу и поговорить с ним. Сейчас-то он, конечно, где-нибудь прячется, но поискать его стоит. У Ралфа всегда находятся непрошибаемо логичные и убедительные оправдания для самых идиотских поступков. Он — специалист по рекламе.

Увидев, что я ем, Фицстивен нетерпеливо нахмурился:

— Говорите, мой милый, говорите.

— Вы ведь встречались с Джозефом Холдорном? — спросил я. — Что вы о нем думаете?

— Видел, кажется, дважды. Личность, несомненно, эффектная.

— Да. При нем было все. Разговаривали с ним?

— Нет. «Рад вас видеть», «Как поживаете?» — и только.

— Он смотрел на тебя, произносил обычные слова, а в душе что-то переворачивалось. Кажется, я не из тех, кого легко поразить, но ему это удалось. Черт, под конец я почти поверил, что он Бог! Ему ведь было чуть за тридцать, совсем молодой, а волосы и бороду он просто обесцветил — с сединой лучше получалась роль отца Джозефа. Арония говорит, что перед выходом на

публику она его гипнотизировала, иначе он не производил нужного впечатления. Позже он научился гипнотизировать себя сам, без ее помощи, и последнее время просто не выходил из транса.

Пока Габриэла Леггет не перебралась в Храм, Арония не догадывалась об увлечении мужа. Для него, она считала, как и для нее самой, девушка — лишь очередная клиентка, причем очень перспективная из-за недавних бедствий. Но Джозеф влюбился, ему была нужна сама Габриэла. Я не знаю, много ли он успел и как обрабатывал ее с помощью всех этих трюков, но, думаю, пытался играть на страхе перед проклятием Дейнов. Доктор Риз в конце концов обнаружил неладное. Вчера он обещал заглянуть в Храм ближе к вечеру. И действительно пришел, но девушку не увидел, а я не увидел его — живого.

Перед тем как подняться к ней в комнату, он решил заглянуть к Джозефу и случайно услышал, как тот давал указания чете Финков. Добром это не кончилось. По глупости Риз сообщил Джозефу, что подслушал разговор. Джозеф посадил его под замок.

На Минни Холдорны поставили с самого начала. Она — цветная, значит, ей легче внушить всякую чертовщину, к тому же предана Габриэле

Леггет. В итоге ей так заморочили голову призраками и голосами, что она не знала, на каком она свете. С ее помощью они и решили избавиться от Риза. Доктора усыпили и перенесли на алтарь. Минни внушили, что Риз сатана и хочет утащить ее хозяйку в ад, не дать ей сделаться святой. Бедная мулатка приняла все за чистую монету. Когда призрак объявил, что она избрана спасти хозяйку, а освященный кинжал лежит на столе, она до конца выполнила указания. Встала с постели, взяла кинжал, спустилась к алтарю и убила Риза.

Чтобы я не проснулся и не помешал ей, Холдорн с Финком напустили газ и в мою комнату. Но мне в ту ночь было тревожно, спал я в кресле посередине комнаты, а не на кровати рядом с трубой, поэтому пришел в себя задолго до утра.

К тому времени Арония уже сделала кое-какие открытия: первое — девушка интересует Джозефа совсем не с финансовой точки зрения, второе — муж взбесился, стал опасным маньяком. У него, по ее словам, и прежде было не особенно много мозгов, а теперь, из-за постоянного гипноза, ум совсем зашел за разум. Он так удачно надувал свою паству, что успехи вскружили голову. Все ему по силам, он решил, все сойдет с рук. Он меч-

тал убедить в своей божественности весь мир, как убедил горстку поклонников — разницы он не понимал. Джозеф и впрямь считал себя Богом, говорит Арония. Не думаю. По-моему, он знал, что никакой он не Бог, зато верил, что одурачить сможет кого угодно. Однако эти тонкости не меняют дела, важно одно — он сошел с ума и не видел пределов своему могуществу.

Миссис Холдорн утверждает, что узнала про убийство Риза не сразу. А пока что Джозеф через призрака вызвал Габриэлу к алтарю, где лежало тело доктора. Ему, видно, на самом деле не терпелось подчинить девушку, играя на ее страхе перед проклятием. Он задумал прийти к алтарю и устроить для нее какое-то представление. Но мы с Коллинсоном помешали. И Джозеф, и Габриэла услышали наши голоса у входных дверей; он затаился, а она пошла нам навстречу. Для Джозефа тем не менее все складывалось удачно: девушка действительно считала, что Риз погиб из-за проклятия Дейнов. Она призналась нам в убийстве и сказала, что заслуживает виселицы.

Как только я увидел труп, я понял, что это не ее работа. Очень уж аккуратно он лежал. Перед смертью Риза кто-то явно усыпил. К тому же дверь к алтарю была открыта, а про ключи Габ-

риэла ничего не знала. Конечно, ее соучастие в убийстве нельзя было исключить, но убить его в одиночку она никак не могла.

Дом был специально оборудован для подслушивания, и Холдорны, муж и жена, оба слышали ее признание. Арония тут же начинает фабриковать улики. Она поднимается в комнату Габриэлы за халатом, берет с алтаря окровавленный кинжал, который я положил рядом с телом, заворачивает его в халат и сует сверток в угол, где полиции будет легко на него наткнуться. У Джозефа совсем другие планы. В отличие от жены, он против того, чтобы девушку сажали в тюрьму или в сумасшедший дом. Она ему нужна. Чувство вины и раскаяния должны отдать Габриэлу в его руки, а не в руки полиции. Тогда он прячет тело доктора в потайной комнате и посылает Финков прибраться у алтаря. Он уже слышал, как Коллинсон убеждал меня замять дело, и знает, что может рассчитывать на его молчание, но сейчас ему мешаю я — второй нормальный свидетель.

Запутался, убил — и выпутываться, скорей всего, придется тем же способом. Против помех у этого маньяка есть теперь простое средство — убийство. И вот с четой Финков — хотя их участие мы вряд ли сможем доказать — они снова берутся

за Минни. Она послушно убила Риза, очередь — за мной. Правда, массовой резни никто из них не предвидел и не особенно к ней подготовлен. Кроме моего пистолета и пистолета служанки — а про него они даже не знают, — в доме нет огнестрельного оружия, да и кинжал всего один: в общем, хоть беги за кухонными ножами или слесарным инструментом. А ведь надо подумать еще о гостях — миссис Родман вряд ли будет в восторге, если ее ночью разбудит драка духовных наставников с хамом-сыщиком. Нет, удобнее всего сделать так, чтобы Минни потихоньку воткнула в меня кинжал.

Спрятанный Аронией халат с кинжалом они, кстати, уже нашли, и Джозеф сразу заподозрил жену в двойной игре. А когда он узнал, сколько цветочного газа напустила она в комнату Минни — и дюжина призраков не смогла бы разбудить мулатку, — то окончательно уверился в ее предательстве и решил убить: терять все равно нечего.

— Жену? — спросил Фицстивен.

— Да. А какая разница? На ее месте мог оказаться любой другой — во всей этой истории нет ни капли логики. И не ищите. Вы же прекрасно понимаете — ничего подобного быть не могло.

— А что же тогда было? — спросил он озабоченно.

— Не знаю. И никто не знает. Я рассказываю вам, что видел сам, и добавляю те факты из рассказа Аронии, которые не противоречат моим наблюдениям. Если взять их за основу, дело примерно так и происходило. Хотите верить — на здоровье. Лично я не верю. У меня такое ощущение, что я видел то, чего вообще не было.

— Ради Бога! — взмолился он. — Оставьте ваши «но» и «если» на потом. Доведите рассказ до конца, а уж дальше искажайте его, сколько душе угодно, — улучшайте, затуманивайте, путайте хоть до умопомрачения. Но сперва закончите — должен же я хоть раз услышать неисправленную версию.

— Вы действительно мне верите? — спросил я. Улыбаясь, он кивнул и заявил, что не только верит, но и получает удовольствие.

— Дитя малое, — сказал я. — Давайте-ка лучше расскажу вам про девочку и волка, который пришел в дом к ее бабушке и...

— До сих пор люблю эту историю, но сперва закончите свой рассказ. Джозеф решил убить жену...

— Хорошо. Осталось немного. Когда они уже

взялись за Минни, я поднялся к ней в комнату — надо было кого-то послать за помощью. Пытаясь ее разбудить, я надышался газа, и помощь потребовалась мне самому. Что касается призрака, то его на меня напустили сами Финки, Джозефа с ними скорее всего уже не было — он в это время вел жену вниз. Зачем ему понадобилось связывать ее перед убийством у алтаря — трудно сказать: скорей всего, совсем спятил, действительно вообразил, что все сойдет ему с рук. А может, этот спектакль каким-то образом работал на его планы. Или бывшего актера одолела страсть к кровавой трагедии. Как бы там ни было, пока я возился с призраком, Джозеф, видимо, отправился с женой к алтарю.

Призрак заставил меня попотеть, а когда я отделался от него и вывалился в коридор, насели Финки. Это были они, точно знаю, хотя рассмотреть в темноте я ничего не мог. Кое-как отбившись, я добыл пистолет и спустился на этаж ниже. Габриэлы и ее жениха там уже не было. Коллинсона я вскоре отыскал: девушка выманила его на улицу и захлопнула перед носом дверь. В это время сын Холдорнов, мальчик лет тринадцати, прибежал сообщить, что папа вот-вот зарежет маму и что Габриэла находится с ними у алтаря. Холдорна

я еле убил. Семь раз выстрелил. Конечно, пуля калибра 8,13 входит чисто, но я ведь всадил в него семь штук — стрелял в голову и грудь, с близкого расстояния, почти в упор, а он и ухом не повел. Вот до чего себя загипнотизировал! Свалить его удалось лишь ударом кинжала в горло.

Я замолчал.

— Ну и?.. — спросил Фицстивен.

— Что «ну и...»?

— Что было дальше?

— Ничего. Вот и весь рассказ. Я предупреждал, что в нем нет никакого смысла.

— А что делала Габриэла?

— Сидела у алтаря и любовалась подсветкой.

— Но почему она там сидела? Что ее туда привело? Пришла по своей воле или заставили? Как она там оказалась? Зачем?

— Не знаю. И она не знает. Я у нее спрашивал. Она вообще не помнит, что делала.

— Но от других-то вы что-нибудь узнали?

— Я и рассказываю, что узнал — в основном от Аронии Холдорн. Она с мужем основала секту, потом он сошел с ума и принялся убивать — ну и что она могла поделать? Финк говорить не будет. Он простой механик, работал у Холдорнов, соорудил всякие приспособления, устраивал

фокусы, но что случилось прошлой ночью — об этом он не имеет никакого представления. Да, ночью шумели, но совать нос в чужие дела не в его правилах, а про убийство он впервые услышал, когда приехали полицейские и стали его допрашивать. Слуги вряд ли о чем-то знали, хотя наверняка догадывались. Мануэль, сынишка Холдорнов, сейчас до того напуган, что слова вымолвить не может, но от него мы тоже ничего не добьемся. Такая вот картина: Джозеф свихнулся и совершил убийство, а все остальные чисты перед законом, поскольку если и помогали ему, то непреднамеренно. Им грозит лишь небольшой срок за участие в храмовом мошенничестве. А признайся хоть один, что о чем-нибудь знал, и он сразу станет соучастником убийства. Естественно, никто на это не пойдет.

— Понятно, — медленно произнес Фицстивен. — Джозеф мертв, значит, виноват один Джозеф. Ну и что вы будете делать?

— Ничего, — ответил я. — Пусть попробует разобраться полиция. Мадисон Эндрюс объявил мне, что моя работа окончена.

— Но если вы недовольны результатами, если не выяснили полную правду, вам, казалось бы...

— Уже не мне. Я бы кое-что еще сделал, но

Эндрюс нанял меня охранять Габриэлу в Храме. Теперь ее увезли, и выяснять, он считает, больше нечего. Если же девушке снова понадобится охрана, то голова пусть болит у мужа.

— У кого?

— У мужа.

Фицстивен стукнул кружкой по столу, так что выплеснулось пиво.

— Вот те на, — сказал он сердито. — Чего же было молчать? Бог знает, сколько всего вы мне не рассказали.

— Воспользовавшись суматохой, Коллинсон увез ее в Рино, где им не придется ждать разрешения на брак три дня, как в Калифорнии. Я и сам не знал — мне сказал Эндрюс часа через три-четыре после их отъезда. Он был несколько грубоват, что и послужило одной из причин нашего разрыва.

— А разве он против ее брака с Коллинсоном?

— Насколько я знаю — нет, но он считает, что надо это делать не сейчас и не таким манером.

— Я его понимаю, — сказал Фицстивен, когда мы встали из-за стола. — Эндрюс любит, чтобы все было так, как хочет он.

Часть третья
Кесада

13. Тропинка на скале

Эрик Коллинсон телеграфировал мне из Кесады:

> НЕМЕДЛЕННО ПРИЕЗЖАЙТЕ ТЧК ОЧЕНЬ НУЖНЫ ТЧК БЕДА ОПАСНОСТЬ ТЧК ЖДИТЕ МЕНЯ ГОСТИНИЦЕ САНСЕТ ТЧК ОТВЕЧАТЬ НЕ НАДО ТЧК ГАБРИЭЛА НЕ ДОЛЖНА ЗНАТЬ ТЧК ПОСПЕШИТЕ ЭРИК КАРТЕР

Утром меня в Сан-Франциско не было. Я был в Мартинесе, торговался с бывшей женой Фила Лича, известного также под многими другими именами. Он заваливал Северо-Запад самодельной валютой, и мы разыскивали его с большим усердием. У его бывшей жены, телефонистки, милой, маленькой блондиночки, была сравнительно свежая фотография Фила, и она желала ее продать.

— Он меня так не уважал, что даже липовый чек на тряпки боялся выписать, — пожаловалась она. — Самой приходилось зарабатывать. Так почему мне теперь на нем не заработать, когда

какая-нибудь шлюха купается в деньгах? Сколько вы за нее дадите?

Она, конечно, преувеличивала ценность этой фотографии, но в конце концов я с ней сторговался. Однако в город я вернулся уже в седьмом часу и на вечерний поезд не успел. Я собрал чемодан, вывел из гаража машину и поехал.

Кесада был городок с одной гостиницей, прилепившийся к скалистому склону молодой горы, которая спускалась к Тихому океану километрах в ста двадцати от Сан-Франциско. Берег под Кесадой, крутой, неудобный, усыпанный острыми камнями, для пляжа не годился, так что денег от курортников оседало мало. Какое-то время через его порт обильно тек в страну контрабандный ром, но эта деятельность замерла: бутлегеры смекнули, что с большей прибылью и меньшей морокой можно торговать отечественным пойлом. Кесада опять погрузилась в спячку.

Я прибыл туда в двенадцатом часу ночи, поставил машину в гараж и перешел на другую сторону улицы — в гостиницу «Сансет». Она представляла собой низкое, раздавшееся вширь желтое здание. В вестибюле сидел только ночной портье, маленький женоподобный человек на седьмом десятке, очень старавшийся показать

мне, что ногти у него розовые и блестящие.

Когда я зарегистрировался, он дал мне конверт, надписанный рукой Эрика Коллинсона. Я разорвал его и прочел:

«Не уходите из гостиницы, пока не повидаетесь со мной. Э. К.».

— Давно это у вас? — спросил я.

— С восьми часов примерно. Мистер Картер ждал вас больше часа, пока не пришел последний автобус со станции.

— Он не у вас остановился?

— Нет, ну что вы. Они с молодой женой сняли дом Тукера над бухтой.

Коллинсон был не тот человек, к чьим инструкциям я стал бы прислушиваться. Я спросил:

— Как туда попасть?

— Ночью вы их ни за что не найдете, — уверил меня портье, — разве только кружной дорогой, через восточное шоссе, да и то если знаете местность.

— Да? А днем как туда попасть?

— Доходите по этой улице до конца, там развилка, и вы идете вправо, в сторону океана, вдоль обрыва. Это даже не дорога, а скорее тропа. До дома примерно пять километров, он на холми-

ке, коричневый, обшит тесом. Днем его найти несложно, только надо все время держать вправо, к океану. А ночью вы ни за что, ни за что на свете не доберетесь...

— Спасибо, — сказал я, чтобы не слушать все это второй раз.

Он отвел меня в номер, пообещал разбудить в пять, и в двенадцать я уже спал.

Когда я вылез из постели, чтобы сказать в телефон: «Хорошо, спасибо», за окном занималось утро, тусклое, мглистое, холодное и противное. Пока я оделся и спустился на первый этаж, лучше оно не стало. Портье сказал, что раздобыть еду в Кесаде до семи утра нет никакой возможности.

Из гостиницы я дошел по улице до того места, где она превратилась в грунтовую дорогу, затем — до развилки и взял вправо, к океану. Эта дорога и сначала-то не была дорогой, а потом совсем превратилась в тропу, тянувшуюся по каменному выступу и все сильнее прижимавшуюся к берегу. Обрыв под ней становился все круче и круче, покуда она вообще не приняла вид неровной ступени на скале — местами в три-четыре метра шириной, а местами сужавшейся до полутора. Скала над тропой поднималась метров на двадцать с лишним, внизу — тридцатиметровой

кручей обрывалась в океан. Ветер откуда-то со стороны Китая гнал туман над вершиной скалы и с шумом пенил воду у ее подножья.

Огибая угол, где скала была круче всего — и, по сути, превратилась в стометровую отвесную стену, — я остановился, чтобы рассмотреть маленькую неровную ямку на краю тропы. Ямка сантиметров в пятнадцать диаметром, с одной стороны от нее — маленькая, полукольцом, насыпь из свежей рыхлой земли, с другой стороны земля разбросана. Ямка как ямка — но даже такому закоренелому горожанину, как я, стало ясно: здесь недавно вырвали маленький куст.

Самого кустика видно не было. Я бросил сигарету, стал на четвереньки и заглянул с полки вниз. Кустик находился метрах в семи подо мной, он повис на макушке чахлого дерева, росшего почти параллельно обрыву, в корнях застряла свежая коричневая земля. Следующий предмет, который остановил мои глаза, тоже был коричневый — мягкая шляпа, лежавшая тульей вниз между двумя острыми серыми камнями, на полпути к воде. Я перевел взгляд на воду и увидел ноги.

Мужские ноги в черных туфлях и темных брюках. Ступни лежали на большом обкатанном камне в пятнадцати сантиметрах одна от другой,

и обе были повернуты влево. Ноги наклонно торчали из воды, которая чуть-чуть не доставала до колен. Вот и все, что я мог разглядеть с тропинки.

Я спустился со скалы, но не в этом месте. Тут было крутовато для немолодого грузного человека. Я вернулся метров на двести назад, туда, где тропа проходила через кривую расщелину, наискось пересекавшую всю скалу снизу доверху. Я вернулся к расщелине и спустился по ней, спотыкаясь, оскальзываясь, потея и ругаясь, но добрался до подножья целый и невредимый, если не считать ободранных пальцев, испачканного костюма и погубленных туфель.

Каменный берег у подножья скалы был плохо приспособлен для прогулок, но я сумел пройти по нему, лишь дважды спустившись в воду, да и то по колено. Однако в том месте, где лежали ноги, мне пришлось зайти в Тихий океан по пояс, чтобы вытащить тело: оно лежало навзничь на покатой, сточенной стороне громадного камня, почти целиком находившегося в воде, и было покрыто вспененной водой до середины бедер. Я нащупал ногами удобную опору, взял его подмышки и вытащил.

Это был Эрик Коллинсон. Из разбитой спины

сквозь одежду и кожу торчали кости. Затылок был проломлен. Я вытащил его из воды на сухие камни. В мокрых карманах оказались пятьдесят четыре доллара восемьдесят два цента, часы, нож, золотые ручка и карандаш, бумаги, несколько писем и записная книжка. Я расправил бумаги, письма и записную книжку; прочел; выяснил только одно: все, что в них написано, не имеет никакого отношения к его смерти. Ни на нем, ни рядом с ним я не нашел ни одной вещи, которая рассказала бы мне о его смерти больше того, что рассказал вырванный куст, застрявшая между камнями шляпа и положение его тела.

Я оставил его, вернулся к расщелине, пыхтя вскарабкался на тропу и снова подошел к тому месту, где был вырван куст. Никаких следов, отпечатков ног и тому подобного. Тропинка была твердая, каменная. Я отправился по ней дальше. Вскоре скала стала отходить от океана, а тропинка — спускаться по ее склону. Метров через восемьсот скала кончилась и превратилась в заросший кустами гребень, вдоль которого тянулась тропа. Солнце еще не взошло. Брюки неприятно липли к застывшим ногам. Вода хлюпала в порванных туфлях. Я еще ничего не ел. Сигареты у меня размокли. Левое колено болело

— я вывернул ногу, когда спускался по расщелине. Проклиная сыскное дело, я поплелся дальше.

Тропинка ненадолго увела меня от моря, когда пересекала основание небольшого лесистого мыса, потом спустилась в лощину, потом пошла вверх по склону невысокого холма: наконец я увидел дом, который описывал портье. Дом был довольно большой, двухэтажный, коричневый, с тесовой кровлей и стенами; он стоял на бугре, близко к тому месту, где океан выгрыз из берега полуторакилометровый треугольный кусок. Фасад был обращен к морю. Я подходил к дому сзади. Людей я не видел. Окна первого этажа были заперты и закрыты занавесками. На втором этаже открыты. В стороне от дома стояли службы.

Я зашел с фасада. На затянутой сеткой террасе стояли плетеные стулья и стол. Сетчатая дверь была заперта изнутри на крючок. Я громко постучал. Я стучал минут пять с перерывами, но никто не появился. Тогда я обогнул дом и постучал в кухонную дверь. Под моим кулаком дверь приоткрылась. В кухне было темно и тихо. Я открыл дверь шире и еще раз постучал. Тишина. Я крикнул:

— Миссис Коллинсон!

Никто не отозвался. Я прошел через кухню в

еще более темную столовую, отыскал лестницу, поднялся и стал заглядывать в комнаты.

В доме не было никого.

В одной из спален на полу лежал автоматический пистолет калибра 9,65. Рядом валялась стреляная гильза, под стулом у стены — еще одна, пахло пороховым дымом. В углу, в потолке — отверстие, какое могла бы оставить пуля, выпущенная из такого пистолета, внизу — несколько крошек штукатурки. Кровать была аккуратно застелена. По одежде в стенном шкафу, по вещам на столе и на бюро я понял, что это была спальня Эрика Коллинсона.

По тем же приметам нетрудно было понять, что соседней спальней пользовалась Габриэла. На ее кровати никто не спал, а если спали, то привели после этого в порядок. В стенном шкафу на полу валялось черное бархатное платье, некогда белый платок и пара черных замшевых туфель, мокрых и грязных, — платок тоже был мокрый, но от крови. В ванной комнате — прямо в ванне — лежали два полотенца, большое и поменьше, оба грязные, окровавленные и еще влажные. На туалетном столике — квадратик грубой белой бумаги, со сгибами. В одном сгибе застрял белый порошок. Я лизнул его кончиком

языка — морфий.

Я вернулся в Кесаду, переобулся в сухие носки и туфли, позавтракал, купил сигарет и спросил портье — на этот раз франтоватого паренька, — кто тут отвечает за охрану порядка.

— Начальник полицейского участка Дик Коттон, — сказал мне парень, — но вчера вечером он уехал в Сан-Франциско. Помощник шерифа Бен Рилл. Вы, наверное, найдете его в конторе у отца.

— Где это?

— Рядом с гаражом.

Контора оказалась одноэтажным кирпичным зданием с витринами в надписях: Дж. Кинг Ролли, Недвижимость, Ссуды, Закладные, Акции и Облигации, Страховые, Векселя, Бюро по найму, Нотариальные акты, Перевозка и Хранение, — и много еще чего, я не запомнил.

Внутри за обшарпанной стойкой, положив ноги на обшарпанный стол, сидели двое. Один — лет пятидесяти с лишним, с выцветшими, неопределенных бежевых оттенков волосами, глазами и кожей — дружелюбный, вялый, в поношенной одежде. Другой на двадцать лет моложе, но через двадцать лет обещал стать копией первого.

— Мне нужен помощник шерифа.

— Я, — отозвался младший, сбросив ноги на

пол. Он не встал. Вместо этого он вытянул ногу, зацепил ею стул, отодвинул от стены и вновь поместил ноги на стол. — Садитесь. Это папа, — повертел он большим пальцем в направлении старшего. — Можно говорить при нем.

— Эрика Картера знаете? — спросил я.

— Молодожен, что у Тукера? Я не знал, что его зовут Эриком.

— Эрик Картер, — подтвердил старший Ролли, — я ему составлял договор о найме.

— Он погиб. Ночью или сегодня утром упал с дороги на скале. Не исключено, что несчастный случай.

Отец удивленно посмотрел на сына бежевыми глазами. Сын посмотрел на меня бежевыми глазами вопросительно и произнес:

— Тц, тц, тц.

Я протянул ему свою карточку. Он внимательно прочел ее, перевернул, дабы убедиться, что на обороте ничего нет, и передал отцу.

— Пойдем посмотрим на него? — предложил я.

— Да надо, наверное, — согласился помощник шерифа и встал. Он оказался выше, чем я думал, — ростом с покойного Коллинсона — и, несмотря на расслабленность, отменно мускулистым. Я последовал за ним к пыльному автомобилю, сто-

явшему перед конторой. Ролли-старший с нами не пошел.

— Вам кто-то сказал про это? — спросил помощник шерифа, когда мы уже ехали.

— Я на него наткнулся. Знаете, кто такой Картер?

— Кто-то особенный?

— Вы слышали об убийстве Риза в сан-францисском храме?

— Ага, читал в газетах.

— Миссис Картер — это Габриэла Леггет, замешанная в деле, а Картер — Эрик Коллинсон.

— Тц, тц, тц.

— А ее отец и мачеха были убиты за несколько недель до этого.

— Тц, тц, тц, — отозвался он. — Что там у них вышло?

— Родовое проклятие.

— Ну? Правда?

Я не понял, серьезно ли задан этот вопрос, хотя вид у него был вполне серьезный. Я в нем еще не разобрался. Шут он или не шут, но он помощник шерифа по Кесаде, и это его бенефис. Ему положено знать факты. И пока мы тряслись на ухабистой дороге, я изложил ему все, что знал, от 1913 года в Париже до моей последней находки на скале.

— Когда они вернулись после женитьбы из Рино, Коллинсон ко мне зашел. Им нельзя далеко отлучаться, пока идет процесс над шайкой Холдорнов, а он хотел подыскать для жены тихое место: Габриэла еще не в себе. Вы знаете Оуэна Фицстивена?

— Писателя, что жил здесь в прошлом году? Ага.

— Ну вот, он и предложил это место.

— Знаю. Мне старик говорил. А зачем они поселились под чужой фамилией?

— Чтобы спрятаться от газетчиков и, может быть, — от чего-то вроде сегодняшнего.

Он глубокомысленно нахмурился и спросил:

— Значит, по-вашему, они чего-то похожего ждали?

— Ну, задним числом, конечно, легче всего сказать: «А я вам что говорил?» И все же считаю, в обеих историях, касавшихся этой женщины, мы ответов не нашли. А если нет ответа, кто знает, чего ждать дальше? Мне не очень понравилось, что они решили уединиться, когда над ней еще что-то висит, — если вправду висит, но Коллинсон настаивал. Я взял с него обещание, что он протелеграфирует мне, если заметит что-то странное. Вот он и протелеграфировал.

Ролли кивнул раза три или четыре, потом спросил:

— Почему вы думаете, что он не сам упал со скалы?

— Он меня вызвал. Что-то было неладно. Кроме того, слишком много накрутилось вокруг его жены — не верится, что тут одни случайности.

— Там ведь проклятие, — сказал он.

— Это конечно, — согласился я, вглядываясь в его невыразительное лицо. Ролли по-прежнему был для меня загадкой. — Но беда в том, что уж больно аккуратно оно сбывается. Первый раз с таким проклятием сталкиваюсь.

Минуты две он хмурился, взвешивая мое суждение, а потом остановил машину.

— Здесь нам придется вылезти: дальше дорога не такая хорошая. Хорошей, впрочем, она и раньше не была. А все ж таки слышишь иногда, что они сбываются. Такое иной раз бывает, что поневоле думаешь: нет, есть на свете... в жизни... всякое, не совсем понятное. — И когда мы уже зашагали, он нахмурился и подыскал подходящее слово. — Непостижимое, что ли.

Я не стал возражать.

По тропинке он шел первым и сам остановился у того места, где был вырван куст, — об этой

подробности я ему не говорил. Я молчал, пока он смотрел сверху на тело Коллинсона, обшаривал взглядом каменную стену, а потом ходил взад и вперед по тропинке, нагнувшись и сверля землю своими рыжеватыми глазами.

Он бродил так минут десять, если не больше, потом выпрямился и сказал:

— Тут ничего не найти. Давайте спустимся.

Я пошел было назад к расщелине, но он сказал, что есть дорога полегче, впереди. Он оказался прав. Мы спустились к Эрику.

Ролли перевел взгляд с трупа на край тропы высоко над нашими головами и пожаловался:

— Прямо не пойму, как он мог сюда упасть.

— Он не сюда упал. Я его вытащил из воды, — ответил я и показал место, где лежало тело.

— Это уже больше похоже, — решил он.

Я сел на камень и закурил, а он бродил вокруг и разглядывал, трогал камни, ворошил гальку и песок.

Но ничего, по-моему, не нашел.

14. Разбитый «крайслер»

Мы снова вскарабкались на тропинку и пошли в дом Коллинсона. Я показал Ролли испачканные полотенца, платок, платье и туфли; бумажку с остатками морфия: пистолет на полу, дырку в потолке, стреляные гильзы.

— Вот эта гильза под стулом лежит на старом месте, — сказал я, — а та, что в углу, лежала в прошлый раз рядом с пистолетом.

— Значит, после вас ее передвинули?

— Да.

— Кому это могло понадобиться? — возразил он.

— Понятия не имею, но ее передвинули.

Ролли потерял к ней интерес. Он смотрел на потолок:

— Два выстрела, а дырка одна. Непонятно. Может быть, другая пуля ушла в окно.

Он вернулся в спальню Габриэлы Коллинсон и стал осматривать черное бархатное платье. Подол был кое-где порван, но пулевых отверстий он не обнаружил. Он положил платье и взял с туалетного столика бумажку с остатками морфия.

— А это, по-вашему, откуда взялось? — спро-

сил он.

— Она его принимает. Этому ее тоже научила мачеха, помимо прочего.

— Тц, тц, тц. Похоже, что она могла убить.

— Ну да?

— Похоже, знаете. Она ведь наркоманка? Они поссорились, он вас вызвал... — Ролли умолк, поджал губы, потом спросил: — По-вашему, когда его убили?

— Не знаю, может быть, вечером, когда он шел домой, не дождавшись меня.

— Вы всю ночь были в гостинице?

— От одиннадцати с чем-то до пяти утра. Конечно, за это время я мог потихоньку выбраться и прихлопнуть человека.

— Да нет, я не к тому, — сказал он. — А какая она из себя, эта миссис Коллинсон-Картер? Я ее не видел.

— Лет двадцати; метр шестьдесят три — метр шестьдесят пять; на вид худее, чем на самом деле; каштановые волосы, короткие и вьющиеся; большие глаза, иногда карие, иногда зеленые; белокожая; лба почти нет; маленький рот и мелкие зубы; острый подбородок; уши без мочек и кверху заостряются; месяца два болела — и выглядит соответственно.

— Такую найти будет нетрудно, — сказал он и начал рыться в ящиках, сундуках, стенных шкафах. Я сам порылся в них, когда был здесь первый раз, и тоже не нашел ничего интересного.

— Непохоже, что она собирала вещи в дорогу или много взяла с собой, — заключил он, вернувшись в спальню, где я сидел перед туалетным столиком. Толстым пальцем он показал на серебряный туалетный прибор с монограммой. — Что значит Г. Д. Л.?

— До замужества ее звали Габриэла. Что-то там Леггет.

— Ну да. Она, наверное, на машине уехала? А?

— У них здесь была машина? — спросил я.

— В город он или пешком приходил, или приезжал в открытом «крайслере». Она могла уехать только по восточной дороге. Пойдем в ту сторону, выясним.

Я подождал на дворе, а он несколько раз обошел вокруг дома, но ничего интересного не увидел. Машину, судя по всему, держали перед сараем; он показал мне следы:

— Уехала сегодня утром.

Я поверил ему на слово. По грунтовой дороге мы дошли до гравийной, а еще через полтора километра увидели серый дом, окруженный

кирпичными службами. Человек с костлявыми плечами, щуплый и слегка прихрамывавший, смазывал за домом насос. Ролли назвал его Дебро.

— Да, Бен, — ответил он Ролли. — Она проехала здесь часов в семь утра, неслась как угорелая. Ехала одна.

— В чем она была? — спросил я.

— В бежевом пальто, но без шляпы.

Я спросил, что он знает о Картерах, — он был их ближайшим соседом. Дебро не знал о них ничего. Раза два он говорил с Картером, и тот показался ему вполне симпатичным парнем. Однажды они с супругой хотели навестить миссис Картер, но Картер сказал, что ей нездоровится и она легла. И сам Дебро, и его жена видели ее только издали, в машине или на прогулке.

— Вряд ли кто из здешних с ней встречался, — закончил он, — ну, конечно, кроме Мери Нуньес.

— Мери у них работает? — спросил помощник шерифа.

— Да. В чем дело, Бен? Там что-то случилось?

— Он ночью упал со скалы, а она уехала и никому ничего не сказала.

Дебро присвистнул.

Ролли пошел в дом, звонить шерифу. Я остался

на дворе с Дебро в надежде вытянуть из него что-нибудь еще — на худой конец, его мнение. Но ничего, кроме удивленных восклицаний, не добился.

— Сейчас пойдем поговорим с Мери, — сказал помощник шерифа, вернувшись во двор; а потом, когда мы ушли от Дебро, пересекли дорогу и через поле направились к купе деревьев:

— Странно, что ее там не было.

— Кто она?

— Мексиканка. Они все там в низине живут. Муж ее, Педро Нуньес, отбывает пожизненное в Фолсоме за убийство бутлегера Данна — это было при ограблении, два-три года назад.

— Здесь убил?

— Ага. В бухточке под домом Тукера.

Мы прошли под деревьями и спустились по склону туда, где вдоль ручья выстроились пять хибар, формой, размером и суриковыми крышами напоминавших товарные вагоны, — каждая со своим огородиком. Перед одной, на пустом ящике из-под консервированных супов, нянча смуглого младенца, сидела с кукурузной трубкой в зубах расплывшаяся мексиканка в розовом клетчатом платье. Между домами играли оборванные, грязные дети, драные грязные дворняги

помогали им шуметь. На одном огороде смуглый мужчина в некогда синем комбинезоне едва шевелил мотыгой.

Ручей мы перешли по камням; дети, перестав играть, наблюдали за нами. Навстречу нам с лаем бросились собаки и рычали, тявкали вокруг, пока кто-то из ребят их не прогнал. Мы остановились перед женщиной. Ролли улыбнулся младенцу и сказал:

— Ишь, здоровенный какой негодяй растет!

Женщина вынула трубку изо рта, чтобы пожаловаться:

— Животиком мается все время.

— Тц, тц, тц. Где Мери Нуньес?

Чубук показал на соседнюю хибарку.

— Я думал, она работает у этих, в доме Тукера, — сказал Ролл и.

— Иногда, — безразлично отозвалась женщина.

Мы подошли к дому. В дверях появилась старуха в сером халате и глядела на нас, размешивая что-то в желтой миске.

— Где Мери? — спросил помощник шерифа.

Обернувшись, она сказала что-то кому-то в доме и отошла в сторону, уступая место в дверях другой женщине. Эта другая оказалась невысо-

кой и плотной, лет тридцати или чуть больше, с умными черными глазами и широким плоским лицом. Она стягивала на груди темное одеяло, свисавшее до полу.

— Здравствуй, Мери, — приветствовал ее помощник шерифа. — Ты почему не у Картеров?

— Нездоровится, мистер Ролли. — Она говорила без акцента. — Знобит... дома сегодня сижу.

— Тц, тц, тц. Нехорошо. Врач тебя смотрел?

Она сказала, что нет. Ролли сказал, что надо показаться. Она сказала, что врач ей не нужен: ее часто знобит. Ролли сказал, что, может, оно и так, но тогда тем более надо показаться: лучше не рисковать и следить за своим здоровьем.

Да, сказала она, но врачи так дерут — мало того, что болеешь, еще им платить. Он сказал, что в конце концов без врача болезнь обойдется дороже, чем с врачом. Я уже стал думать, что это у них на весь день, но Ролли все-таки перевел разговор на Картеров и спросил у женщины, как она там работала.

Она сказала, что нанялась к ним две недели назад, когда они сняли дом. Ходила туда к девяти — раньше десяти они не вставали, — стряпала, убирала, а уходила вечером, вымыв посуду после обеда, — обыкновенно в половине восьмого. Из-

вестие о том, что Коллинсон (которого она знала как Картера) погиб, а его жена уехала, кажется, было для нее неожиданным. Она сказала, что вчера вечером Коллинсон отправился гулять один. Это было около половины седьмого, — пообедали вчера почему-то раньше. Сама она ушла домой в начале седьмого, а миссис Картер читала книгу на втором этаже.

Мери Нуньес не могла или не хотела сообщить ничего такого, что объяснило бы мне тревогу Коллинсона. Она твердила, что ничего о них не знает, только миссис Картер непохожа была на счастливую женщину, совсем непохожа. Она, Мери Нуньес, слава Богу, сама обо всем догадалась: миссис Картер любит кого-то другого, но родители выдали ее за Картера; этот другой, конечно, и убил Картера, а миссис Картер с ним сбежала. Иных оснований для этого вывода, кроме ее женской интуиции, у Мери не нашлось, поэтому я спросил о гостях Картеров.

Она сказала, что никаких гостей не видела.

Ролли спросил, ссорились ли Картеры. Она сказала было: «Нет», — но сразу спохватилась: ссорились часто и отношения у них были плохие. Миссис Картер не нравилось, когда муж был с ней рядом, и она несколько раз говорила — Мери

это слышала, — что если он не оставит ее, она его убьет. Я попытался выяснить подробности и спросил, что было поводом для этих угроз и как именно выражалась миссис Картер, но Мери ничего не могла ответить. Определенно она помнила только одно: миссис Картер угрожала убить мистера Картера, если он не уедет.

— Теперь, можно сказать, все прояснилось, — с удовлетворением заметил Ролли, когда мы перешли через ручей обратно и поднимались к дому Дебро.

— Для кого прояснилось и что прояснилось?

— Что жена его убила.

— Думаете, она?

— И вы так думаете.

Я сказал:

— Нет.

Ролли остановился и устремил на меня озабоченный взгляд.

— Почему нет? Разве она не наркоманка? Да к тому же с придурью, как вы сами рассказывали. Разве она не сбежала? И ее вещи, что там остались, грязные и в крови. Разве не грозилась убить его? Ведь он испугался, вызвал вас?

— Угроз Мери не слышала, — сказал я. — Это были предостережения — о проклятии. Габриэ-

ла Коллинсон серьезно в него верила, а к мужу относилась так хорошо, что даже спасти хотела. Все это я с ней уже обсуждал. Она бы за него и не вышла, — когда он увез ее, она была сама не своя и не понимала, что делает. А потом ей стало страшно.

— Но кто же поверит?..

— Верить никого не просят, — проворчал я, двинувшись дальше. — Я говорю вам то, в чем я уверен. И если на то пошло, я не верю, что Мери Нуньес сегодня не была у них в доме. Может быть, к смерти Коллинсона она не имеет отношения. Может быть, она просто пришла туда, увидела, что их обоих нет, увидела окровавленные тряпки и пистолет — и не заметила, как задела ногой гильзу. Потом удрала домой и выдумала болезнь, чтобы ее не тягали; она уже имела это удовольствие, когда судили ее мужа. Может быть, и не так. Но девять женщин из десяти в ее положении поступили бы именно так; а чтобы я поверил в ее внезапную болезнь, мне нужны доказательства.

— Ладно, пускай она ни при чем — ну и что из этого?

Все ответы, которые мне приходили в голову, были непристойными и оскорбительными. Я решил держать их при себе.

У Дебро мы одолжили открытый автомобиль, расшатанный гибрид не менее чем трех марок, и поехали по восточной дороге в надежде проследить путь женщины в «крайслере». Первую остановку сделали перед домом местного жителя по имени Клод Бейкер. Это был долговязый человек с худым землистым лицом, которого три или четыре дня не касалась бритва. Жена, наверное, была моложе, но выглядела старше — усталая, бесцветная, худая женщина, в прошлом, может быть, и миловидная. Из шестерых детей Бейкера старшая была кривоногая, веснушчатая девочка десяти лет, младший — толстый и горластый малыш, которому не исполнилось и года. В промежутке были и мальчики, и девочки, но все до одного сопливые. Семья Бейкеров встречала нас на крыльце в полном составе. Они сказали, что не видели ее: в семь у них еще никто не встает. Картеров они знали в лицо, но и только. Вопросов они нам задали больше, чем мы им.

Вскоре после дома Бейкеров гравийная дорога превратилась в асфальтовую. Судя по следам, «крайслер» проехал тут последним. Еще через три километра мы остановились перед маленьким ярко-зеленым домом, окруженным розовыми кустами. Ролли крикнул:

— Харв! Эй, Харв!

В дверях появился дюжий мужчина лет тридцати пяти, сказал: «Здорово, Бен», — и между кустами роз прошел к нашей машине. Голос у него был низкий, а лицо тяжелое, так же как речь и движения. Фамилия его была Уидден. Ролли спросил, не видел ли он «крайслер».

— Да, Бен, я их видел. Они проехали сегодня утром в четверть восьмого. И гнали.

— Они? — спросил я.

— Их? — одновременно спросил Ролли.

— Там сидел мужчина с женщиной... или девушкой. Не разглядел как следует — быстро промелькнули. Правила она — мне показалось, маленькая, с каштановыми волосами.

— А мужчина какой из себя?

— Ну, с виду лет сорок, и тоже вроде не очень большой. Лицо румяное, в сером пальто и шляпе.

— Видели когда-нибудь миссис Картер? — спросил я.

— Молодую, что у бухты живет? Нет. Самого видел, а ее нет. Это она была?

Я сказал, что мы так думаем.

— Мужчина был не он, — сказал Уидден. — Этого я раньше не видел.

— А если снова увидите — узнаете?

— Да пожалуй... если мимо поедет, как тогда.

Через шесть километров после дома Уиддена мы увидели «крайслер». Он стоял в полуметре от дороги, с левой стороны, на всех четырех колесах, уткнувшись радиатором в эвкалипт. Стекла в нем вылетели, а передняя треть капота была смята гармошкой. Он был пуст.

Крови в кабине не обнаружилось. Местность вокруг казалась необитаемой.

Мы стали ходить около машины, вглядываясь в землю, и разыскания наши показали то, что ясно было с самого начала: машина налетела на эвкалипт. На дороге остались следы шин, а на земле возле автомобиля отпечатки, которые могли быть следами человека; но такие отпечатки можно найти в тысяче мест возле этой, да и любой дороги. Мы сели в машину и поехали дальше, спрашивая всех, кто попадался по пути; и все отвечали: «Нет, мы не видели ее» (или «их»).

— А что этот Бейкер? — спросил я у Ролли, когда мы повернули назад. — Дебро видел ее одну, а когда она проезжала мимо Уиддена, с ней был мужчина. Бейкеры ничего не видели, а ведь мужчина должен был подсесть где-то недалеко от них.

— Да, — ответил он раздумчиво, — могло и так

быть, верно?

— Может, стоит еще с ними поговорить?

— Как хотите, — согласился он без энтузиазма. — Только в споры с ними меня не втягивайте. Он мой шурин.

Это меняло дело. Я спросил:

— Что он за человек?

— Клод, конечно, недотепа. Как говорит папаша, у него на ферме ничего не растет, кроме детей, но я никогда не слышал, чтобы он кому-нибудь сделал вред.

— Ну, раз так, мне ваших слов достаточно, — соврал я. — Не будем ему надоедать.

15. «Убил его я»

Из главного города округа прибыли шериф Фини — багровый толстяк с пышными каштановыми усами — и окружной прокурор Вернон — остролицый, нахрапистый, жадный до славы. Выслушав нас и осмотрев место происшествия, они согласились с мнением Ролли, что Коллинсона убила жена. Их поддержал вернувшийся из Сан-Франциско Дик Коттон — надутый и туповатый человек лет сорока с небольшим, начальник местной полиции. Коронер со своими присяжными пришел к тому же выводу, он порекомендовал следствию обратить внимание на Габриэлу, хотя в вердикте ограничился обычной фразой «убит неизвестным лицом или неизвестными лицами».

Смерть Коллинсона, как установили, произошла между восемью и девятью вечера в пятницу. Никаких ран, кроме полученных при падении, на теле не было. Пистолет, найденный в его комнате, принадлежал ему. Отпечатков пальцев на нем не оказалось. Кое-кто из начальников, видимо, подозревал, что стер их я, но вслух об этом не говорили. Мери Нуньес продолжала настаивать, что

сидела из-за простуды дома. Ее слова подтвердила целая куча мексиканцев. Разбить их показания мне не удалось. Следов человека, которого Уидден видел в машине, мы не нашли. Я еще раз, в одиночку, расспросил Бейкеров, но результатов не добился. Жена Коттона, — она работала на почте, — хрупкая, застенчивая, с хорошеньким безвольным личиком и приятными манерами, сказала, что Коллинсон отправил телеграмму рано утром в пятницу. Он пришел бледный, с темными кругами под глазами, воспаленными веками, а руки у него тряслись. Ей показалось, что он пьян, но вином как будто не пахло. Из Сан-Франциско приехали отец и брат погибшего. Отец, Хьюберт Коллинсон, был крупным, спокойным человеком, по виду способным выкачать из лесов Тихоокеанского побережья сколько угодно миллионов. Лоренс Коллинсон оказался копией Эрика, только на год-другой постарше. По-моему, оба они считали Габриэлу виновницей его смерти, но старались скрыть свои мысли.

— Докопайтесь до правды, — сдержанно сказал мне Хьюберт Коллинсон и, таким образом, стал четвертым клиентом, обратившимся в наше агентство по этому делу.

Появился из Сан-Франциско и Мадисон Эндрюс.

Мы разговаривали в моем номере. Он сел на стул у окна, отрезал от желтоватой пачки порцию табака, засунул в рот и заявил, что Коллинсон покончил самоубийством.

Примостившись на кровати, я прикурил «Фатиму» и позволил себе не согласиться:

— Если он прыгнул вниз по своей воле, то почему тогда вырван куст?

— Значит, несчастный случай. В темноте ходить по скалам небезопасно.

— Не верю я теперь в несчастные случаи, — сказал я. — Он послал мне SOS. А в его комнате кто-то стрелял.

Эндрюс наклонился вперед. Взгляд стал жестким и внимательным, как у адвоката, ведущего перекрестный допрос:

— Вы считаете, что виновата Габриэла?

Я так не думал.

— Он был убит. Его убили те... Две недели назад я вам сказал, что мы далеко не покончили с этим чертовым «проклятием» и единственный способ с ним покончить — хорошенько разобраться с Храмом.

— Да, помню, — сказал он, чуть ли не фыркая. — Вы выдвинули гипотезу, что между событиями у Холдорнов и смертью ее родителей есть связь. Но

что это за связь, вы, по-моему, и сами не знали. Не кажется ли вам, что гипотеза выглядит... скажем... несколько надуманной.

— Вряд ли она надуманная! Убили отца, мачеху, личного врача, мужа — одного за другим, в течение двух месяцев, а служанка угодила в тюрьму. Одни близкие ей люди. Похоже, что работа шла по плану. А если план не выполнен, — я усмехнулся, — то теперь самый близкий Габриэле человек — вы.

— Вздор! — Он был очень раздражен. — О смерти родителей и смерти Риза нам известно буквально все, и никакой связи тут нет. Виновные в убийстве Риза или мертвы, или в тюрьме. Разве я не прав? Так чего разглагольствовать о каких-то связях между преступлениями, когда мы знаем, что их не существует.

— Ничего мы не знаем, — не сдавался я. — Знаем только, что они не обнаружены. Кому может быть выгодно случившееся?

— Насколько мне известно — никому.

— А если она умрет? Кто получит наследство?

— Не знаю. В Англии или Франции есть, кажется, дальние родственники.

— Да, тут нам ничего не светит, — проворчал я. — В любом случае ее саму убить не пытались.

Расправляются только с близкими.

Эндрюс угрюмо напомнил мне, что сначала надо найти девушку, а уж потом судить, пытались ее убить или нет и насколько преуспели. Он был прав. Следы Габриэлы обрывались у эвкалипта, в который врезался «крайслер».

Прежде чем он ушел, я дал ему совет:

— Думайте как угодно, но искушать судьбу все же не стоит; этот план, возможно, существует, и, возможно, вы стоите в нем следующим пунктом. Береженого Бог бережет.

Спасибо он не сказал. Лишь язвительно спросил, не советую ли я ему нанять для охраны частного сыщика.

Мадисон Эндрюс предложил награду в тысячу долларов за информацию о местонахождении девушки. Хьюберт Коллинсон добавил такую же сумму и назначил еще две с половиной тысячи за поимку убийцы сына и необходимые улики. Половина населения округа превратилась в ищеек. Куда ни плюнь, всюду бродили, а то и ползали на четвереньках какие-то люди, прочесывая поля, долины, холмы и тропы, в лесу шпиков-любителей было больше, чем деревьев.

Фотографии девушки раздали по рукам и опубликовали в печати. Газеты от Сан-Диего до

Ванкувера подняли суматоху, не жалея красок для портретов и заголовков. Более или менее свободные сыщики агентства «Континентал» из Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, приехав на охоту в окрестности Кесады, проверяли выезды из городка и расспрашивали людей — все впустую. О результатах поисков трещало радио. На ноги подняли полицию и отделения агентства в других городах.

К понедельнику вся эта суета ничего не принесла. Во второй половине дня я вернулся в Сан-Франциско и пожаловался на неудачи Старику. Он вежливо выслушал, словно я рассказывал не особенно интересную и лично его не касающуюся историю, потом одарил меня обычной, ничего не значащей улыбкой и вместо помощи любезно заявил, что в конце концов я непременно во всем разберусь.

Затем он добавил, что звонил Фицстивен и пытался меня разыскать.

— Видимо, у него к вам важное дело. Он хотел отправиться в Кесаду, но я сказал, что жду вас здесь.

Я набрал номер Фицстивена.

— Приезжайте, — сказал он. — У меня кое-что есть. То ли новая загадка, то ли ключ к старой, —

не пойму. Но кое-что есть.

Я поднялся на Ноб-хилл в фуникулере и уже через пятнадцать минут был у него в квартире.

— Ну, докладывайте, — сказал я, когда мы уселись в гостиной среди книжно-газетно-журнальной свалки.

— Габриэлу еще не нашли? — спросил он.

— Нет. Давайте-ка свою загадку. Только без литературщины, без заранее подготовленных кульминаций и прочего. Я для них недостаточно образован — только изжога всегда начинается. Рассказывайте просто и по порядку.

— Вас не переделаешь, — сказал он, пытаясь состроить кислую, разочарованную мину, хотя явно был возбужден. — Кто-то... голос был мужской... позвонил мне по телефону в пятницу ночью, в половине второго. «Фицстивен?» — спрашивает. «Да». Тогда он говорит: «Убил его я». Точные слова, тут я уверен, хотя слышимость была неважная. В трубке трещало, да и голос шел издалека.

Я не знал ни кто это... ни о чем он говорит. «Кого убили? — спрашиваю. — Кто звонит?» Ответа я не понял, уловил только слово «деньги». Он говорил что-то о деньгах, повторил несколько раз, но я расслышал только одно это слово. У меня сидели гости — Маркары, Тед и Сью Ван Слэки, Лора

Джойнс с каким-то знакомым. Говорили о литературе. Я собрался ввернуть остроту о Кабелле[4], что он, мол, такой же романтик, как деревянный конь — троянец, и этот пьяный шутник, или кто он там, оказался совсем некстати. Поскольку все равно не было слышно, я бросил трубку и вернулся к гостям.

Мне и в голову не приходило, что в звонке есть смысл, но вчера утром я прочел о смерти Коллинсона. Я был у Коулманов в Россе. Все-таки разыскал их и нагрянул в субботу на выходные. — Фицстивен улыбнулся. — Ралф сегодня явно радовался моему отъезду. — Он снова стал серьезным. — Даже узнав о Коллинсоне, я все еще не был убежден, что звонок важный. Дурацкая шутка, и все. Конечно, я бы в любом случае вам рассказал. Но вот, взгляните — нашел в почтовом ящике, когда приехал.

Он вытащил из кармана конверт и бросил мне. Дешевый белый конверт, какие продаются повсюду. Уголки грязные и загнутые, словно его долго таскали в кармане. Имя и адрес Фицстивена нацарапаны печатными буквами, твердым карандашом, и писала их неумелая рука — а может

[4] Примечания: 4

Кабелл Джеймс (1879 — 1958) — американский романист, критик, поэт.

быть, автор просто хотел сойти за малограмотного. Судя по штемпелю, письмо было отправлено из Сан-Франциско в субботу в девять утра. Внутри лежал замусоленный клочок оберточной бумаги с одним предложением, выписанным тем же карандашом и тем же дрянным почерком:

ТОТ КОМУ НУЖНА МИССИС КАРТЕР МОЖЕТ
ВЫКУПИТЬ ЕЕ ЗА 10 000 ДОЛЛАРОВ.

Ни даты, ни подписи, ни привета.

— Габриэлу видели в машине, одну, около семи утра в субботу, — сказал я. — Письмо же опустили в городе почти за сто тридцать километров от Кесады, и раз на штемпеле стоит девять часов, оно оказалось в ящике к первой выемке. Есть над чем поломать голову. И уже совсем странно, что оно адресовано не Эндрюсу, который ведет ее дела, не богатому свекру, а вам.

— И странно и нет, — ответил Фицстивен. Его худое лицо было возбуждено. — Кое-что можно объяснить. Кесаду порекомендовал Коллинсону я, так как жил там два месяца прошлой весной, когда заканчивал «Стену Ашдода»; дал я ему и записку, на визитной карточке, для Ролли — он отец помощника шерифа и торгует недвижи-

мостью. Но представил я Коллинсона как Эрика Картера. Местный житель может не знать, что его жена — Габриэла Коллинсон, урожденная Леггет. В таком случае у него нет возможности связаться с ее родней, разве что через меня. Письмо и адресовано мне, но чтобы его передали заинтересованным лицам, оно начинается «тот кому...».

— Письмо, конечно, мог послать местный, — медленно произнес я. — Или похититель хочет выдать себя за местного и делает вид, что не знаком с Коллинсонами.

Верно. Насколько я знаю, ни у кого из местных моего городского адреса нет.

— А у Ролли?

— Если только узнал его от Коллинсона, записку я начеркал на обороте карточки.

— О звонке или о письме вы кому-нибудь рассказывали? — спросил я.

— Звонок упомянул при гостях ночью в пятницу — тогда я еще думал, что это шутка или ошибка. А письмо не показывал никому. Даже сомневался, стоит ли вообще показывать, и сейчас сомневаюсь. Меня что, будут теребить?

— Конечно. Но зачем расстраиваться? Вы же не любите узнавать о трагедиях по чужим рассказам. А пока мне нужны адреса ваших гостей. Если

и они и Коулманы подтвердят, что вы находились с ними в пятницу и субботу, ничего страшного вам не грозит, хотя допроса с пристрастием в Кесаде не избежать.

— Отправимся туда сейчас?

— Я еду вечером. Встретимся утром в гостинице «Сансет». У меня как раз будет время потолковать с властями, чтобы они не засунули вас в каталажку прямо с дороги.

Я вернулся в агентство и позвонил в Кесаду. Поймать Вернона и шерифа не удалось, говорил я с Коттоном. Я передал ему полученную от Фицстивена информацию и пообещал утром привезти романиста на допрос.

Полицейский сказал мне, что поиски девушки идут пока безрезультатно. По сообщениям, ее видели — почти в одно и то же время — в Лос-Анджелесе, Юрике, Карсон-Сити, Денвере, Портленде, Тихуане, Огдене, Сан-Хосе, Ванкувере, Портервилле и на Гавайях. Все звонки, кроме самых идиотских, проверяются.

В телефонной компании мне дали справку, что звонок Фицстивену в ночь с пятницы на субботу был не междугородный, а из Кесады в Сан-Франциско в это время вообще никто не звонил.

Перед уходом из агентства я снова заглянул

к Старику и попросил его убедить окружного прокурора, чтобы Аронию Холдорн и Тома Финка выпустили под залог.

— В тюрьме от них мало проку, — объяснил я. — А на свободе, если за ними последить, они, глядишь, на что-нибудь нас выведут. Прокурор, думаю, не станет возражать, у него все равно не выйдет предъявить им обвинение в убийстве.

Старик обещал похлопотать, а в случае их освобождения — отрядить людей для слежки.

Я отправился в контору Мадисона Эндрюса. Когда я рассказал ему о звонке, о письме и затем объяснил, что все это может значить, адвокат потряс седой шевелюрой и сказал:

— Верны ваши объяснения или нет — не знаю, но окружным властям придется бросить версию, будто Коллинсона убила Габриэла.

Я с сомнением покачал головой.

— В чем дело? — спросил он, вспыхивая.

— Наверняка решат, — предсказал я, — что письмо специально состряпано, чтобы ее выгородить.

— Вы так думаете? — На скулах у него заиграли желваки, а косматые брови поползли вниз, на глаза.

— Может, и не решат. Ведь если это уловка, то

слишком уж наивная.

— Какая там уловка! — заговорил он на повышенных тонах. — Хватит чепухи. Никто из нас и не знал в то время об убийстве. Даже тело еще не успели найти...

— Конечно, — согласился я. — Поэтому-то, если письмо окажется липой, Габриэле несдобровать.

— Ничего не понимаю, — сказал он досадливо. — То вы утверждаете, что девушку кто-то преследует, то говорите о ней как об убийце. А что вы на самом деле думаете?

— Ни то, ни другое не исключено, — сказал я с не меньшей досадой. — И какое имеет значение, что думаю я? Решать будет суд присяжных, когда ее найдут. Проблема сейчас в другом: если письмо настоящее, то как вы поглядите на десять тысяч выкупа?

— Никак. Увеличу награду тем, кто ее отыщет, и назначу награду за арест похитителя.

— Неверный ход, — сказал я. — Награда и так уже обещана. Единственный способ улаживать дела с похитителями — соглашаться на их требования. Мне это и самому не по душе, но другого способа нет. Даже если он не зверь, страх, неуверенность, нервы, разочарование могут в любой момент превратить его в опасного маньяка.

Сначала выкупите девушку, а уж потом начинайте драку. Требуют платить — плати сколько требуют.

С тревогой в глазах, но упрямо выпятив челюсть, он подергал себя за лохматые усы. Победила челюсть.

— Будь я проклят, если дам хоть доллар.

— Ваше дело. — Я встал и потянулся за шляпой. Моя задача — найти убийцу Коллинсона, а гибель девушки скорей всего мне только поможет.

Он не ответил.

Я пошел в контору Коллинсона-старшего. На месте его не оказалось, и я рассказал обо всем Лоренсу.

— Уговорите отца дать деньги, — закончил я. — Они должны быть готовы к тому времени, как похититель пришлет инструкцию.

— Отца не надо уговаривать, — сказал он не задумываясь. — Чтобы обеспечить ей безопасность, мы заплатим сколько угодно.

16. Ночная охота

Я сел в поезд, уходивший на юг в пять двадцать пять. В семь тридцать мне пришлось сойти в Постоне, пыльном городке раза в два больше Кесады, и в одиночестве полчаса трястись до места на обшарпанном автобусе. Когда я вылезал у гостиницы, зарядил дождь.

Из здания почты навстречу мне вышел Джек Сантос, журналист из Сан-Франциско.

— Привет. Есть что-нибудь новенькое? — спросил он.

— Возможно. Но сначала надо рассказать Вернону.

— Он у себя в номере, по крайней мере, был там десять минут назад. Кто-то получил письмо с требованием выкупа? Правильно?

— Да. Он уже успел сообщить?

— Начал Коттон, но Вернон ему помешал — сказал, что это пока не для печати.

— Почему?

— Единственная причина — сведения давал нам не он, а Коттон. — Уголки тонких губ Сантоса поползли вниз. — У них, у Вернона, Финн и Коттона, соревнование — чье имя и фото будут чаще

мелькать в газетах.

— Чем-нибудь еще они занимаются?

— Когда? — спросил он с презрением. — Каждый тратит по десять часов в день, чтобы попасть на первую страницу, еще по десять — на то, чтобы туда не попал соперник, но ведь и спать еще нужно.

В гостинице я буркнул репортерам: «Ничего нового», снова оформил себе комнату, забросил в нее саквояж и пошел через холл к номеру 204. Дверь мне открыл Вернон. Он сидел один и занимался газетами, бело-зелено-розовой грудой валявшимися на кровати. Комната была сизой от сигарного дыма.

Тридцатилетний прокурор считал себя удачливым; у него были темные глаза, подбородок он выпячивал вперед, чтобы тот казался решительнее, чем на самом деле, и при разговоре выставлял напоказ зубы. Бодро пожав мне руку, он сказал:

— Рад, что вы вернулись. Заходите. Садитесь. Ничего нового нет?

— Коттон передал вам мои сведения?

— Да. — Красуясь передо мной, Вернон широко расставил ноги и засунул руки в карманы, — Насколько важными и подлинными вы их

считаете?

— Я посоветовал Эндрюсу приготовить деньги. Он отказался. Их дадут Коллинсоны.

— Конечно, дадут, — сказал он таким тоном, будто я выдвинул гипотезу, а он ее подтвердил. — Дальше. — Он растянул губы, чтобы показать побольше зубов.

— Вот возьмите. — Я протянул ему письмо. — Фицстивен приедет сюда утром.

Решительно кивнув, он поднес письмо поближе к свету и с тщательностью осмотрел конверт и содержимое. Затем небрежно бросил все на стол.

— Явная фальшивка, — сказал он. — Что точно рассказал этот Фицстивен... так, кажется, его зовут?

Я передал рассказ Фицстивена слово в слово. Вернон лязгнул зубами, подошел к телефону и велел передать Финн, что он, мистер Вернон, окружной прокурор, желает его немедленно видеть. Через десять минут, вытирая с пышных каштановых усов капли дождя, в номер вошел шериф.

Вернон ткнул в его сторону пальцем и приказал мне:

— Расскажите теперь ему.

Я повторил рассказ Фицстивена. Шериф слушал

напряженно, даже запыхтел, а его багровое лицо посинело. Когда я закончил, окружной прокурор прищелкнул пальцами:

— Отлично. Этот Фицстивен утверждает, что во время звонка у него в квартире находились гости. Шериф, запишите имена. Он утверждает, что на выходные поехал в Росс к... как его там... Ралфу Коулману. Отлично. Проследите, чтобы все было проверено. Надо выяснить, сколько правды в его словах.

Я дал Финн полученные от Фицстивена имена и адреса. Он записал их на обратной стороне квитанции из прачечной и, пыхтя, вышел, чтобы запустить на полные обороты окружную машину расследования.

У Вернона ко мне больше ничего не было. Я оставил его наслаждаться газетами и спустился на первый этаж. Женоподобный ночной портье поманил меня к стойке и сказал:

— Мистер Сантос просил передать, что у него сегодня играют.

Я поблагодарил и поднялся в номер к Сантосу. Кроме хозяина, там сидели еще три охотника за новостями и фотограф. Играли в покер. К половине первого, когда я выигрывал шестнадцать долларов, меня позвали к телефону. В трубке на-

храписто зазвучал голос окружного прокурора:

— Зайдите ко мне как можно скорее.

— Иду.

Я взял пальто и шляпу.

— Расплатимся, — сказал я Сантосу. — Важный звонок. Мне всегда звонят, когда я выигрываю.

— Вернон? — сказал он, пересчитывая мои фишки.

— Да.

— Дело вряд ли серьезное, — усмехнулся он. — Иначе он вызвал бы Реда. — Сантос кивнул в сторону фотографа. — Чтобы читатели утренних газет могли полюбоваться, как он дает интервью.

У окружного прокурора собрались Коттон, Финн и Ролли. Коттон — среднего роста, с круглым, туповатым лицом и ямочкой на подбородке — стоял посреди комнаты в черных резиновых сапогах, плаще и шляпе, весь мокрый и перепачканный. Его круглые глаза самодовольно поблескивали. Фини, оседлав стул, мрачно пощипывал усы. Рядом с вялым добродушием разминал сигарету Ролли.

Вернон закрыл за мной дверь и раздраженно сказал:

— Коттон считает, что кое-что выяснил. Он

считает...

Выпятив грудь, Коттон сделал шаг вперед и перебил его:

— Ничего я не считаю. Я точно знаю, что...

Вернон резко щелкнул пальцами между моим носом и носом полицейского и так же резко отчеканил:

— Ладно. Пойдем посмотрим.

Я заскочил к себе за плащом, пистолетом и фонариком. Мы вышли на улицу и влезли в заляпанную грязью машину. За руль сел Коттон. Рядом с ним Вернон. Остальные устроились на заднем сиденье. Дождь хлестал по брезентовой крыше, просачиваясь в щели.

— Черт! Лучшей ночки гоняться за призраками и не придумаешь, — проворчал шериф, пытаясь увернуться от капель.

— Зря Дик полез не в свое дело, — согласился Ролли. — Раз это не в Кесаде, то и нечего лезть. Не его забота.

— Лучше бы следил, что творится под носом, тогда не пришлось бы рыскать по берегу, — сказал Фини, и они с помощником в унисон хихикнули.

Смысл их разговора до меня не дошел.

— А что он затеял? — спросил я.

— Пустое, — сказал шериф. — Сами скоро убе-

дитесь. Господи, я ему все начистоту выложу. Одного не пойму — как Вернон-то мог клюнуть?

Я опять ничего не понял и посмотрел в щель между занавесками. Темнота и дождь мешали любоваться пейзажем, но мне показалось, что мы направляемся куда-то по восточному шоссе. Поездка была гнусная — мокро, шумно, тряско. Остановились мы в таком же темном, мокром и грязном месте, какие только что проезжали.

Коттон погасил фары и выбрался из машины, мы — за ним, скользя и утопая по щиколотку в мокрой глине.

— Черт! Это уж слишком! — пожаловался шериф.

Вернон хотел что-то сказать, но полицейский уже шагал по дороге. Мы потащились следом, не видя друг друга, держась вместе на слух — по чавканью грязи под ботинками. Было темно.

Вскоре мы свернули»с дороги и перелезли через высокую проволочную ограду; грязь под ногами сменилась скользкой травой. Потом стали взбираться на холм. Дождь хлестал прямо в лицо. Шериф задыхался. Я взмок. Добредя до вершины, мы пошли вниз; где-то впереди бились о скалы волны. Спуск сделался круче, трава все чаще уступала место валунам. Коттон поскользнулся

и упал на колени, об него споткнулся Вернон, но удержал равновесие, схватившись за меня. Пыхтение шерифа походило уже на стон. Мы повернули налево и двинулись гуськом по кромке прибоя. Потом еще раз забрали влево, поднялись вдоль склона и остановились под навесом — деревянной крышей, подпертой десятками столбов. Впереди на фоне почти черного неба черным пятном маячил дом.

— Подождите, гляну, здесь ли его машина, — шепнул Коттон и ушел.

Шериф громко перевел дух и пробурчал:

— Пропади они пропадом, эти экскурсии.

Ролли вздохнул.

Начальник полиции вернулся радостный.

— На месте ее нет, значит — уехал, — сказал он. — Пошли, там хоть не так сыро.

По грязной тропе, вьющейся среди кустов, мы зашагали к черному ходу. Пока Коттон влезал через окно в дом и открывал дверь, нам пришлось ждать на крыльце. Фонари, которые наконец были включены, осветили маленькую опрятную кухню. Мы вошли, оставляя за собой грязные следы.

Из нас только Коттон проявлял энтузиазм. Его лицо, от лба до ямочки на подбородке, напоми-

нало лицо конферансье, который приготовил для публики замечательный сюрприз. Вернон поглядывал на него скептически, Финн — с отвращением, Ролли — равнодушно, а я — поскольку мне было невдомек, зачем мы пришли сюда, — наверное, с любопытством.

Оказалось, что мы пришли обыскивать дом. Но занимался делом лишь Коттон, другие в основном делали вид, что помогают ему. Дом был маленький. На первом этаже к кухне примыкала всего одна комната, и еще одна — неотделанная спальня — находилась на втором. По счетам от бакалейщика и налоговой квитанции в ящике стола я узнал, что дом принадлежит Харви Уиддену. Это был тот самый дюжий, медлительный человек, который видел в «крайслере» с Габриэлой Леггет неизвестного.

Внизу мы ничего интересного не обнаружили и поднялись на второй этаж. Через десять минут там кое-что нашлось. Ролли вытащил это кое-что из-под матраса. Небольшой плоский сверток в белом льняном полотенце.

Коттон опустил конец матраса — он его держал, чтобы Ролли было удобнее шарить, — и мы столпились вокруг них. Вернон взял у помощника шерифа сверток и развернул на кровати. Там

оказалась пачка шпилек, кружевной платочек, серебряная щетка для волос, гребень с гравировкой «Г. Д. Л.» и пара черных лайковых перчаток, маленьких, явно женских.

Я был изумлен больше других.

— Г. Д. Л., — сказал я, чтобы хоть что-то сказать, — это видимо, Габриэла, среднюю букву не знаю, Леггет. Девичья фамилия миссис Коллинсон.

— Вы правы. Так оно и есть, — с торжеством сказал Коттон.

В дверях раздался хриплый бас:

— Где ордер на обыск? А если его нет, какого черта вы здесь делаете? Это называется кража со взломом, сами прекрасно знаете.

В дверях стоял Харви Уидден. Его массивная фигура в желтом макинтоше загородила весь проем. Тяжелое лицо было хмурым, злым.

— Уидден... — начал Вернон.

— Это он... — завопил начальник участка и, откинув полу плаща, выхватил пистолет.

Он выстрелил, но я успел толкнуть его под руку. Пуля ушла в стену.

Злость на лице Уиддена сменилась удивлением. Он отскочил назад и бросился вниз по лестнице. Коттон, пошатнувшийся от толчка, вы-

прямился, обругал меня и побежал за Уидденом. Вернон, Фини и Ролли молча смотрели им вслед.

— Люблю спортивные игры, — сказал я. — Но пока ничего не понимаю. Что происходит?

Никто не ответил.

— Эта щетка и гребень, — продолжал я, — лежали на столе миссис Коллинсон, когда мы с Ролли обыскивали ее дом.

Не отрывая взгляда от дверей, помощник шерифа неуверенно кивнул. Никакого шума с улицы не доносилось.

— У Коттона что, особые причины гадить Уидцену? — спросил я.

— Друзьями их не назовешь, — ответил шериф. (Я и сам это понял.) — Что будем делать, Вернон?

Окружной прокурор отвел глаза от двери, завернул вещи снова в полотенце и сунул сверток в карман.

— Пошли, — резко бросил он и затопал вниз по лестнице.

Парадная дверь была настежь. Коттона и Уидцена не было ни слышно, ни видно. У ворот под дождем мокнул «форд» Уиддена. Мы влезли в него. Вернон сел за руль и повел машину к дому в бухте. Там мы долго стучали в дверь; наконец ее открыл старик в заношенном белье — шериф

оставил его сторожем.

Коттон, как рассказал нам старик, приходил сюда в восемь часов вечера, чтобы снова осмотреть дом. А с какой стати он, сторож, должен следить за начальником полиции? В общем, Коттону никто не мешал, но тот вроде бы ничего из имущества не взял, хотя кто его там знает.

Вернон и Финн устроили старику взбучку, и мы поехали назад в Кесаду.

На заднем сиденье рядом со мной сидел Ролли.

— Что собой представляет этот Уидден? — спросил я его. — И что нужно от него Коттону?

— Ну, во-первых, у Харви дурная репутация — был замешан в контрабанде ромом, когда она здесь процветала, да и вообще время от времени влипает в истории.

— Понятно. А во-вторых?

Помощник шерифа нахмурился, запнулся, подыскивая слова, но тут машина остановилась на углу темной улицы у обвитого виноградной лозой коттеджа. Окружной прокурор повел нас на крыльцо и позвонил.

Через некоторое время сверху донесся женский голос:

— Кто там?

Чтобы увидеть его владелицу, нам пришлось

спуститься на нижние ступеньки — у окна на втором этаже стояла миссис Коттон.

— Дик не вернулся? — спросил ее окружной прокурор.

— Нет еще, мистер Вернон. Я уже беспокоюсь. Секундочку, я вам открою.

— Не надо, — сказал он. — Мы торопимся. Увижусь с ним утром.

— Ради Бога, подождите, — попросила она и исчезла в доме.

Через несколько секунд парадная дверь открылась. Голубые глаза миссис Коттон казались темными, она волновалась. На ней был розовый купальный халат.

— Не стоило трудиться, — сказал окружной прокурор, когда мы вошли в прихожую. — Ничего особенного. Мы с ним разминулись, и я просто хотел узнать, не вернулся ли он домой. Все в порядке.

— Он... Ее пальцы теребили складки халата на плоской груди. — Он не... не за Харви охотится... Харви Уидденом?

— Да, — сказал Вернон, не глядя на нее, и на этот раз даже не оскалил зубы. Фини и Ролли тоже держались натянуто.

Щеки миссис Коттон залила краска. Нижняя

губа дрожала, мешая говорить:

— Не верьте ему, мистер Вернон. Ни единому слову не верьте. Харви не имеет никакого касательства к Коллинсонам, ни к ней, ни к нему. Дик хочет его оговорить. А Харви тут ни при чем.

Вернон смотрел себе под ноги и молчал. Фини и Ролли мрачно разглядывали через открытую дверь прихожей дождливую темень. Никто не открывал рта.

— Ни при чем? — Я вложил в вопрос куда больше сомнений, чем у меня было на самом деле.

— Да! — крикнула она, поворачиваясь ко мне. — Он просто не мог. Не имел возможности. — Лицо ее побледнело, в глазах появилась безысходность. — В ту ночь он был у меня... всю ночь... с семи вечера и до рассвета.

— А где находился муж?

— В городе, у матери.

— Дайте мне адрес.

Она сказала адрес на Ной-стрит.

— А кто-нибудь...

— Хватит, пошли, — вмешался шериф, все еще не отрывая глаз от дождя. — Вам что, мало?

Миссис Коттон снова повернулась к окружному прокурору и вцепилась ему в рукав.

— Не рассказывайте никому, мистер Вернон,

ладно? — взмолилась она. — Не знаю, что сделаю, если все раскроется. Вам-то я должна была сказать, чтобы он не свалил вину на Харви. Пожалуйста, никому не рассказывайте, очень прошу.

Окружной прокурор дал клятву, что ни при каких обстоятельствах ни один из нас не проговорится, а шериф с помощником, покраснев, энергично закивали.

Но когда мы сели в машину, они забыли про смущение и снова превратились в полицейских ищеек. Через десять минут эти ищейки уже рассудили, что в пятницу вечером Коттон ни к какой матери в Сан-Франциско не поехал, а остался здесь, убил Коллинсона, потом скатал в город, чтобы позвонить Фицстивену и опустить письмо, вернулся и похитил Габриэлу; и с самого начала он фабриковал улики против Уиддена, с которым давно был не в ладах, так как подозревал его в связи с женой, о чем, кстати, вся Кесада давно знала.

Шериф, чье благородство только что помешало мне расспросить миссис Коттон поподробнее, теперь ржал, тряся пузом.

— Дела! — хохотал он. — Дик мухлюет с уликами, а Харви добывает себе алиби в его постели. Ну и физиономия у него будет, когда мы это вы-

ложим. Давайте отыщем его прямо сейчас.

— Не торопитесь, — посоветовал я. — Сначала выясним про поездку в Сан-Франциско. С нас не убудет. Пока против него есть только одно: попытка ложно обвинить Уиддена. Убийца и похититель вряд ли наделал бы столько глупостей.

Финн нахмурился и стал защищать свою версию:

— А может, ему больше всего на свете хотелось подложить свинью Харви?

— Все может быть, — сказал я. — Но лучше сейчас его не трогать и посмотреть, что он выкинет.

Финн был против. Ему не терпелось тут же сцапать начальника полиции, но Вернон нехотя поддержал меня. Мы высадили Ролли у его дома и вернулись в гостиницу.

В номере я заказал разговор со своим агентством в Сан-Франциско. Пока я ждал звонка, в дверь постучали. На пороге стоял Джек Сантос в пижаме, халате и тапочках.

— Хорошо прокатились? — спросил он, позевывая.

— Отлично.

— Что-нибудь свеженькое привезли?

— Только по секрету, не для печати: Коттон решил свалить вину на любовника жены и уже

сфабриковал улики. А остальные большие люди думают, что Коттон как раз сам и провернул все дела.

— Теперь уж они точно попадут на первую страницу. — Сантос сел на кровать и задымил сигаретой. — Кстати, вы не слышали, что Фини был соперником Коттона в борьбе за руку и сердце почтовой красотки? Но она выбрала начальника участка — ямочка на подбородке одержала победу над усами.

— Не слышал, — признался я. — Ну и что из этого?

— Откуда мне знать? Парень из гаража рассказал.

— А давно?

— Давно ли они соперничали? Около двух лет назад.

Раздался звонок, и я сказал Филду — ночному дежурному в агентстве, чтобы он распорядился навести справки о визите Коттона на Ной-стрит. Пока я разговаривал, Сантос зевнул и ушел. Закончив, я лег спать.

17. За тупым мысом

На другое утро телефон разбудил меня около десяти. Звонил Мики Лайнен из Сан-Франциско: Коттон приехал к матери в субботу утром, между семью и половиной восьмого. Проспал пять или шесть часов — матери сказал, что всю ночь подстерегал взломщика, — а в шесть вечера уехал домой.

Когда я спустился в вестибюль, Коттон как раз вошел с улицы. Глаза у него были воспаленные, вид усталый, но по-прежнему решительный.

— Поймали Уиддена? — спросил я.

— Нет, черт его подери, не поймал. Слушайте, хоть он и сбег, хорошо, что вы толкнули меня под руку. Я... Сгоряча, бывает, совсем разум теряешь.

— Ну да. На обратной дороге мы заезжали к вам домой. Узнать, что с вами.

— Я еще не был дома, — сказал он. — Всю ночь охотился за этим подлецом. А где Вернон и Фини?

— Подушки давят. Вам бы тоже не мешало поспать. Если что — я вам позвоню.

Он отправился домой. Я пошел в кафе завтракать. Пока я сидел там, пришел Вернон. Он

получил телеграммы из полицейского отделения Сан-Франциско и из конторы шерифа округа Марин, подтверждавшие алиби Фицстивена.

— Есть сообщение о Коттоне, — сказал я. — Он приехал к матери в семь или начале восьмого утра в субботу и уехал в шесть часов вечера.

— В семь или начале восьмого? — Вернону сообщение не понравилось. Если полицейский в это время был в Сан-Франциско, вряд ли он похитил Габриэлу. — Вы уверены?

— Нет, но более надежными сведениями пока не располагаем. А вот и Фицстивен. — Через дверь кафе я увидел худую спину романиста перед стойкой портье. — Извините, я сейчас.

Я вышел, привел к нашему столику Фицстивена и представил его прокурору. Вернон встал, чтобы пожать ему руку, но был рассеян — видимо, его занимал сейчас один Коттон. Фицстивен сказал, что позавтракал перед отъездом из города, и заказал только чашку кофе. Тут меня позвали к телефону.

Голос Коттона, но настолько взволнованный, что я его едва узнал:

— Ради Бога, берите Вернона и Фини и давайте сюда.

— Что случилось? — спросил я.

— Скорее! Тут страшное дело. Скорее! — прокричал он и повесил трубку.

Я вернулся к столику и рассказал о разговоре Вернону. Он вскочил, опрокинув кофе Фицстивена. Фицстивен тоже встал и нерешительно посмотрел на меня.

— Поехали, — пригласил я его. — Может быть, одна из тех историй, которые вам так нравятся.

Машина Фицстивена стояла перед гостиницей. До дома полицейского было всего семь кварталов. Парадная дверь оказалась открытой. Вернон постучал в косяк на ходу, приглашения мы дожидаться не стали.

Коттон встретил нас в передней. Глаза у него были круглые и налиты кровью, лицо — застывшее и белое, как мрамор. Он попытался что-то сказать, но слова не проходили сквозь стиснутые зубы. Кулаком, сжимавшим коричневую бумажку, он показал за спину, на дверь.

Через дверной проем мы увидели миссис Коттон. Она лежала на синем ковре. На ней было голубое платье. Горло — в темных кровоподтеках. Губы и вывесившийся, распухший язык были темнее кровоподтеков. Глаза, широко раскрытые, выпученные, закатились под лоб — мертвые глаза. Я прикоснулся к руке, она была еще теплая.

Коттон вошел за нами в комнату, сжимая в кулаке коричневую бумажку. Это был неровно оторванный кусок оберточной бумаги, с обеих сторон исписанный нервными, торопливыми карандашными каракулями. Карандаш был мягче, чем на записке, полученной Фицстивеном, а бумага темнее.

Коттон стоял рядом со мной. Я взял у него бумажку и быстро прочел, пропуская ненужные слова:

> «Ночью пришел Уидден... сказал, что муж за ним гонится... свалил на него убийство Коллинсона... я спрятала его на чердаке... говорит, если не скажу, что он был здесь в пятницу ночью, он пропал... если не скажу, его повесят... когда пришел мистер Вернон, Харви сказал: убью, если не скажешь... я так и сказала... но в ту ночь его здесь не было... я тогда не знала, что он виноват... потом сказал... пробовал увезти ее в четверг ночью... муж чуть не поймал его... пришел к нам в отделение после того, как Коллинсон отправил телеграмму, и прочел ее... зашел за ним и убил... уехал в Сан-Франциско, пил там...

решил все равно похитить... позвонил человеку, который ее знал, чтобы выведать, с кого требовать деньги... был пьяный, толком говорить не мог... написал письмо и приехал обратно... повстречал ее на дороге... отвез за Тупой мыс, там бутлегеры раньше прятали ром... плыть на лодке... боюсь, что убьет меня... запер на чердаке... пишу, пока он внизу собирает еду... убийца... не буду ему помогать... Дэйзи Коттон».

Пока я читал, пришли шериф и Ролли. Лицо у шерифа было такое же белое и застывшее, как у Коттона.

Вернон оскалил зубы и зарычал Коттону:

— Это вы писали...

Фини выхватил у меня бумажку, взглянул на нее, помотал головой и хрипло сказал:

— Нет, это ее рука, точно.

Коттон лепетал:

— Нет, клянусь Богом, не я. Пакет я ему подбросил, признаю, но это все. Пришел домой, она лежит мертвая. Клянусь Богом!

— Где вы были в пятницу ночью? — спросил Вернон.

— Здесь, следил за домом. Я думал... я думал, он сюда... Но в ту ночь его здесь не было. Я караулил до рассвета, а потом уехал в город. Я не...

Последние его слова заглушил рев шерифа. Шериф махал запиской покойницы. Он ревел:

— За Тупым мысом! Чего мы ждем?

Он кинулся из дома, мы — за ним. Ролли повез Коттона к берегу на своей машине. Вернон, шериф и я поехали с Фицстивеном. Всю недолгую дорогу шериф плакал, и слезы капали на автоматический пистолет, лежавший у него на коленях.

На пристани мы пересели на бело-зеленый катер, которым правил румяный русоволосый парень по имени Тим. Тим сказал, что тайных бутлегерских складов под Тупым мысом не знает, но если там есть такой, он найдет. Катер у него шел с хорошей скоростью, но Финн и Коттону этого было мало. Они стояли на носу с пистолетами наготове, напряженно смотрели вперед и каждую минуту кричали Тиму, чтобы он прибавил.

Через полчаса мы обогнули закругленный выступ, звавшийся Тупым мысом, и Тим, сбросив скорость, повел катер ближе к высоким, острым камням, тянувшимся по самому урезу воды. Теперь мы смотрели во все глаза — глаза скоро

заболели от напряжения и полуденного солнца, но мы продолжали смотреть. Два раза скалы на берегу расступались, и мы видели бухточки, с надеждой заходили туда, но обнаруживали, что это тупики, что они никуда не ведут и тайников тут быть не может.

Третья бухточка выглядела еще безнадежней, но теперь, когда Тупой мыс остался довольно далеко позади, нельзя было пропускать ничего. Мы вошли в бухточку, однако, приблизившись к берегу, решили, что она тоже глухая, и велели Тиму двигаться дальше. Пока паренек разворачивал катер, нас отнесло еще на метр в глубину бухты.

Коттон перегнулся на носу и закричал:

— Вот оно!

Он показал пистолетом на берег бухточки. Катер снесло еще на полметра. Вытянув шеи, мы разглядели, что сбоку от нас вовсе не берег, а высокий, узкий, зазубренный выступ скалы, отделенный от берега несколькими метрами воды.

— Правь туда, — скомандовал Фини.

Тим, нахмурясь, поглядел на воду, помешкал и ответил:

— Не пройдем.

В подтверждение его слов катер с неприятным скрежетом вдруг задрожал у нас под ногами.

— Какого черта? — рявкнул шериф. — Правь туда.

Тим взглянул на разъяренное лицо шерифа и подчинился.

Катер опять задрожал, только сильнее, и теперь, кроме скрежета под днищем, послышался такой звук, будто что-то рвалось: однако мы прошли в горло и повернули за каменный выступ. Мы оказались в клиновидном кармане, метров в семь шириной у входа и примерно в двадцать пять длиной, огражденном каменными стенами и недосягаемом с суши — проникнуть сюда можно было только так, как мы, — с моря. Вода (которая еще держала нас, но быстро набиралась в катер) покрывала лишь треть длины кармана. Остальные две трети были покрыты белым песком. На песке лежала маленькая лодка, наполовину вытащенная из воды. Пустая. Ни души кругом. И укрытия, кажется, никакого. Зато были следы на песке, большие и маленькие, а кроме того, пустые консервные банки и кострище.

— Его, — сказал Ролли, кивнув на лодку.

Наш катер уткнулся в берег рядом с ней. Мы спрыгнули и, разбрызгивая воду, бросились на сушу — Коттон первым, остальные за ним, цепью. Вдруг, словно из-под земли, в дальнем углу

появился Харви Уидден с винтовкой в руках. На лице его были написаны гнев и крайнее изумление; то же самое прозвучало в голосе:

— Ах ты, подлая скотина... — Остальное заглушил выстрел его винтовки.

Коттон бросился на бок. Пуля миновала полицейского, просвистела между мной и Фицстивеном, задев поле его шляпы, и ударилась в камни у нас за спиной. Четыре наших пистолета ответили одновременно, и некоторые — не по одному разу.

Уидден повалился навзничь. Когда мы подошли к нему, он был мертв — три пули в груди, одна в голове.

Мы нашли Габриэлу Коллинсон: она сидела, забившись в нору — длинную треугольную пещеру с узким горлом; лаз был расположен в каменной стене под таким углом, что с берега не разглядишь. Там были одеяла, настланные поверх кучи сухих водорослей, консервы, керосиновый фонарь и еще одна винтовка.

Мелкое личико Габриэлы горело, а голос охрип: она простудилась. Вначале она была так напугана, что не могла связно говорить, и, по-видимому, не узнала ни Фицстивена, ни меня.

Катер наш вышел из строя. Лодка Уиддена мог-

ла безопасно увезти через прибой не больше трех человек. Тим и Ролли отправились на ней в Кесаду, за судном побольше. Туда и обратно полтора часа. Пока их не было, мы занимались Габриэлой, успокаивали ее, убеждали, что с ней друзья, что теперь ей нечего бояться. Испуг в ее глазах постепенно проходил, дышать она стала спокойнее, и ногти уже не так вонзались в ладони. Через час она начала отвечать на наши вопросы.

Она сказала, что ничего не знает о попытке Уиддена похитить ее в четверг ночью и о телеграмме, которую послал мне Эрик. В пятницу она просидела всю ночь, дожидаясь его с прогулки, а когда рассвело, в отчаянии пустилась на поиски. И нашла — как я. После этого она вернулась в дом и попыталась покончить с собой — застрелиться, чтобы положить конец проклятию.

— Два раза пробовала, — прошептала она, — и не сумела. Не сумела. Струсила. Не могла в себя целиться. В первый раз я попробовала стрелять в висок, а потом в грудь, но не хватило смелости. Оба раза я отдергивала пистолет перед выстрелом. А после второго раза уже и пробовать боялась.

Тогда она переоделась — сняла вечернее платье, перепачканное и порванное во время поисков, —

и уехала из дому. Она не сказала, куда собиралась ехать. По-видимому, сама не знала. Может быть, никуда конкретно и не собиралась — просто уехала из того места, где проклятие настигло ее мужа.

Проехать она успела совсем немного, когда увидела встречную машину, которую вел человек, привезший ее сюда. Он поставил свою машину поперек дороги, преградил путь. Чтобы избежать столкновения, она свернула и налетела на дерево — и больше ничего не помнит до той минуты, когда проснулась в пещере. Так она и просидела в ней до сих пор. Почти все время одна. Ни сил, ни смелости, чтобы уплыть, у нее не нашлось, а другого пути отсюда не было.

Человек этот ничего не объяснял, ни о чем не спрашивал, да и не разговаривал почти — только: «Вот еда», или: «Пока не привезу воды, будете обходиться томатами из банок», или еще что-нибудь в таком же роде. Насколько она помнит, прежде он ей не встречался. Имени его не знает. Это был единственный человек, которого она видела после смерти мужа.

— Как он к вам обращался? — спросил я. — Миссис Картер или миссис Коллинсон?

Она задумчиво нахмурилась, потом покачала

головой:

— Мне кажется, он ни разу не назвал меня по имени. Да и не разговаривал со мной без особой нужды. Я почти все время была одна.

— Сколько времени он здесь провел в последний раз?

— Приплыл перед рассветом. Меня разбудила лодка.

— Вы уверены? Это важно. Вы уверены, что он здесь с рассвета?

— Да.

Я сидел перед ней на корточках. Коттон стоял слева от меня, рядом с шерифом. Я поднял глаза на полицейского и сказал:

— Получается, что это вы, Коттон. В двенадцатом часу, когда мы увидели вашу жену, она была еще теплая.

Он выпучил на меня глаза и произнес запинаясь:

— Что? Что вы сказали?..

Я услышал, как справа от меня Вернон лязгнул зубами. Я сказал:

— Ваша жена боялась, что Уидден ее убьет, и написала записку. Но он ее не убивал. Он с раннего утра был здесь. Вы нашли записку и выяснили, что они были чересчур дружны. Ну, что вы после

этого сделали?

— Это вранье, — крикнул он. — Тут ни слова правды. Я увидел ее уже мертвую. Я не...

— Вы ее убили, — рявкнул у меня над головой Вернон. — Вы ее задушили в расчете на то, что после записки подозрение падет на Уиддена.

— Это вранье, — снова крикнул полицейский и сделал ошибку, потянувшись к пистолету.

Фини ударил полицейского по голове и защелкнул на нем наручники раньше, чем он успел подняться.

18. Апельсин

— Все нелепо, — сказал я. — Полная галиматья. Когда мы схватим этого человека — мужчину или женщину, — окажется, что он ненормальный и ждет его не эшафот, а желтый дом.

— Очень характерно для вас, — ответил Оуэн Фицстивен. — Вы растеряны, ошеломлены, обескуражены. Признаете, что столкнулись с мастером, ищете преступника, который умнее вас? Да ни за что. Он вас перехитрил, следовательно, он идиот или сумасшедший. Ну, ей-богу же. Эта оценка и вам ведь не льстит.

— Но он должен быть ненормальным, — настаивал я. — Смотрите: Мейен женится...

— Вы что, — спросил он с отвращением, — снова будете декламировать вашу сагу?

— У вас непоседливый ум. В этом деле непоседливость мешает. Развлекая себя интересными мыслями, преступника не поймаешь. Надо сесть, разложить все собранные факты и крутить их, крутить, пока они не сцепятся.

— Ваша метода — вы и мучайтесь, — ответил он. — Но почему я должен страдать — убейте, не понимаю. Вчера вечером вы воспроизвели

сказание о Мейене — Леггете — Коллинсоне раз пять во всех подробностях. И сегодня с завтрака ничем другим не занимались. С меня хватит. Нельзя превращать тайны в такое занудство.

— Черт возьми, после того как вы отправились на боковую, я просидел еще полночи и пересказывал всю историю самому себе. Надо крутить ее и крутить, мой милый, пока все не сцепится.

— Мне больше нравится школа Ника Картера? Неужели ни одна догадка не забрезжила у вас после этого кручения?

— Да, одна догадка появилась. Вернон и Фини напрасно решили, что Коттон помогал Уиддену в похищении, а потом его предал. По их мнению, Коттон составил план и убедил Уиддена выполнить черную работу, а сам прикрывал его, пользуясь своим официальным положением. Коллинсон помешал их затее и был убит. Тогда Коттон заставил жену написать записку — это и в самом деле липа, написано под диктовку, — убил жену и навел нас на Уиддена. Коттон первым выскочил на берег, когда мы подплыли к убежищу, — чтобы Уидден наверняка был убит при задержании и не успел заговорить.

Фицстивен провел длинными пальцами по рыжеватым волосам и спросил:

— Вы не считаете, что Коттоном могла двигать ревность?

— Могла. Но чего ради Уидден стал бы плясать под его дудку? Кроме того, как такой расклад согласуется с делами в Храме?

— А вы уверены, — спросил Фицстивен, — что не напрасно ищете между ними связь?

— Уверен. В течение нескольких недель убиты отец Габриэлы, мачеха, врач и муж — все самые близкие люди. Для меня этого достаточно, чтобы искать связь. Если вам нужны еще звенья, могу указать. Аптон и Рапперт, очевидные виновники первой трагедии, были убиты. Холдорн, виновник второй, был убит. Уидден — третьей, был убит. Миссис Леггет убила мужа; Коттон, по-видимому, убил жену; и Холдорн убил бы свою, если бы я не помешал. Габриэлу в детстве заставили убить мать; служанку Габриэлы заставили убить Риза и натравили на меня. Леггет оставил письмо, объяснявшее — не вполне удовлетворительно — все события, и был убит. То же самое произошло с миссис Коттон. Назовите любую из этих пар совпадением. Назовите любые две пары совпадениями. И все равно за этим виден человек, который действует по одной излюбленной схеме.

Фицстивен, задумчиво прищурясь, посмотрел на меня и согласился:

— Звучит убедительно. В самом деле, кажется, что действовал один ум.

— Свихнувшийся.

— Вам угодно настаивать на этом? — сказал он. — Но даже у вашего свихнувшегося должны быть мотивы.

— Почему?

— Ну что за гнусный способ рассуждений, — сказал он с добродушной досадой. — Если его мотивы не связаны с Габриэлой, почему преступления с ней связаны?

— А мы не знаем, все ли они с ней связаны, — возразил я. Мы знаем только о тех, которые связаны.

Он улыбнулся и сказал:

— Хлебом не корми, дай поспорить, а?

Я ответил:

— С другой стороны, преступления этого ненормального могут быть связаны с Габриэлой потому, что он с ней связан.

Серые глаза Фицстивена снова сделались сонными, он поджал губы и поглядел на дверь, отделявшую мою комнату от комнаты Габриэлы.

— Хорошо, — сказал он, снова повернувшись ко

мне. — Кто же этот маньяк, близкий Габриэле?

— Самый ненормальный и самый близкий Габриэле человек — это сама Габриэла.

Фицстивен встал, прошел через всю комнату — я сидел на кровати — и торжественно потряс мне руку.

— Вы несравненны, — сказал он. — Вы меня изумляете. Потеете по ночам? Высуньте язык и скажите: «А-а».

— Предположим, — начал я, но тут в мою дверь тихонько постучали из коридора.

Я поднялся и открыл дверь. В коридоре стоял человек в мятом черном костюме, худой, моих лет и роста. Он робко смотрел на меня карими глазами и тяжело дышал носом — нос был в красных прожилках.

— Вы меня знаете, — виновато начал он.

— Да. — Я представил его Фицстивену: — Это Том Финк, один из помощников Холдорна в Храме Святого Грааля.

Укоризненно взглянув на меня, Финк стащил с головы мятую шляпу, прошел в другой конец комнаты и пожал руку Фицстивену. После этого он вернулся ко мне и, понизив голос, сказал:

— Я пришел сообщить вам одну вещь.

— Да?

Он мялся и вертел в руках шляпу. Я моргнул Фицстивену и вышел с Финком в коридор. Затворив за собой дверь, я спросил:

— Ну, что у вас?

Финк провел по губам языком, потом тыльной стороной костлявой руки. И все так же полушепотом ответил:

— Я пришел сообщить вам одну вещь, вам надо знать это.

— Да?

— Это насчет Уиддена, которого убили.

— Да?

— Он был...

Дверь моей комнаты разлетелась. Пол, стены, потолок — все вздрогнуло. Грохот был настолько силен, что его не слышало ухо, — он воспринимался всем телом. Тома Финка отбросило от меня. Меня швырнуло в другую сторону, но я успел кинуться на пол и отделался ушибом — просто стукнулся плечом о стену. Полет Финка остановил дверной косяк, затылок его пришелся на острый угол. Он упал лицом вниз и затих, только кровь лилась из головы. Я встал и побрел в номер. Фицстивен лежал посреди комнаты кучей тряпья и растерзанного мяса. Постель моя горела. Ни стекла, ни сетки в окне не осталось. Я отметил все

это механически, когда уже ковылял к комнате Габриэлы. Дверь туда была распахнута — наверное, взрывом.

Габриэла на четвереньках стояла на кровати, головой к изножью, коленями на подушке. Ночная рубашка была разорвана у нее на плече. Зелено-карие глаза блестели из-под свесившихся на лоб каштановых локонов — безумные глаза животного в западне. На остром подбородке блестела слюна. Больше никого в комнате не было.

— Где сиделка? — прохрипел я.

Она ничего не ответила. В глазах, устремленных на меня, стыл ужас.

— Лезьте под одеяло, — приказал я. — Хотите схватить воспаление легких?

Она не пошевелилась. Я подошел к кровати, поднял одной рукой край одеяла, а другой стал укладывать ее, приговаривая:

— Ну-ка, укройтесь.

Она издала горлом какой-то странный звук, опустила голову и острыми зубами впилась мне в руку. Было больно. Я накрыл ее одеялом и вернулся в свою комнату. Пока я выталкивал тлеющий матрац в окно, начали собираться люди.

— Вызовите врача, — велел я первому из них, — и не входите сюда.

Едва я избавился от матраца, как сквозь толпу, уже заполнившую коридор, протолкался Мики Лайнен. Мики мигая посмотрел на останки Фицстивена, на меня и спросил:

— Что за чертовщина?

Углы его вялых, толстых губ опустились, изобразив нечто вроде перевернутой улыбки.

Я лизнул обожженные пальцы и сварливо сказал:

— Сам не видишь, что за чертовщина?

— Вижу. Опять неприятности. — Улыбка на его красном лице приняла нормальное положение. — Как же: где ты, там и они.

Вошел Бен Ролли.

— Тц, тц, тц, — произнес он, озирая комнату. — Как по-вашему, что тут произошло?

— Апельсин, — сказал я.

— Тц, тц, тц.

Вошел доктор Джордж и стал на колени перед телом Фицстивена. Джордж наблюдал за Габриэлой со вчерашнего дня, когда мы привезли ее из пещеры. Это был коротенький, средних лет мужчина, весь, кроме губ, щек, подбородка и переносицы, заросший черными волосами. Волосатыми руками он ощупывал Фицстивена.

— Что делал Финк? — спросил я у Мики.

— Ничего интересного. Я пристроился за ним вчера днем, как только его выпустили на солнышко. Из тюрьмы пошел в гостиницу на Герни-стрит и снял номер. Весь конец дня просидел в публичной библиотеке, читал в подшивках про неприятности нашей девицы — со вчерашнего дня и дальше, дальше назад. Потом поел, вернулся в гостиницу. Мог улизнуть от меня через черный ход. Если не улизнул, то ночевал в номере. Свет у него погас, и я ушел в двенадцать ночи, чтобы к шести часам быть обратно. Он появился в восьмом часу, позавтракал, на поезде приехал в Постои, там пересел на местный автобус — и в гостиницу, спросил тебя. Вот и все дела.

— Будь я проклят! — раздался голос врача. — Он не умер.

Я ему не поверил. У Фицстивена оторвало правую руку и почти всю правую ногу. Тело было исковеркано так, что даже не поймешь, много ли от него осталось; но от лица осталась только половина. Я сказал:

— Там в коридоре еще один, с разбитой головой.

— А, там ничего страшного, — пробормотал врач, не поднимая головы. — Но этот... нет, будь я проклят!

Он вскочил на ноги и стал отдавать распоряжения. Он был взволнован. Из коридора вошли двое. К ним присоединилась сиделка Габриэлы миссис Херман и еще один человек с одеялом. Они унесли Фицстивена.

— Который в коридоре, это Финк? — спросил Ролли.

— Да. — Я повторил ему то, что сказал мне Финк. — Он не успел закончить, помешал взрыв.

— А может быть, бомба была для него, именно чтобы он не успел кончить?

Мики сказал:

— Из Сан-Франциско за ним никто не ехал, кроме меня.

— Может быть, — сказал я. — Мик, пойди посмотри, что там с ним делают.

Мики вышел.

— Это окно было закрыто, — объяснил я Ролли. — Такого звука, как если бы что-то бросили в стекло, перед взрывом не было; и осколков стекла в комнате нет. Кроме того, на окне была сетка, значит, можно утверждать, что бомба попала сюда не через окно.

Ролли вяло кивнул, глядя на дверь в комнату Габриэлы. Я продолжал:

— Мы с Финком разговаривали в коридоре. Я

побежал сюда и сразу в ее комнату. Если бы кто-то выскочил после взрыва из ее комнаты, я непременно бы увидел или услышал. Я видел ее дверь почти все время — сперва снаружи, из коридора, потом изнутри; перерыв был такой, что вы бы чихнуть не успели. Сетка на ее окне цела.

— Миссис Херман с ней не было? — спросил Ролли.

— Не было, хотя полагалось быть. Это мы выясним. Предполагать, что бомбу бросила миссис Коллинсон, бессмысленно. Со вчерашнего дня, с тех пор как мы привезли ее с Тупого мыса, она лежит в постели. Устроить так, чтобы бомбу оставили заранее, она тоже не могла: она не знала, что займет эту комнату. Кроме вас, Фини, Вернона, доктора, сиделки и меня, никто туда не заходил.

— Да разве я говорю, что это ее рук дело? — вяло возразил помощник шерифа. — А что она говорит?

— Пока ничего. Сейчас попробуем, но вряд ли мы много от нее услышим.

Мы и не услышали. Габриэла лежала на кровати, подтянув одеяло к самому подбородку, словно готова была нырнуть под него при малейшей опасности, и в ответ на все наши вопросы впопад и невпопад мотала головой.

Пришла сиделка, грудастая, рыжая женщина на пятом десятке; ее некрасивое веснушчатое лицо и голубые глаза производили впечатление честности. Она поклялась на гостиничной Библии, что покинула больную не больше чем на пять минут — только спустилась за конвертами и бумагой, чтобы написать письмо племяннику в Вальехо; больная в это время спала, а так она от нее ни разу не отходила. В коридоре ей никто не встретился, сказала она.

— Дверь вы оставили незапертой? — спросил я.

— Да, чтобы не будить ее, когда вернусь.

— Где бумага и конверты, которые вы купили?

— Я услышала взрыв и побежала обратно. — На лице ее выразился страх, и даже веснушки побледнели. — Вы что, думаете...

— Займитесь-ка лучше больной, — сказал я грубо.

19. Выродок

Мы с Ролли перешли в мою комнату и прикрыли смежную дверь. Он сказал:

— Тц, тц, тц. В ком, в ком, а в миссис Херман я не сомневался.

— А надо бы, раз сами ее порекомендовали, — заворчал я. — Кто она такая?

— Жена Тода Хермана. У него гараж. До замужества была медсестрой. Я считал ее надежной.

— У нее есть племянник в Вальехо?

— Ага. Шульц. Парнишка работает на Кобыльем острове. Как же она умудрилась впутаться в...

— Скорее всего, никуда она не впутывалась, иначе показала бы нам почтовую бумагу, за которой пошла. Сюда нужно поставить сторожа, чтобы никого не пускал, пока не приедет из Сан-Франциско эксперт по бомбам.

Помощник шерифа вызвал из коридора какого-то человека, и тот с важным видом занял свой пост. Спустившись в холл, мы нашли там Мики Лайнена.

— У Финка проломлен череп, — сообщил он. — Обоих раненых повезли в окружную больницу.

— Фицстивен еще жив? — спросил я.

— Да, и доктор думает, что, если больница у них хорошо оборудована, его спасут. Только зачем? В таком виде все равно не жизнь. Но нашему коновалу — сплошное развлечение.

— Аронию Холдорн тоже выпустили? — спросил я.

— Да. Ее пасет Ал Мейсон.

— Позвони Старику и справься, нет ли от Ала донесений. Расскажи ему, что здесь произошло, и узнай, нашли ли Эндрюса.

— Эндрюса? — спросил Ролли, когда Мики отправился к телефону. — А с ним что?

— Насколько мне известно — ничего. Просто не можем найти. Надо ему сообщить, что миссис Коллинсон вызволили. В конторе его не видели со вчерашнего утра, и никто не говорит, где он.

— Тц, тц, тц. А нет ли особой причины искать его?

— Не хочу нянчиться с девицей до конца жизни, — сказал я. — Он ведет ее дела, отвечает за нее, вот и передам с рук на руки.

Ролли неопределенно кивнул.

Мы вышли на улицу и принялись задавать всем людям подряд все вопросы, приходившие нам в голову. Ответы лишь подтвердили, что оттуда бомбу никто не кидал. Нашлось шесть

человек, которые стояли неподалеку от окон во время взрыва или за секунду до него, и ни один не заметил ничего даже отдаленно похожего на попытку бросить бомбу.

После телефонных переговоров Мики передал, что из городской тюрьмы Арония Холдорн сразу уехала в Сан-Матео к семье Джеффризов и до сих пор гостит у них, а Дик Фоли надеется отыскать Эндрюса в Сосалито.

Из округа прибыли прокурор Вернон и шериф Фини со свитой репортеров и фотографов. Они развили бурную исследовательскую деятельность, но в результате добились лишь места на первых страницах всех газет Сан-Франциско и Лос-Анджелеса, чего, собственно, и добивались.

Габриэлу Леггет я перевел в другой номер, посадил в смежной комнате Мики Лайнена и оставил дверь незапертой. Она теперь могла отвечать Вернону, Финн, Ролли и мне. Узнать у нее удалось немного. Она спала, проснулась от грохота и от того, что кровать заходила ходуном, а потом появился я. Вот и все.

Ближе к вечеру подъехал Макгрог — эксперт полицейского управления в Сан-Франциско. Исползав паркет и изучив осколки того и обломки сего, он вынес предварительное заключение:

бомба была маленькая, из алюминия, с нитроглицерином и фрикционным детонатором — устройство несложное.

— Сработано профессионалом или каким-нибудь любителем? — спросил я.

Макгрог сплюнул табак — он принадлежал к той породе людей, которые жуют сигареты, — и сказал:

— Думаю, что в апельсинах он разбирается, но хорошего материала под рукой не оказалось. Скажу точнее, когда изучу весь этот хлам в лаборатории.

— Часового механизма не было?

— Вроде бы нет.

Из окружного центра вернулся доктор Джордж с новостью — останки Фицстивена все еще дышат. Он так и светился от восторга. Мне пришлось заорать, чтобы до него дошли мои вопросы о Финке и Габриэле. Финк, сказал доктор, вне опасности, а у девушки простуда уже проходит, так что с постели ей можно встать. Я справился об ее нервах, но ему было не до того — не терпелось назад к Фицстивену.

— Хм, да, конечно, — бормотнул он, проскользнув мимо меня к машине. — Покой, отдых, поменьше волнений. — И испарился.

Вечером я ужинал в гостиничном кафе с Верноном и Фини. Оба подозревали, что я рассказал им про бомбу далеко не все, и целый вечер допрашивали, хотя прямо в сокрытии фактов не обвиняли.

После ужина я поднялся в свою новую комнату. Мики лежал с газетой на кровати.

— Пойди поешь, — сказал я. — Что наша детка?

— Встала. Как ты думаешь, у нее все шарики на месте?

— Она что-нибудь выкинула?

— Да нет. Просто в голову лезут мысли.

— Это от голода. Пойди перекуси.

— Слушаюсь, ваше детективное величество, — сказал он и ушел.

В соседней комнате было тихо. Я постоял у дверей, затем постучал.

— Войдите, — раздался голос миссис Херман.

Она сидела у кровати с пяльцами и вышивала на желтоватой тряпке каких-то ярких бабочек. Габриэла Леггет ссутулилась в качалке в другой стороне комнаты, хмуро разглядывая сжатые на коленях руки — сжатые так крепко, что побелели костяшки пальцев и расплющились подушечки. На ней был твидовый костюм, в котором ее похитили, уже очищенный от грязи, но все еще

мятый. При моем появлении она даже не подняла головы. У миссис Херман от вымученной улыбки на щеках сдвинулись веснушки.

— Добрый вечер. — Я старался говорить повеселее. — Инвалидов, похоже, у нас поубавилось.

Габриэла не ответила, но сиделка тут же оживилась.

— И правда, — воскликнула она с наигранным воодушевлением. — Миссис Коллинсон, раз она встала с постели, больной уже не назовешь... даже немного жаль... хе-хе-хе... такой приятной пациентки у меня никогда не было... наши девушки, когда я стажировалась при клинике, часто говорили: чем приятнее пациентка, тем быстрее она уходит от нас, а всякие зануды живут... я хочу сказать, остаются на наших руках... чуть ли не до скончания века. Помню еще...

Я скорчил физиономию и показал головой на дверь. Слова застряли у нее в горле. Лицо покраснело, потом побледнело. Она бросила вышивку, поднялась и дурацки забормотала:

— Да, да, именно так. Мне надо проверить... ну вы знаете что... Извините, на несколько минут отлучусь.

Она быстро засеменила к двери, боком, словно боялась, что я подкрадусь и наподдам ей коле-

ном.

Когда дверь закрылась, Габриэла подняла глаза и сказала:

— Он умер.

Она не спрашивала, а скорей утверждала, но по сути это был вопрос.

— Нет. — Я сел на стул миссис Херман и вытащил сигареты. — Жив.

— Не умрет? — Голос у нее был все еще хриплым от простуды.

— Врачи считают, выживет, — преувеличил я.

— Но останется... — Вопроса она не докончила. Ее хриплый голос показался мне довольно равнодушным.

— Да, останется полным калекой.

— Еще лучше, — сказала она, обращаясь скорее к самой себе, чем ко мне.

Я улыбнулся. Если я не переоцениваю свои актерские таланты, в моей улыбке было лишь веселое добродушие.

— Хорошо вам смеяться, — сказала она печально. — Но от этого не отшутишься. Не выйдет. Оно существует. И будет всегда. — Она посмотрела себе на руки и прошептала: — Проклятие.

С другой интонацией это слово могло бы показаться мелодраматическим, до смешного

манерным. Но она произнесла его как-то машинально, без всяких эмоций, словно по привычке. Я представил, как она лежит в темноте под одеялом и часами шепчет себе это слово, шепчет его своему отражению в зеркале, когда одевается, — и так изо дня в день.

Я поежился и проворчал:

— Бросьте вы. Оттого, что стервозная баба выплеснула на вас свою злобу и ненависть, вовсе не следует...

— Нет, нет. Мачеха выразила словами то, что я чувствовала всегда. Я, правда, не знала, что это в крови у Дейнов, но что у меня в крови — знала. И как не знать? Вон сколько у меня следов вырождения. — Она подошла, приподняла обеими руками кудряшки со лба и висков и повернулась в профиль. — Посмотрите на уши — без мочек, кверху заостряются. У зверей такие уши, а не у людей. — Не опуская волосы, она снова повернулась ко мне лицом. — Теперь посмотрите на лоб — узенький, звериный. А зубы? — Она обнажила белые, острые зубки. — А лицо? — Ее пальцы скользнули вниз по щекам и сошлись под странно узким подбородком.

— Все? — спросил я. — Или раздвоенные копыта тоже покажете? Пусть вы правы, и все это не

совсем обычно. Ну и что? В жилах вашей мачехи текла кровь Дейнов, и она была чудовищем, но где вы видели у нее следы вырождения? Нормальная, здоровая женщина — здоровее некуда.

— Это не довод, — досадливо помотала она головой. — Пусть внешне у нее было все в порядке. А я ненормальная и внешне и внутренне... умственно. Я... — Она присела рядом со мной на край кровати и, упершись локтями в колени, обхватила бледное, измученное лицо ладонями. — В отличие от других людей, я не умею ясно думать о самых простых вещах. В голове одна каша. О чем ни подумаешь, все тут же заволакивается туманом, налезают другие мысли, отвлекают, путаются... я теряю ниточку, ловлю ее в тумане, а только поймаю — все начинается сначала. Понимаете, как ужасно? Жить так годами и знать, что ничего не изменится, если не станет хуже.

— Нет, не понимаю, — сказал я. — По мне, это нормально. Никто не умеет ясно мыслить, разве что притворяется. Думать вообще чертовски трудно: всегда приходится ловить какие-то мельтешащие туманные обрывки и по возможности составлять из них целое. Потому-то люди и цепляются за свои мнения и взгляды — они им так тяжко достаются, что даже самые дурацкие, но

готовые убеждения начинают казаться ясными, здравыми и не требующими доказательств. А стоит их растерять — и снова ныряй в туманную неразбериху, чтобы выудить новые.

Габриэла отняла ладони от лица и застенчиво улыбнулась:

— Странно, что раньше вы мне не нравились. — Она снова стала серьезной. — Однако...

— Никаких «однако», — сказал я. — Вы уже не маленькая, должны знать, что все люди, кроме совсем помешанных и совсем тупых, время от времени находят в себе признаки ненормальности. Чем больше в себе копаешься, тем больше на руках доказательств. А уж как вы в себе копались — такое мало кто выдержит. Ходить и твердить: я — сумасшедшая! Удивительно еще, что вы на самом деле не свихнулись.

— А может быть, свихнулась.

— Нет, вы — нормальный человек, можете мне поверить. Впрочем, не хотите — не верьте. Просто пошевелите мозгами. Ваша жизнь началась чертовски неудачно. С раннего возраста вы попали в плохие руки. Мачеха была чудовищем и сделала все, чтобы сгубить вас, а в конце даже убедила, что над вами тяготеет особое семейное проклятие. Я знаком с вами всего месяца два. За это

время на вашу голову свалились все известные людям беды, к тому же, из-за веры в проклятие, вы считали себя виноватой в них. Так? Ну, и как это на вас сказалось? Почти все время вы находились в трансе, часто — в истерике, а когда был убит муж, решили покончить с собой... но оказались достаточно разумной, чтобы представить, как пуля будет раздирать тело.

Нет, милочка! Я всего лишь наемный сыщик, и ваши беды касаются меня постольку-поскольку, но кое-что из случившегося даже меня выбило из колеи. Кто, как не я, пытался укусить привидение в этом чертовом Храме? А я ведь не молод и ко всему притерпелся. Мало того, сегодня утром чуть ли не у вашей кровати взрывают бомбу с нитроглицерином. И что? Вечером вы уже на ногах, одеты и спорите со мной о своем здоровье.

Если вас и можно назвать ненормальной, то лишь в том смысле, что вы выносливее, здоровее и уравновешеннее обычных людей. И бросьте думать о наследственности Дейнов, подумайте о Мейене. Откуда у вас такая выносливость, как не от него? Почему он выжил на Чертовом острове, в Центральной Америке, в Мексике и не согнулся до самого конца? Вы похожи на него больше, чем на любого из знакомых мне Дейнов. И если есть у

вас следы вырождения — хотя Бог знает, что это такое, — они тоже от него.

Моя речь пришлась Габриэле по душе. Глаза ее сделались почти счастливыми. Но пока я, выдохшись и спрятавшись за табачным дымом, искал другие слова, они опять потускнели.

— Я рада... и признательна, если, конечно, вы говорили искренне. — Она снова прижала ладони к щекам, а в ее голосе появилась безнадежность. — Не знаю, на кого я похожа, но мачеха все же права. И ничего тут не поделаешь. Вы же не станете отрицать, что над моей жизнью и жизнью всех, кто связан со мной, висит черное проклятие?

— А надо мной? Последнее время я только тем и занимаюсь, что торчу около вас, влез во все ваши дела, и ничего не случилось, во всяком случае, ничего серьезного.

— Вы — иное дело, — медленно произнесла она, морща лобик. — Мы с вами в других отношениях. Для вас это только работа.

Я засмеялся:

— Такой аргумент не пройдет. А Фицстивен? Он, конечно, знал вашу семью раньше, но здесь, в гостинице, оказался благодаря мне и поэтому был от вас еще дальше, чем я. Так почему не я

пострадал первым? Может быть, бомба предназначалась мне? Вполне вероятно. Но тогда тут замешано не ваше неотвратимое проклятие, а люди, которые могут допустить промах.

— Вы ошибаетесь, — сказала она, уставившись в коленки, — Оуэн любил меня.

Я решил не выказывать удивления.

— Неужто вы... — начал я.

— Пожалуйста, не надо. Не заставляйте меня рассказывать. Особенно после того, что случилось утром. — Она выпрямилась, вздернула плечи и решительно продолжала: — Вы тут заговорили о неотвратимости. То ли вы не поняли, то ли притворяетесь и делаете из меня дурочку. Я вовсе не верю в неотвратимое проклятие, идущее от дьявола или от Бога, как в случае с Иовом, например. — Она теперь говорила с жаром и уже не хотела менять тему. — И не может ли быть... разве не существуют люди, которые... до мозга костей порочны и отравляют... могут вызывать самое плохое во всех, кто с ними общается?

— Существуют, — почти согласился я. — И могут, когда хотят.

— Нет, нет! Не важно, хотят или не хотят. Вызывают даже тогда, когда отчаянно не хотят. Именно так. Я любила Эрика, он был хороший,

чистый. Вы сами это прекрасно знаете. Вы разбираетесь в людях, а с ним были хорошо знакомы. Я его любила, хотела, чтобы он был... Но когда мы поженились...

Она вздрогнула и протянула мне руки. Руки у нее были сухие, горячие, а кончики пальцев — словно лед. Мне пришлось крепко сжать их, чтобы ногти не вонзились мне в ладони.

— До замужества вы были девушкой?

— Да. Была. Я и сейчас...

— Тут не из-за чего волноваться. Как и у многих, у вас на этот счет идиотские понятия. К тому же вы привыкли к наркотикам. Правильно?

Она кивнула.

— А наркотики, — продолжал я, — подавляют половые потребности, притупляют желание, поэтому естественные, нормальные желания других людей начинают казаться ненормальными. Эрик же слишком сильно любил вас, был молод, видимо, неопытен, а значит — неловок. К чему выдумывать что-то ужасное?

— Дело не только в Эрике, — объяснила она. — Это касается всех мужчин. Не подумайте, что я хвастаюсь, будто много о себе понимаю. Я знаю, что некрасива. Но я не хочу быть порочной. Не хочу. Почему мужчины... Почему все, с кем я...

— Вы случаем не обо мне говорите? — спросил я.

— Нет. Вы же знаете, что нет. Зачем надо мной смеяться?

— Видите, есть исключения. Кто еще? Мадисон Эндрюс, например?

— Вы с ним мало знакомы или мало про него слышали, иначе бы не говорили.

— И то правда, — согласился я. — Но при чем тут проклятие? Значит, у него такая натура. Он что, был очень настойчив?

— Скорее смешон, — сказала она с горечью.

— Давно это было?

— Года полтора. Отцу и мачехе я ничего не сказала. Мне... мне было стыдно, что мужчины так ведут себя со мной, и...

— А откуда вам известно, — проворчал я, — что с другими женщинами они ведут себя по-другому? Откуда вы взяли, что вы такая уж особенная? Если бы у вас был необычайно острый слух, вы бы сейчас услышали, как тысячи женщин в Сан-Франциско жалуются на то же самое, и Бог знает, может, половина из них — даже искренне.

Она отняла у меня свои руки и выпрямилась. Щеки у нее порозовели.

— Сейчас я и на самом деле чувствую себя

глупой.

— Не глупее, чем я. Я вроде бы считаюсь сыщиком. С самого начала я верчусь, как на карусели, вдогонку за вашим проклятием, прикидываю, как оно будет выглядеть, когда мы встретимся лицом к лицу, — и все не могу догнать. Но скоро догоню. Потерпите недельку-другую.

— Вы хотите сказать...

— Я докажу, что ваше проклятие — сплошная чушь, но только на это потребуется несколько дней, может быть, недель.

Глаза у нее стали круглыми, она дрожала, боясь мне поверить, хотя ей очень хотелось.

— Значит, договорились, — сказал я. — Как вы собираетесь жить?

— Я... я не знаю. Вы мне правду говорите? Неужели все это кончится? И я буду... Вы действительно...

— Да. Вам не трудно вернуться на некоторое время в дом над бухтой? Там вы будете в достаточной безопасности, а делу это поможет. Мы бы прихватили миссис Херман и одного-двух из наших людей.

— Хорошо, — согласилась она.

Я посмотрел на часы и встал:

— А сейчас ложитесь спать. Мы переберемся

завтра. Спокойной ночи.

Она прикусила нижнюю губу, собираясь что-то сказать и одновременно стыдясь говорить, но наконец выдавила:

— Мне понадобится морфий.

— Само собой. Какая у вас дневная норма?

— Пять... десять гран.

— Совсем немного, — сказал я и как бы мимоходом спросил: — Он доставляет вам удовольствие?

— Боюсь, я слишком далеко зашла, чтобы об этом думать.

— Начитались газет Херста, — сказал я. — У нас там будет несколько свободных дней, так что, если хотите вылечиться, — я к вашим услугам. Дело несложное.

Она неуверенно рассмеялась, странно кривя губы.

— Уходите, — выкрикнула она. — С меня достаточно обещаний и уверений. Больше я сегодня не выдержу. И так будто пьяная. Пожалуйста, уходите.

— Хорошо. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи... и спасибо.

Я прошел в свою комнату и закрыл дверь. Мики свинчивал с бутылки крышку. Колени у него бы-

ли в пыли. Он придурковато улыбнулся и сказал:

— Обольститель! Чего ты добиваешься? Захотелось обзавестись семьей?

— Тише. Что нового?

— Окружные умники убрались восвояси. Когда я возвращался из кафе, рыжая сиделка торчала у замочной скважины. Я отогнал.

— И занял ее место? — спросил я, кивнув на его грязные колени.

Но Мики трудно смутить.

— Черт, нет, конечно, — ответил он. — Она торчала у другой двери, в коридоре.

20. Дом над бухтой

Я вывел из гаража машину Фицстивена и отвез Габриэлу с миссис Херман в дом над бухтой. Габриэла была в подавленном настроении. Она пыталась улыбаться, когда к ней обращались, но сама ни с кем не заговаривала. Я решил, что ее угнетает мысль о возвращении в дом, где она жила с Коллинсоном, но когда мы приехали, вошла она туда без видимой неохоты и от пребывания там мрачнее не стала.

После второго завтрака — миссис Херман оказалась хорошей стряпухой — Габриэла решила, что хочет погулять, и мы вдвоем пошли в мексиканский поселок к Мери Нуньес. Мексиканка пообещала вернуться на работу завтра. По-видимому, она хорошо относилась к Габриэле — но не ко мне.

Мы возвращались берегом, пробираясь между камней. Шли медленно. Габриэла хмурила брови. Заговорили мы только тогда, когда до дома оставалось полкилометра. Тут она села на круглый камень, нагретый солнцем.

— Вы помните, что сказали мне вчера вечером? — спросила она, причем от спешки слова

набегали одно на другое. Вид у нее был испуганный.

— Да.

— Скажите еще раз, — попросила она, сдвинувшись на край камня. — Сядьте и скажите все, как тогда.

Я подчинился. Из слов моих получалось, что угадывать характер по форме ушей так же глупо, как по звездам, кофейной гуще или плевку на песке; каждый, кто взялся искать в себе признаки душевной болезни, найдет их сколько угодно, ибо всякое сознание, кроме самого тупого, — штука запутанная; что же до нее, Габриэлы, то от Дейнов в ней мало, а что есть, не очень ее испортило, — и уж если ей хочется думать, что характер передается по наследству, то в ней гораздо больше от отца; опять же, нет никаких признаков того, что она влияет на близких хуже, чем другие, да и вообще сомнительно, чтобы люди в большинстве своем так уж хорошо влияли на людей другого пола, а она вдобавок слишком молода, неопытна и занята собой, чтобы судить о своей исключительности в этом отношении; за несколько дней я берусь доказать, что беды ее проистекают не из какого-то проклятия, а из гораздо более заурядного, вещественного и уголовно наказуемого

источника; с морфием же расстаться ей будет нетрудно — она еще не настолько втянулась, да и темперамент ее благоприятствует лечению.

Я развивал перед ней эти идеи минут сорок пять и, кажется, не ударил лицом в грязь. Страх понемногу уходил из ее глаз. Под конец даже появилась улыбка. Когда я умолк, она вскочила, сцепив руки, и засмеялась.

— Спасибо, спасибо, — залепетала она. — Прошу, не давайте мне в вас разувериться. Заставляйте верить, даже если... Нет. Неправильно. Сделайте так, чтобы я всегда вам верила. Погуляем еще.

Я чуть ли не бежал за ней всю дорогу до дому — и всю дорогу она тараторила. Мики Лайнен сидел на террасе. Габриэла ушла в дом, а я задержался.

— Тц, тц, тц, как говорит мистер Ролли. — Мики ухмыльнулся и помотал головой. — Надо рассказать ей, что стало с той несчастной доверчивой девушкой в Отравилле.

— Привез какие-нибудь новости из городка? — спросил я.

— Эндрюс объявился. Был в Сан-Матео, у Джеффризов, где живет Арония Холдорн. Она и сейчас там. Эндрюс гостил у них со вторника до прошлого вечера. Ал наблюдал за домом, но видел

только, как он приехал и уехал; что он там делал, не знает. Самих Джеффризов нет — они в Сан-Диего. Эндрюса сейчас пасет Дик. Ал говорит, что холдорнская вдова из дому не выходила. Ролли сказал, что Финк очнулся, но про бомбу ничего не знает. Фицстивен пока дышит.

— Я, пожалуй, смотаюсь туда к концу дня, потолкую с Финком, — сказал я. — Сиди здесь. Да, и вот что: поуважительней со мной при миссис Коллинсон. Важно, чтобы она продолжала считать меня чем-то особенным.

— Привези выпить, — сказал Мики. — Трезвый не смогу.

Когда я вошел в палату, Финк лежал на высоких подушках. По его словам, он ничего не знал о бомбе, а явился в Кесаду только с одной целью: сообщить, что Харви Уидден — его пасынок, сын его скрывшейся жены, женщины-тяжеловоза.

— Ну и что из этого? — спросил я.

— Не знаю, что из этого, только он пасынок, и я думал, вам это будет интересно.

— С какой стати?

— В газетах пишут, будто бы вы сказали, что между здешними событиями и тамошними есть какая-то связь, а этот здоровый сыщик сказал, будто бы вы сказали, что я о чем-то умалчиваю.

А мне неприятностей и так хватало — я решил пойти к вам и доложить про пасынка, чтобы вы не говорили, будто я не все сказал.

— Да? Тогда скажите, что вы знаете о Мадисоне Эндрюсе.

— Ничего я о нем не знаю. И самого его не знаю. Он у ней опекун какой-то? Я прочел в газетах. А его не знаю.

— Арония Холдорн знает.

— Она, может, и знает, а я — нет. Я просто работал у Холдорнов. Для меня это была просто работа, и больше ничего.

— А для вашей жены?

— То же самое — работа.

— Где жена?

— Не знаю.

— Почему она сбежала из Храма?

— Я вам уже говорил, не знаю. Боялась неприятностей... А кто бы не сбежал, подвернись такой случай?

Сестра, все время хлопотавшая рядом, мне надоела, и я пошел из больницы в суд, в контору окружного прокурора. Вернон широким жестом отодвинул стопку документов, энергично кивнул и оскалил зубы:

— Рад вас видеть, присаживайтесь.

Я сел и сказал:

— Беседовал с Финком. Ничего не добился — но нам нельзя с него слезать. Кроме как с ним, бомба попасть туда не могла.

— А мотивы? К тому же там находились вы. Говорите, что не спускали с него глаз, пока он был в комнате. Говорите, что ничего не заметили.

— Что из того? — спросил я. — Тут он мог меня перехитрить. Он же работал механиком у фокусников. Такой сумеет и бомбу сделать, и подложить ее так, чтобы никто не заметил. Это его специальность. Мы не знаем, что видел Фицстивен. Мне сказали, что он выкарабкается. А до тех пор давайте не слезать с Финка.

Вернон лязгнул зубами и сказал:

— Отлично, мы его задержим.

Я прошел по коридору в контору шерифа. Самого Фини не было, но его главный помощник — тощий, рябой человек по фамилии Суит — сказал, что, судя по тому, как Фини обо мне отзывался, он, Фини, хочет, чтобы мне оказывали всяческое содействие.

— Прекрасно, — сказал я. — В настоящее время меня интересует, как достать бутылки две... джина, виски — словом, чего получше.

Суит почесал кадык и ответил:

— Прямо не знаю, что вам сказать. Может быть, у лифтера? Пожалуй, его джин будет надежнее всего. Слушайте, Дик Коттон аж посинел, так хочет вас видеть. Поговорите с ним?

— Поговорю, хотя не понимаю зачем.

— Ладно, сходите и возвращайтесь.

Я вышел и вызвал лифт. Лифтер — с согнутой от старости спиной и пожелтелыми усами — прибыл в нем один.

— Суит сказал, что, может быть, вы знаете, где мне добыть пару бутылок белого, — сказал я.

— С ума он сошел, — проворчал лифтер, но, ничего не услышав от меня в ответ, продолжил: — Уходить будете этой дорогой?

— Да, немного погодя.

Он закрыл дверь. Я вернулся к Суиту. Суит провел меня по крытой галерее, соединявшей здание суда с тюрьмой в тылу, и оставил с Коттоном в маленькой железной камере. Два дня тюрьмы не принесли пользы полицейскому начальнику Кесады. Он посерел лицом, нервничал, а когда говорил, ямочка у него на подбородке дергалась. Сообщить он мне мог только одно: что он не виновен.

— Допускаю, но вы сами заварили эту кашу. — Ничего лучше я не придумал в ответ. — Все улики

против вас. Не знаю, хватит их, чтобы вас приговорить, или нет, — зависит от вашего адвоката.

— Чего он хотел? — спросил Суит, когда я вернулся.

— Сказать мне, что не виновен.

Помощник опять почесал кадык и спросил:

— А что, для вас это важно?

— Ну да, ночи не сплю из-за этого. До свидания.

Я пошел к лифту. Лифтер сунул мне завернутую в газету четверть и сказал:

— Десятка.

Я заплатил ему, спрятал покупку в машине Фицстивена, нашел переговорный пункт и позвонил в аптеку Вика Далласа в Сан-Франциско.

— Мне нужно, — сказал я Вику, — пятьдесят гран М. и восемь порций этой твоей каломели-ипекакуаны-атропина-стрихнина-жостера. Я попрошу кого-нибудь из агентства забрать пакет сегодня вечером или завтра утром. Хорошо?

— Ну хорошо, раз хорошо, только, если кого-нибудь отравишь, не говори, где взял.

— Ага, — ответил я, — он потому отравится, что мне не выдали паршивого аптекарского диплома.

Я заказал еще один разговор с Сан-Франциско — с агентством — и поговорил со Стариком.

— Можете выделить мне еще одного оперативника? — спросил я.

— Свободен Макман, или он может подменить Дрейка. Кого предпочитаете?

— Макман годится. По дороге пусть заедет в аптеку Далласа и заберет пакет. Он знает, где это.

Старик сказал, что новых сведений об Аронии Холдорн и Эндрюсе не поступало. Я поехал обратно в дом над бухтой. У нас были гости. На дорожке стояли три пустых автомобиля, а на террасе вокруг Мики сидело и стояло с полдюжины газетчиков. Они накинулись на меня.

— Миссис Коллинсон здесь отдыхает, — сказал я. — Никаких интервью, никаких снимков. Оставьте ее в покое. Будут новости, дам знать — тем, кто от нее отстанет. Единственное, что могу сказать сейчас, — Финк задержан как виновник взрыва.

— Зачем приехал Эндрюс? — спросил Джек Сантос.

Для меня это не было сюрпризом: я ожидал, что он появится, коль скоро покинул убежище.

— Спросите у него, — предложил я. — Он занимается наследством миссис Коллинсон. Из того, что он приехал к ней, вы никакой сенсации не сделаете.

— Это правда, что они не ладят?

— Нет.

— Тогда почему он не объявился раньше — вчера или позавчера?

— Спросите у него.

— Правда ли, что он по уши в долгах или был в долгах до того, как занялся имуществом Леггетов?

— Спросите у него.

Сантос улыбнулся, поджал губы и сказал:

— А нам незачем: мы поспрашивали его кредиторов. Есть ли что-нибудь в слухах, будто дня за два до убийства Коллинсона у супругов была ссора из-за чересчур горячей дружбы миссис Коллинсон с Уидденом?

— Все есть, кроме правды, — ответил я. — Сочувствую. Вокруг такого сюжета можно было бы много нагородить.

— Может быть, еще не все потеряно, — сказал Сантос. — Правда ли, что она расплевалась с родней мужа и старик Хьюберт обещал снять с себя последнюю рубашку, лишь бы миссис Коллинсон расплатилась за свое участие в убийстве его сына?

Этого я не знал. Я сказал:

— Не будьте ослом. Хьюберт нас нанял, чтобы

опекать ее.

— Правда ли, будто Том Финк и миссис Холдорн пообещали рассказать все как есть в случае, если их предадут суду?

— Вы смеетесь надо мной, Джек, — сказал я. — Эндрюс еще здесь?

— Да.

Я вошел в дом, позвал за собой Мики и спросил его:

— Дика видел?

— Он проехал мимо через минутку после Эндрюса.

— Выберись отсюда потихоньку и найди его. Скажи, чтобы не попадался на глаза газетчикам, пусть лучше потеряет ненадолго Эндрюса. Если узнают, что мы за ним следим, они очумеют и полезут на первые полосы, а мне это нежелательно.

По лестнице спускалась миссис Херман. Я спросил у нее, где Эндрюс.

— Наверху.

Я пошел туда. Габриэла в темном шелковом платье с глубоким вырезом сидела на краешке кожаной качалки, напряженно выпрямившись. Лицо у нее было белое и угрюмое. Двумя руками она растягивала носовой платок и смотрела на

него. Когда я вошел, она подняла на меня глаза и как будто обрадовалась. Эндрюс стоял спиной к камину. Белые усы и брови на красном костистом лице, белые волосы — все топорщилось. Он перевел хмурый взгляд с Габриэлы на меня, но, кажется, не обрадовался. Я сказал: «Здравствуйте» — и оперся задом на край стола.

Он сказал:

— Я приехал, чтобы забрать миссис Коллинсон в Сан-Франциско.

Она молчала. Я спросил.

— Не в Сан-Матео?

— Как вас понимать? — Белые кустистые брови сползли еще ниже и наполовину прикрыли голубые глаза.

— А Бог его знает. Может быть, меня газетчики заразили нескромным любопытством.

Он едва заметно вздрогнул.

— Миссис Холдорн пригласила меня как юриста, — произнес он, взвешивая каждое слово. — Я поехал к ней с намерением объяснить, что в данных обстоятельствах не могу ни консультировать, ни представлять ее.

— Да мне-то что, — сказал я. — А если вам пришлось объяснять свою мысль тридцать часов, это опять же никого не касается.

— Вот именно.

— Но... я бы на вашем месте подумал, как теперь разговаривать с репортерами внизу. Вы же знаете, какие они подозрительные — без всяких на то оснований.

Он снова обратился к Габриэле и сказал тихо, но с оттенком раздражения:

— Так вы едете со мной, Габриэла?

— Я должна? — спросила она у меня.

— Нет, если не очень хотите.

— Я... Я не хочу.

— Тогда решено, — сказал я.

Эндрюс кивнул, подошел к ней, чтобы пожать руку, и сказал:

— Очень жаль, дорогая, но мне надо вернуться в город. Хорошо бы установить здесь телефон, чтобы вы могли со мной связаться в случае надобности.

Он отклонил ее предложение пообедать с нами, довольно любезно попрощался со мной и вышел. Я видел в окно, как он садился в машину, стараясь не обращать внимания на обступивших его газетчиков.

Когда я отвернулся от окна, Габриэла смотрела на меня нахмурясь.

— На что вы намекали, когда сказали ему о

Сан-Матео? — спросила она.

— Он очень дружен с Аронией Холдорн? — спросил я.

— Понятия не имею. А что? Почему вы с ним так разговаривали?

— Приемы сыска. К тому же ходят слухи, что, занявшись вашим наследством, он заодно сумел поправить и свои дела. Может быть, это просто болтовня. Но не мешает припугнуть его, чтобы, пока не поздно, занялся приборкой — если он в самом деле мудрил. Какой вам смысл терять деньги в дополнение к остальным неприятностям?

— Значит... — начала она.

— У него есть неделя или дней пять, чтобы распутаться с вашими делами. Этого должно хватить.

— Но...

Нас прервала миссис Херман, позвав обедать.

Габриэла почти не прикоснулась к еде. Беседу вели в основном мы с ней, но потом я втянул в разговор Мики, и он стал рассказывать об одном своем деле в городе Юрика, где ему пришлось изображать иностранца, не понимающего по-английски. Поскольку другими языками, кроме английского, он не владеет, а в Юрике непременно встретишь представителя любой

национальности на свете, ему было чертовски трудно скрыть, к какой именно национальности он принадлежит. Мики сделал из этого длинный и смешной рас сказ. Может быть, кое-что там было правдой: он всегда получал большое удовольствие, изображая из себя вторую половину полоумного.

После обеда мы с ним вышли прогуляться в сгущавшихся весенних сумерках.

— Макман приедет утром, — сказал я ему. — Будете с ним на стреме. Смены поделите как вам удобно, но один непременно должен быть на посту.

— Себе работку поприятней выбрал, — пожаловался он. — Ты что тут устраиваешь — западню?

— Возможно.

— Возможно. Ну да. Сам не знаешь, что затеваешь. Просто время тянешь — авось подфартит.

— Плоды умной стратегии тупицам всегда кажутся фартом. У Дика есть новости?

— Нет. Из дома Эндрюс приехал прямо сюда.

Парадная дверь открылась, и на террасу упал желтый свет. В желтом проеме появилась Габриэла в темной накидке, закрыла дверь и спустилась на дорожку.

— Вздремни, если хочешь, — сказал я Мики. — Я

тебя вызову, когда вернусь. Тебе ведь до утра на часах стоять.

— Ну и миляга же ты. — Он засмеялся в темноте. — Ей-богу, миляга.

— Там в автомобиле четверть джина.

— Ну? Что же ты сразу не сказал, а мучил меня разговорами? — Он устремился прочь, и трава зашелестела у него под ногами.

Я вернулся на дорожку, подошел к Габриэле.

— Правда, красивая ночь? — сказала она.

— Но вам не стоит бродить в темноте, даже если неприятности ваши практически кончились.

— Я и не собиралась, — ответила она, взяв меня под руку. — А что значит: практически кончились?

— Осталось разобраться кое с какими мелочами — например, с морфием.

Она поежилась и сказала:

— Мне хватит только на сегодняшний вечер. Вы обещали...

— Утром прибудут пятьдесят гран.

Она молчала, как будто дожидаясь, что я еще скажу. Я больше ничего не сказал. Она помяла мне рукав.

— Вы говорили, что вылечить меня будет нетрудно. — Она произнесла это полувопроси-

тельно, словно думала, что я буду отпираться.

— Нетрудно.

— И что можно будет... — Она оборвала фразу.

— Заняться этим, пока мы здесь?

— Да.

— Хотите? — спросил я. — Если нет, то и смысла нет.

— Хочу ли я? — Она остановилась на дороге и повернулась ко мне. — Я бы отдала... — Она всхлипнула и не закончила фразу. Потом снова заговорила тонким, звенящим голосом: — Вы искренни со мной? То, что вы мне говорили... все, что говорили вчера вечером и сегодня, — это правда, или вы меня морочите? Я вам верю. Но вы... вы правду говорите? Или просто научились — для пользы дела — морочить людям голову?

Возможно, она была помешанной, но дурой не была. Я дал ответ, который счел сейчас наилучшим:

— Ваше доверие ко мне зиждется на моем доверии к вам. Если мое не оправдано, то и ваше тоже. Поэтому разрешите сперва задать вопрос: вы лгали мне, когда сказали: «Не хочу быть порочной?»

— Нет, не хочу. Не хочу.

— Хорошо, — сказал я с решительным видом, словно все сомнения теперь отпали. — Раз вы

хотите избавиться от этой, дряни, мы избавимся.

— Сколько... сколько для этого надо времени?

— Ну, скажем, неделя. Для верности. Может быть, меньше.

— Нет, правда? Не больше?

— В решающей части — нет. Какое-то время после этого вам надо остерегаться, пока организм не перестроится, но от привычки вы уже избавитесь.

— Мне будет очень тяжело?

— Денька два будут плохие; но не такие плохие, как вам покажется, и отцовский характер поможет вам выдержать.

— А если, — медленно сказала она, — я пойму, что это мне не по силам, можно будет...

— Дать задний ход? Нет уж, — весело пообещал я. — Билет вы берете в один конец.

Она опять поежилась и спросила:

— Когда мы начнем?

— Послезавтра. Завтра угоститесь, как обычно, только не набирайтесь впрок. И не надо волноваться. Мне придется хуже, чем вам: мне придется вас терпеть.

— Но вы сделаете скидку... отнесетесь с пониманием... если в это время буду вести себя не совсем воспитанно? Даже если стану злобной?

— Не знаю. — Мне не хотелось заранее давать ей индульгенцию. — Что же это за воспитанность, если от небольших неудобств она превращается в злобу?

— Да, но... — Она запнулась, наморщила лоб и сказала: — А нельзя отослать миссис Херман? Я не хочу... не хочу, чтобы она видела меня.

— Утром ее отправлю.

— Если я... вы не будете пускать ко мне других, если... если буду безобразничать?

— Не буду пускать, — пообещал я. — Слушайте, по-моему, вы собираетесь устроить представление. Перестаньте об этом думать. Будьте паинькой. Без фокусов, прошу вас.

Она неожиданно засмеялась и спросила:

— А если буду фокусничать, побьете?

Я сказал, что возраст у нее вполне юный, отшлепать иногда не мешает.

21. Арония Холдорн

На другое утро в половине восьмого появилась Мери Нуньес. Мики Лайнен отвез миссис Херман в Кесаду, а обратно привез Макмана и запас еды.

Приземистый, широкоплечий Макман был отставным солдатом и сохранил военную выправку. За десять лет службы его угрюмое лицо с жестким ртом и тяжелой челюстью приобрело цвет мореного дуба. Он был отличный солдат: шел, куда послали, стоял, где поставили, делал, что приказали, — на другое у него не хватило бы воображения.

Он передал мне пакет от аптекаря. Десять гран морфия я отнес наверх Габриэле. Она завтракала лежа. Глаза у нее слезились, лицо было влажное и сероватое. Увидев у меня порошки, она отодвинула поднос и, поеживаясь, нетерпеливо протянула руки.

— Вернетесь через пять минут? — спросила она.

— Можете при мне. Я не покраснею.

— Зато я покраснею, — сказала она и покраснела.

Я вышел, закрыл дверь и, прислонившись к

ней, услышал шелест бумажки и звяканье ложки в стакане с водой. Потом она позвала:

— Можно.

Я снова вошел. От порошка осталась только скомканная бумажка на подносе. Остальные исчезли. Габриэла лежала на подушках, полуприкрыв глаза, довольная, как кошка, наевшаяся золотых рыбок. Она лениво улыбнулась мне и сказала:

— Вы прелесть. Знаете, чего мне хочется? Поесть, пойти на море и весь день плавать под солнцем.

— Это будет вам полезно. Возмьмите Лайнена или Макмана. Одной выходить нельзя.

— А вы что будете делать?

— Поеду в Кесаду, потом в центр округа и, может быть, даже в Сан-Франциско.

— А мне с вами нельзя?

Я помотал головой:

— У меня дела, а вам надо отдыхать.

— Ну да, — сказала она и взяла с подноса кофе. Я повернулся к двери. — А остальной морфий? — Она говорила с чашкой у рта. — Вы надежно спрятали, никто не найдет?

— Никто. — Я улыбнулся ей и похлопал себя по карману пиджака.

В Кесаде я потратил полчаса на разговор с Ролли и чтение сан-францисских газет. Еще немного, и их вопросы и намеки в адрес Эндрюса перешли бы в разряд клеветы. Неплохо. Помощник шерифа ничего нового мне не сообщил.

Я отправился в центр округа. Вернон был в суде. Двадцатиминутная беседа с шерифом ничего не прибавила к моим познаниям. Я позвонил в агентство Старику. По его словам, наш клиент Хьюберт Коллинсон выразил удивление тем, что мы продолжаем операцию, — он счел, что со смертью Уиддена убийство его сына разъяснилось.

— Скажите ему, что не разъяснилось, — ответил я. — Убийство Эрика связано с несчастьями Габриэлы, и окончательно разобраться в одном мы не можем, пока не разобрались в другом. На это уйдет, наверное, еще неделя. В Коллинсоне не сомневайтесь, — уверил я Старика. — Он согласится, если вы ему объясните.

— Будем надеяться, — холодно сказал Старик, по-видимому, не слишком обрадованный тем, что пять агентов продолжают заниматься работой, за которую клиент, возможно, и не захочет платить.

Я поехал в Сан-Франциско, пообедал в «Сен-Жермене», зашел к себе, чтобы взять другой

костюм, свежие рубашки и прочее, и вернулся в дом над бухтой в первом часу ночи. Когда я загонял машину под навес — мы все еще ездили на машине Фицстивена, — из темноты возник Макман. Он сказал, что происшествий не было. Мы вместе вошли в дом. Мики сидел на кухне и, зевая, наливал себе стакан перед тем, как сменить в карауле Макмана.

— Миссис Коллинсон уже легла? — спросил я.

— Свет у нее еще горит. Весь день просидела у себя в комнате.

Мы выпили втроем, а потом я поднялся наверх и постучался к Габриэле.

— Кто там? — спросила она.

Я ответил. Она сказала:

— Да?

— Утром не завтракайте.

— Вот как? — Затем, словно что-то вспомнив: — Ах, да, я решила больше не обременять вас своими болезнями. — Она открыла дверь и стояла передо мной, улыбаясь чересчур любезно и заложив пальцем книгу. — Как вы съездили?

— Хорошо. — Я вынул из кармана оставшийся морфий и, протянул ей. — Тогда мне незачем его носить.

Она не взяла порошки. И, смеясь мне в лицо,

сказала:

— А вы в самом деле зверь, а?

— Вам же лечиться, не мне. — Я сунул порошки в карман. — Если вы... — Я замолчал и прислушался. В коридоре скрипнула половица. Потом раздался мягкий звук: как если бы босую ногу опустили на пол.

— Мери меня сторожит, — весело прошептала Габриэла. — Она постелила себе на чердаке, не захотела идти домой. Считает, что с вами и вашими друзьями мне жить небезопасно. Она предупредила меня, сказала, что вы... как же она выразилась?.. Ах, да — волки. Это правда?

— В общем, да. Не забудьте — утром не завтракать.

На другой день я дал ей первую порцию смеси Вика Далласа, а потом еще три с интервалами в два часа. Весь день она провела у себя в комнате. Это было в субботу.

В воскресенье Габриэла получила десять гран морфия и весь день была в хорошем настроении, считая себя почти что исцеленной.

В понедельник приняла оставшуюся часть далласовского снадобья, и день прошел примерно так же, как суббота. Из окружного центра вернулся Мики Лайнен с известием, что Фицстивен

пришел в себя, но так слаб и так забинтован, что не смог бы говорить, даже если бы позволили врачи; Эндрюс опять навещал Аронию Холдорн в Сан-Матео; она, в свою очередь, хотела навестить в больнице Финка, но служба шерифа ее не пустила.

Вторник был богаче событиями.

Когда я принес Габриэле апельсиновый сок на завтрак, она встретила меня одетой. Глаза у нее блестели, она была возбуждена, разговорчива, то и дело смеялась, покуда я не обронил между прочим, что морфия ей больше не будет.

— То есть как, никогда? — На лице ее была паника, в голосе тоже. — Нет, вы серьезно?

— Да.

— Я умру. — На глазах выступили слезы, потекли по белому личику, и она заломила руки. Выглядело это по-детски трогательно. Пришлось напомнить себе, что слезы — один из симптомов абстиненции у морфиниста. — Так ведь неправильно. Я не рассчитывала получить сколько обычно. Я понимаю, что с каждым днем надо меньше. Но не сразу же. Вы пошутили. Это меня убьет. — При мысли, что ее убивают, она опять заплакала.

Я заставил себя рассмеяться так, будто я и со-

чувствую, и забавляюсь.

— Чепуха. Самым трудным для вас будет непривычная бодрость. Но денька через два все уляжется.

Она покусала губы, улыбнулась через силу и протянула ко мне обе руки.

— Я буду вам верить, — сказала она. — Я верю вам. Буду верить, что бы вы ни сказали.

Руки у нее были холодные и влажные. Я сжал их и ответил:

— Ну и отлично. А теперь в постель. Время от времени буду заглядывать, а если вам что-нибудь понадобится, позовите сами.

— Сегодня вы не уедете?

— Нет, — пообещал я.

Весь день она держалась довольно стойко. Правда, смех ее в промежутках между приступами чихания и зевоты звучал не очень жизнерадостно, но, главное, она пыталась смеяться.

В начале шестого приехал Мадисон Эндрюс. Я увидел, как он подъезжал, и встретил его на террасе. Его красноватое лицо сделалось бледно-оранжевым.

— Добрый вечер, — вежливо сказал он. — Я хочу видеть миссис Коллинсон.

— Я передам ей все, что пожелаете.

Он нахмурил белые брови, и лицу его отчасти вернулся прежний красный оттенок.

— Я хочу ее видеть. — Это был приказ.

— Она вас видеть не хочет. Надо что-нибудь передать?

Теперь краснота вернулась полностью. Глаза у него сверкали. Я стоял между ним и дверью. Он не мог войти, пока я так стоял. Казалось, он готов оттолкнуть меня с дороги. Меня это не пугало: он был на десять килограммов легче и на двадцать лет старше.

Он набычился и заговорил властным тоном:

— Миссис Коллинсон должна вернуться со мной в Сан-Франциско. Она не может здесь оставаться. Это нелепая ситуация.

— Она не поедет в Сан-Франциско, — сказал я. — Если надо, окружной прокурор задержит ее здесь как свидетельницу. Попробуете вытащить ее судебным решением — мы вам устроим другие хлопоты. Говорю это, чтобы вы знали нашу позицию. Мы докажем, что ей может грозить опасность с вашей стороны. Откуда нам знать, что вы не ловчили с наследством? Откуда нам знать, что вы не хотите воспользоваться ее нынешним подавленным состоянием и избежать неприятностей в связи с наследством? Да, может,

вы вообще хотите отправить ее в сумасшедший дом, чтобы распоряжаться ее наследством.

Глаза у него сделались больные, хотя в остальном он выдержал залп неплохо. Сглотнув раз-другой и продышавшись, он спросил:

— Габриэла этому верит? — Лицо у него было пурпурное.

— При чем тут «верит»? — Я пытался говорить вежливо. — Я вам просто объясняю, с чем мы явимся в суд. Вы юрист. Вы же понимаете: между истиной и тем, что поступает в суд — или в газеты, — необязательно должна быть связь.

Теперь у него не только глаза были болезненными: краска ушла с лица, оно обмякло; однако он держался прямо и даже сумел ответить ровным голосом:

— Можете передать миссис Коллинсон, что на этой неделе я сдам в суд завещательные распоряжения, а также свой отчет по наследству и заявление о том, что слагаю с себя обязанности душеприказчика.

— Вот и отлично, — сказал я, но, когда старикан зашаркал к своей машине и медленно взобрался на сиденье, мне стало жалко его.

Габриэле я не сказал о его визите.

Теперь между приступами зевоты и чихания

она потихоньку скулила, а из глаз у нее текли слезы. Лицо, грудь и руки были мокры от пота. Есть она не могла. Я накачивал ее апельсиновым соком. Звуки и запахи, даже самые слабые и приятные, действовали ей на нервы, и она все время дергалась на кровати.

— Мне будет еще хуже? — спросила она.

— Не намного. Перетерпеть вполне сможете.

Когда я спустился, меня поджидал внизу Мики Лайнен.

— Мексиканка ходит с пером, — любезно сообщил он.

— Да?

— Да. Я им шкурил лимоны, чтобы вонь отбить в твоем уцененном джине — или ты взял его напрокат, и хозяин знал, что он вернется, — все равно пить его никто не сможет? Ножичек сантиметров десять — двенадцать, нержавеющей стали, так что, когда она воткнет его тебе в спину, ржавчины на майке не останется. Я не мог его найти и спросил ее; она, натурально, сказала, что ничего не знает. Но поглядела на меня как-то по-другому, не как на отравителя колодцев, а поскольку с ней такое в первый раз, я понял, что она и взяла.

— Хорошо соображаешь, — сказал я. — Ладно,

приглядывай за ней. Она не очень нас любит.

— Мне приглядывать? — Мики ухмыльнулся. — Я думал, каждый будет сам оглядываться, тем *более* что зуб она точит в особенности на тебя, значит, тебя, скорее всего, и подколет. Что ты ей сделал? Не такой же ты дурак, чтобы надсмеяться над чувствами мексиканской дамы?

Остроумным мне это не показалось; впрочем, я мог и ошибиться.

Арония Холдорн приехала под самый вечер на «линкольне», и негр-шофер завел сирену еще у ворот. Когда она взвыла, я сидел у Габриэлы. Беспардонный сигнал, по-видимому, сильно подействовал на ее натянутые нервы, и она чуть не выскочила из постели от ужаса.

— Что это? Что это? — взвизгивала она, стуча зубами и дрожа всем телом.

— Тихо, тихо, — успокаивал я. Из меня уже выработалась неплохая сиделка. — Просто автомобильный гудок. Гости. Сейчас сойду вниз и спроважу.

— Вы никого ко мне не пустите? — умоляюще спросила она.

— Нет. Лежите смирно, скоро вернусь.

Арония Холдорн стояла у лимузина и разговаривала с Макманом. В сумерках, между черным

манто и черной шляпой, лицо ее было тусклой овальной маской — и только светящиеся глаза казались живыми. — Здравствуйте, — сказала она и протянула руку. Голос у нее был такой, что по спине у меня проходили теплые волны. — Я рада, что миссис Коллинсон на вашем попечении. И ей и мне вы были надежным защитником — мы обе обязаны вам жизнью.

Все это было чудесно, но такое я уже слышал. Я скромно отмахнулся от похвалы и упредил ее первый ход:

— Мне жаль, но она не сможет вас принять. Ей нездоровится.

— А-а, мне так хотелось увидеться с ней, пусть на минутку. Вы не думаете, что это улучшит ее самочувствие?

Я ответил, что мне самому жаль. Она, по-видимому, приняла это как окончательное решение, однако сказала:

— Я специально приехала из Сан-Франциско, чтобы повидать ее.

Я ухватился за этот повод:

— Разве мистер Эндрюс вам не сказал... — и повесил начало фразы в воздухе.

На это Арония Холдорн не ответила. Она повернулась и медленно пошла по траве. Мне не

оставалось ничего другого, как пойти рядом с ней. Сумерки сгущались. Когда мы отошли от машины шагов на пятнадцать, она сказала:

— Мистеру Эндрюсу показалось, что вы его подозреваете.

— Он не ошибся.

— В чем вы его подозреваете?

— В манипуляциях с наследством. Учтите, я в этом не уверен, а только подозреваю.

— На самом деле?

— На самом деле, — сказал я, — больше ни в чем.

— Да? По-моему, и этого вполне достаточно.

— Для меня достаточно. Не думал, что и для вас тоже.

— Простите?

Мне не нравилось, как у меня развивается разговор с этой женщиной. Я ее опасался. Я сгреб известные мне факты, подсыпал сверху догадок и прыгнул с этой кучи в неизвестное:

— Освободившись из тюрьмы, вы позвали Эндрюса, вытянули из него все, что он знает, и, уяснив, что он мудрит с деньгами барышни, воспользовались этим, чтобы запутать следствие и навести подозрение на него. Наш старикан имеет слабость к прекрасному полу: легкая по-

жива для такой женщины, как вы. Не знаю, что вы собираетесь с ним делать, но вы завели его, а потом навели на него газетчиков. Ведь это вы, я думаю, шепнули им о его непомерных тратах? Бесполезно, миссис Холдорн. Бросьте. Ничего не выйдет. Да, вы можете его раззадорить, подстрекнуть на противозаконные поступки, втравить в поганую историю: он и сейчас сам не свой, так его обложили. Но что бы он теперь ни натворил, за этим не спрячешь того, что натворил кто-то другой раньше. Он обещал привести имущество в порядок и передать наследнице. Оставьте его в покое. Ничего не выйдет.

Мы прошли еще шагов десять, а она все не отвечала. Мы очутились на тропинке. Я сказал:

— Эта тропинка ведет на скалу, с нее столкнули Эрика Коллинсона. Вы его знали?

Она вздохнула судорожно, будто всхлипнула, но голос ее был по-прежнему ровен, спокоен, мелодичен:

— Знала, вам это известно. Зачем вы спрашиваете?

— Сыщики любят задавать вопросы, заранее зная ответ. Зачем вы сюда приехали, миссис Холдорн?

— Вы и на это знаете ответ?

— Знаю, что приехали по одной из двух причин или по двум причинам сразу.

— Да?

— Первая: хотели узнать, насколько мы близки к разгадке. Правильно?

— Естественно, я тоже не лишена любопытства, — призналась она.

— В этой части я вас удовлетворю. Я знаю разгадку.

Она остановилась на тропинке лицом ко мне, ее глаза светились в густых сумерках. Она положила руку мне на плечо: я был ниже ростом. Другая ее рука лежала в кармане манто. Она приблизила ко мне лицо и заговорила медленно и очень внятно:

— Скажите мне чистосердечно. Без уверток. Я не хочу причинять зло без нужды. Подождите, подождите — подумайте, перед тем как говорить, — и поверьте мне, для уверток, блефа и лжи сейчас не время. Так скажите правду: вы знаете разгадку?

— Да.

Она слегка улыбнулась, сняла руку с моего плеча и сказала:

— Тогда продолжать это фехтование не имеет смысла.

Я бросился на нее. Если бы она стреляла из кармана, она могла бы меня застрелить. Но она попыталась вытащить пистолет. Я успел схватить ее за руку. Пуля ушла в землю между нашими ногами. Ногти ее свободной руки сняли три красных ленты с моей щеки. Я уткнулся головой ей в шею, подставил бедро раньше, чем она ударила коленом, сильно прижал ее к себе и руку с пистолетом завернул ей за спину. Когда мы падали, она выронила пистолет. Я оказался сверху. И продолжал занимать эту позицию, пока не нащупал пистолет. Едва я поднялся, подбежал Макман.

— Все в порядке, пьяных нет, — сказал я ему, не вполне владея голосом.

— Пришлось стрелять? — спросил он, глядя на неподвижно лежавшую женщину.

— Нет, цела. Посмотри, чтобы шофер не рыпался.

Макман ушел. Арония села, подобрала ноги и потерла запястье. Я сказал:

— Вот и вторая цель вашего приезда; хотя я думал, что это предназначалось для миссис Коллинсон.

Арония поднялась молча. Я ей помогать не стал — она почувствовала бы, как у меня дрожат

руки.

— Раз мы зашли так далеко, не вредно и даже полезно будет поговорить.

— Пользы теперь ни от чего не будет. — Она поправила шляпу. — Вы сказали, что все знаете. Тогда хитрости бесполезны, а помочь могли только хитрости. — Она поежилась. — Ну, что теперь?

— Теперь ничего, только постарайтесь помнить, что время отчаянных действий прошло. Такого рода истории делятся на три части: поимка, осуждение и наказание. Согласимся, что по поводу первого делать уже нечего, а... каковы калифорнийские суды и тюрьмы, вы сами знаете.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что не люблю, когда в меня стреляют, потому что, когда работа сделана, не люблю, чтобы болтались свободные концы. Я не стремлюсь к тому, чтобы вас осудили за участие в афере, но вы мешаете — суетесь и мутите воду. Отправляйтесь домой и сидите смирно.

Мы оба не произнесли ни слова, покуда не вернулись к ее лимузину.

Тут она повернулась, протянула мне руку и сказала:

— Я думаю... не знаю, но мне кажется, что те-

перь я вам обязана еще больше.

Я ничего не ответил и не подал руки. А она, может быть, потому, что рука все равно была протянута, спросила:

— Вы вернете мне пистолет?

— Нет.

— Тогда передадите миссис Коллинсон привет и сожаления, что я не смогла с ней увидеться?

— Да.

Она сказала: «До свидания», — и села в машину; я снял шляпу, и она уехала.

22. Признания

Парадную дверь мне открыл Мики Лайнен. Он глянул на мою расцарапанную физиономию и засмеялся:

— Ну и везет тебе с женщинами. Нужно сначала уговорить, а уж потом набрасываться. Поберег бы шкуру. — Он показал большим пальцем на потолок. — Поднимись к ней, урезонь. Черт-те что вытворяет.

Я поднялся в комнату Габриэлы. Она сидела посередке растерзанной постели, дергая себя за волосы. Ее потное лицо выглядело на все тридцать пять. Из горла рвались жалобные повизгивания.

— Нелегко приходится? — спросил я с порога.

Она подняла руки от волос.

— Я не умру? — Вопрос еле продрался сквозь стиснутые зубы.

— Ни в коем случае.

Она всхлипнула и легла. Я натянул на нее одеяло. Она пожаловалась, что в горле какой-то комок, челюсти ноют, а под коленками боль.

— Нормальные симптомы, — уверил я. — Долго это не протянется, потом опять будут судороги.

Кто-то зацарапал в дверь. Габриэла рывком приподнялась и запричитала:

— Не уходите!

— Только до двери, — пообещал я.

На пороге стоял Макман.

— Эта мексиканка Мери, — зашептал он, — шпионила за вами и за гостьей. Я заметил, как она вылезла из кустов, и шел за ней до нижней дороги. Там она остановила «линкольн», и минут пять — десять они разговаривали. Ближе подобраться я не смог и ничего не расслышал.

— Где она сейчас?

— В кухне. Вернулась. А та поехала дальше. Мики говорит, что мексиканка ходит с ножом и добра от нее не жди. Это что, правда?

— Обычно он не ошибается, — сказал я. — Она переживает за миссис Коллинсон, а нас считает врагами. И чего лезет не в свое дело? Видимо, подглядывала и поняла, что миссис Холдорн против нас, а значит — за Габриэлу. Вот и решила наладить связи. У миссис Холдорн, надеюсь, хватило ума сказать ей, чтобы вела себя пристойно. В любом случае нам остается только наблюдать. Выгонять ее — себе дороже: без поварихи не обойтись.

Когда Макман ушел, Габриэла вспомнила, что

у нас были гости, и стала расспрашивать о них, а заодно о выстреле и моем расцарапанном лице.

— Была Арония Холдорн, — сказал я, — немного поскандалила. Но все обошлось. Она уже уехала.

— Миссис Холдорн приезжала, чтобы убить меня, — спокойно, но с уверенностью сказала девушка.

— Возможно. Она со мной не откровенничала. А зачем ей вас убивать?

Ответа я не получил.

Ночь получилась долгая и тяжелая. Я провел ее по большей части в комнате Габриэлы, в кожаной качалке, которую притащил из гостиной. Спала она всего часа полтора, в три захода. И каждый раз с криком просыпалась от кошмаров. Всю ночь до меня доносились из коридора шорохи — видимо, Мери Нуньес сторожила свою хозяйку.

Среда оказалась еще более долгой и тяжелой. От того, что я все время стискивал зубы, челюсти у меня к середине дня ныли не меньше, чем у Габриэлы. А она мучилась теперь вовсю. От света у нее резало глаза, от звуков — уши, от любого запаха тошнило. Шелковая ночная рубашка и простыни раздражали кожу. Каждый мускул не переставая дергался. Уверения, что она не умрет, уже не действовали: жить ей все равно

не хотелось.

— Не сдерживайтесь, — предложил я. — Дайте себе волю. Я за вами присмотрю.

Она поймала меня на слове и словно сорвалась с цепи. На ее вопли к дверям прибежала Мери Нуньес и зашипела какие-то испанско-мексиканские ругательства. Я удерживал Габриэлу за плечи и тоже был весь в поту.

— Пошла вон, — рявкнул я на Мери.

Она сунула руку за пазуху и шагнула в комнату. Сзади возник Мики Лайнен, выдернул ее в коридор и захлопнул дверь.

Между приступами Габриэла лежала на спине и, тяжело дыша, дергаясь, с мукой и безнадежностью глядела в потолок. Иногда она закрывала глаза, но конвульсии не прекращались.

Во второй половине дня Ролли принес из Кесады новость: Фицстивен пришел в себя и смог ответить на вопросы Вернона. Он заявил, что не видел бомбы и не знает, когда и каким образом она попала в комнату, но после того, как мы с Финком вышли в коридор, ему вроде бы послышалось что-то похожее на звон осколков и глухой удар об пол у ног.

Я попросил Ролли сказать окружному прокурору, чтобы он не слезал с Финка и что завтра я

постараюсь с ним встретиться. Ролли пообещал все это передать и ушел. Мы стояли с Мики на крыльце. Говорить нам было не о чем — ни слова за весь день. Только я закурил, из дома снова понеслись вопли. Мики отвернулся и что-то пробормотал, помянув черта.

Я нахмурился и зло спросил:

— Дело я делаю или нет?

— К чертям собачьим! Лучше бы не делал, — бросил он с такой же злостью и пошел прочь.

Послав его подальше, я вернулся в дом. Мери Нуньес поднималась по лестнице, но при моем появлении быстро отступила к кухне, окинув меня диким взглядом. Я ее тоже послал, потом двинулся наверх, где оставил Макмана охранять комнату. Он прятал от меня глаза — ради справедливости я послал и его.

Остаток дня Габриэла плакала и кричала, умоляя дать ей морфий. Вечером она полностью во всем призналась:

— Я вам сказала, что не хочу быть порочной. — Ее руки лихорадочно комкали простыню. — Вранье. Хочу. Всегда хотела и всегда была. Я думала и с вами сыграть ту же шутку, но сейчас мне не до вас, мне нужен только морфий. Повесить меня не повесят, это я знаю. А там все равно, лишь бы

получить дозу.

Она грязно хохотнула и продолжала:

— Вы были правы: я вызывала в мужчинах самое плохое, потому что сама этого хотела. Хотела, и все тут. Не получилось лишь с доктором Ризом и Эриком. Почему — не знаю. Знаю только, что потерпела поражение, но они тем временем слишком хорошо меня узнали. Вот и умерли. Риза усыпил Джозеф, а убила я сама, но потом мы внушили Минни, что это ее работа. И убить Аронию подговорила Джозефа я — он выполнял любые мои просьбы и убил бы, если бы не вы. И Харви заставила убить Эрика. К чему мне брачные узы с хорошим человеком, который собирался сделать из меня хорошую женщину?

Она снова засмеялась и облизала губы. — Нам с Харви нужны были деньги, а у Эндрюса я много взять не могла — боялась, заподозрит. Тогда мы задумали добыть их, инсценировав похищение. Жаль, что Харви застрелили... великолепный был зверь. Что касается бомбы, она лежала у меня давно, уже несколько месяцев. Я ее выкрала из лаборатории отца, когда он проводил какие-то работы для кинокомпании. Бомба была маленькая, и я держала ее при себе на всякий случай. А потом решила подорвать вас. Между нами... мной и

Оуэном... ничего не было... я все наврала, он меня совсем не любил. Убить я хотела вас... боялась, что докопаетесь до правды. Меня в тот час немного лихорадило, и, услышав, что два человека вышли из комнаты, а один остался, я решила... остались вы. И только когда приоткрыла дверь и бросила бомбу, увидела Оуэна. Ну, теперь вы довольны? А раз получили, что хотели, давайте морфий. Какой толк вести со мной игру дальше? Давайте его. Вы победили. Можете записать эти показания — я тут же подпишу. Лечить и спасать меня вам больше не имеет смысла. Давайте морфий.

Пришла пора смеяться мне:

— Может, еще признаетесь, что похитили Чарли Росса, а заодно подорвали «Мэн»?

Буча продолжалась не меньше часа, пока Габриэла не выдохлась. Время тянулось медленно. Спала она на этот раз часа два — на полчаса больше, чем в прошлую ночь. Мне тоже временами удавалось задремать в качалке.

Незадолго до рассвета я почувствовал на себе чью-то руку. Стараясь дышать ровно, я чуть-чуть приоткрыл глаза. В комнате было еще темно, но мне показалось, что Габриэла лежит на кровати, правда, спит она или нет, разглядеть не удалось. Голова моя во сне откинулась на спинку. Я не

мог видеть ни ту руку, что лезла во внутренний карман пиджака, ни другую, левую, над моим плечом, но пахли они кухней, — значит, были смуглыми.

За качалкой стояла Мери Нуньес. Мики предупредил меня, что мексиканка носит нож. Я представил, как она держит его в левой руке. Но внутренний голос приказал мне не суетиться. Я опять закрыл глаза. Потом в пальцах у Мери зашелестела бумага, и рука убралась из моего кармана.

Я сонно пошевелил головой и переставил ноги. Когда дверь за ней без скрипа закрылась, я выпрямился и оглядел комнату. Габриэла спала. Я пересчитал пакетики — восьми не хватало.

Наконец Габриэла открыла глаза. Первый раз за все это время она проснулась спокойно. Лицо у нее было осунувшееся, но глаза — нормальные. Посмотрев на окно, она спросила:

— Уже день?

— Только светает. — Я дал ей апельсинового сока. — Сегодня можно поесть.

— Не хочу. Хочу морфий.

— Не дурите. Еда будет. Морфия не будет. Самое трудное позади, дальше пойдет легче, хотя вас еще немного поломает. Глупо требовать сейчас

наркотик. Все ваши мучения коту под хвост. Вы уже фактически вылечились.

— Действительно вылечилась?

— Да. Осталось побороть страх, нервозность и воспоминания о том, как приятно было накачиваться.

— Это я смогу, — сказала она, — раз вы говорите, что смогу, значит, смогу.

Все утро она вела себя пристойно и только к середине дня на час-другой сорвалась. Но буйствовала не особенно сильно, и мне без труда удалось ее утихомирить. Когда Мери вошла со вторым завтраком, я оставил их наедине и пошел вниз.

Мики и Макман сидели в столовой. Во время еды оба не вымолвили ни словечка. Поскольку молчали они, молчал и я.

Когда я поднялся наверх, Габриэла в зеленом купальном халате сидела в качалке, которая две ночи служила мне постелью. Она успела причесаться и напудрить нос. Глаза были зеленые и чуть прищуренные, словно ей не терпелось сообщить что-то смешное.

— Сядьте, — сказала она с напускной торжественностью. — Мне надо с вами серьезно поговорить.

Я сел.

— Ради чего вы столько от меня вытерпели? — Она действительно говорила сейчас вполне серьезно. — В ваши обязанности это не входило, а приятного было мало. Я... я и не знаю, до чего противно себя вела. — Ее лицо и даже шея покраснели. — Я была омерзительной, гнусной. Представляю, как теперь выгляжу в ваших глазах. Почему... ради чего вы пошли на такое?

— Я вдвое старше вас, — сказал я. — Старик. И будь я проклят, если стану объяснять причины и делать из себя идиота. Но ничего омерзительного и гнусного для меня тут не было, я снова готов пройти через все это. И даже с радостью.

Она вскочила с качалки, глаза у нее стали темными, круглыми, а губы дрожали:

— Вы хотите сказать...

— Ничего я не хочу сказать. Но если вы будете скакать нагишом, в распахнутом халате, то заработаете бронхит. Бывшие наркоманки легко простужаются.

Она села, спрятала лицо в ладони и расплакалась. Я ей не мешал. В конце концов, не отнимая рук от лица, она хихикнула и попросила:

— Не могли бы вы уйти и оставить меня на весь день одну?

— Конечно. Если не будете раздеваться.

Я поехал в окружной центр, нашел больницу и долго спорил с персоналом, чтобы меня пустили в палату Фицстивена.

Фицстивен лежал весь в бинтах, из-под которых виднелся только один глаз, одно ухо и половина рта. Но этот глаз и эти губы мне улыбнулись.

— Пропади они пропадом, ваши гостиничные номера. — Голос звучал неясно, так как ему приходилось говорить одной стороной рта, а челюсть не двигалась, но жизнерадостности Фицстивену было не занимать. На тот свет он явно не собирался.

Я тоже улыбнулся и сказал:

— Какие уж теперь номера, разве что камера в Сан-Квентине. Выдержите сейчас допрос с пристрастием, или день-другой переждем?

— Самое время, — сказал он. — По лицу-то вам ничего не прочесть.

— Отлично. Тогда начнем. Первое: бомбу вам сунул в руку Финк, когда здоровался. Другим способом попасть в комнату она не могла. Он стоял ко мне спиной, и я не мог ничего заметить. Вы, конечно, не знали, что это бомба, и пришлось ее взять, как сейчас приходится все отрицать — иначе бы мы догадались, что вы были связаны

с бандой в Храме, а у Финка есть основания покушаться на вас.

— Какая удивительная история, — сказал Фицстивен. — Значит, у Финка были основания. Что ж, и на том спасибо.

— И убийство Риза организовали вы. Остальные вам лишь помогали. Но когда Джозеф умер, вся вина пала на него, на этого якобы сумасшедшего. Другие участники оказались вне подозрений. Но тут вы вдруг приканчиваете Коллинсона, и неизвестно, что еще собираетесь выкинуть. Финк понимает: если вы не угомонитесь, то убийство в Храме в конце концов выплывет, и тогда ему тоже несдобровать. До смерти испугавшись, он решает остановить вас.

— Все занимательней и занимательней, — сказал Фицстивен. — Значит, и Коллинсона убил я?

— Чужими руками. Вы наняли Уиддена, но не заплатили ему. Тогда он похитил девушку, чтобы получить свои деньги. Он знал, что она вам нужна. Когда мы его окружили, пуля пролетела ближе всего от вас.

— Восхищен. Нет слов, — сказал Фицстивен. — Значит, Габриэла была мне нужна. А зачем? Какие мотивы?

— Вы, скорей всего, пытались сделать с ней

что-то очень уж непотребное. Ей досталось от Эндрюса, даже с Эриком не повезло, но про них она могла еще говорить. Когда же я захотел выяснить подробности ваших ухаживаний, она задрожала и сразу замкнулась. Видно, она здорово вам вмазала, но вы ведь из тех эгоистов, которым такого не перенести.

— Ну и ну, — сказал Фицстивен. — Мне, знаете ли, часто приходило на ум, что вы вынашиваете абсолютно идиотские теории.

— А что тут идиотского? Кто стоял рядом с миссис Леггет, когда у нее в руках оказалось оружие? Где она его взяла? Да и гоняться за дамами по лестницам не в ваших правилах. А чья рука была на пистолете, когда пуля пробила ей горло? Я не слепой и не глухой. Вы сами признали, что за всеми трагедиями Габриэлы чувствуется одна рука, один ум. Вы как раз и обладаете таким умом, при этом ваша связь со всеми событиями очевидна, да и необходимый мотив был. С мотивом, кстати, у меня вышла некоторая задержка: я его не видел, пока не получил — сразу после взрыва — реальной возможности как следует поспрашивать Габриэлу. Задерживало меня и кое-что другое — я никак не мог связать вас с Храмом. Но тут помогли Финк и Арония Холдорн.

— Неужто Арония помогла? Интересно, что она затеяла. — Фицстивен говорил рассеянно, а его единственный серый глаз был слегка прикрыт, словно думал он сейчас о другом.

— Она делала все, чтобы выгородить вас: морочила нам голову, запутывала, пыталась науськать на Эндрюса, даже застрелить меня. Когда она поняла, что по следу Эндрюса мы не пойдем, я упомянул про Коллинсона. Она разыграла удивление, ахнула, всхлипнула — не упустила ни одной возможности, чтобы направить меня по ложному пути. Мне ее изворотливость даже по душе.

— Дама она упорная, — с отсутствующим видом процедил Фицстивен. Занятый своими мыслями, половину моей речи он пропустил мимо ушей. Затем отвернул голову, и прищуренный, задумчивый глаз уставился в потолок.

— Вот и конец Великому Проклятию Дейнов, — сказал я.

Уголком рта смеяться трудновато, но он все-таки рассмеялся:

— А если я скажу вам, мой милый, что я тоже Дейн?

— Как так?

— Моя мать и дед Габриэлы с материнской

стороны были братом и сестрой.

— Черт! Вот это да!

— Уйдите пока и дайте мне подумать. Я еще не решил, как поступить. Сейчас я ни в чем не признаюсь. Понятно? Но чтобы спасти свою драгоценную шкуру, мне, видимо, придется упирать как раз на проклятие. И тогда, мой милый, вы сможете насладиться удивительной защитой, таким цирком, от которого радостно взвоют все газеты страны. Я стану настоящим Дейном, отмеченным проклятием всего нашего рода. Преступления моих двоюродных сестричек Алисы, Лили, племянницы Габриэлы и бог знает скольких еще Дейнов будут мне оправданием. Да и количество моих собственных преступлений сыграет свою роль — лишь сумасшедший способен столько совершить. И поверьте, я приведу их множество, если начну с колыбели. Поможет даже литература. Ведь признало же большинство критиков моего «Бледного египтянина» детищем дегенерата. А разве в «Восемнадцати дюймах» они не нашли все известные человечеству признаки вырождения? Все эти факты, мой милый, выручат меня. К тому же я буду размахивать культями — руки нет, ноги нет, тело и лицо покалечены: преступник с Божьей помощью и так достаточ-

но наказан. Да и контузия от бомбы — разве не могла она вернуть мне разум, во всяком случае, выбить патологическую тягу к преступлениям? Я даже верующим стану. Идея меня привлекает. Но сначала надо все обдумать.

Измученный этой речью, он тяжело всасывал половинкой рта воздух, но в сером глазу светилось торжество.

— Что ж, скорей всего, дело выгорит, — сказал я, собираясь уходить. — Буду за вас болеть. Вам и так уже досталось. А потом, если кто и заслуживает снисхождения — так это вы.

— Снисхождения? — переспросил он, и взгляд у него потускнел. Он отвел глаз, потом снова смущенно посмотрел на меня. — Скажите правду, меня что, признают невменяемым?

Я кивнул.

— Черт! Тогда все уже не то, — пожаловался он, не без успеха пытаясь побороть смущение и принять свой обычный лениво-насмешливый вид. — Что за удовольствие, если я на самом деле псих.

Когда я вернулся в дом над бухтой, Мики и Макман сидели на крыльце.

— Привет! — сказал Макман.

— Новых шрамов в любовных сражениях не

заработал? — спросил Мики. — Твоя подружка, кстати, про тебя спрашивала.

Поскольку меня снова приняли в общество людей, я понял, что Габриэла чувствует себя прилично.

Она сидела на кровати с подушками за спиной, лицо все еще — или заново — напудрено, глаза радостно поблескивают.

— Мне вовсе не хотелось усылать вас навсегда, нехороший вы человек, — пожурила она меня. — Я приготовила вам сюрприз и просто сгораю от нетерпения.

— Что за сюрприз?

— Закройте глаза.

Я закрыл.

— Откройте.

Я открыл. Она протягивала мне восемь пакетиков, которые Мери Нуньес вытащила из кармана пиджака.

— Они у меня с середины дня, — гордо заявила она. — На них следы моих пальцев и слез, но ни один не открыт. Честно говоря, удержаться было нетрудно.

— Я знал, что вы удержитесь, поэтому и не отобрал их у Мери.

— Знали? Вы так мне верите, что ушли, оставив

их у меня?

Только идиот признался бы, что уже два дня в этих бумажках лежит не морфий, а сахарная пудра.

— Вы самый симпатичный человек на свете. — Она схватила мою руку, потерлась о нее щекой, потом отпустила и нахмурилась. — Только одно плохо. Все утро вы настойчиво давали мне понять, что влюблены.

— И что? — спросил я, стараясь держаться спокойно.

— Лицемер! Обольститель неопытных девушек! Надо бы вас заставить жениться или подать в суд за обман. Весь день я вам искренне верила, и это мне помогло, действительно помогло. А сейчас вы входите, и я вижу перед собой... — Она остановилась.

— Что видите?

— Чудовище. Очень милое чудовище, очень надежное, когда человек в беде, но все же чудовище, без таких человеческих слабостей, как любовь и... В чем дело? Я сказала что-то не то?

— Не то, — подтвердил я. — Готов поменяться местами с Фицстивеном в обмен на эту большеглазую женщину с хриплым голосом.

— О Боже, — сказала она.

23. Цирк

Больше мы с Оуэном Фицстивеном не говорили. От свиданий писатель отказывался, а когда его переправили в тюрьму и встреч было не избежать, хранил молчание. Внезапная ненависть — иначе не назовешь — вспыхнула в нем, по-моему, от того, что я считал его сумасшедшим. Он не возражал, чтобы весь мир, по крайней мере двенадцать представителей этого мира в суде присяжных, признали его ненормальным — и сумел-таки всех убедить, — но видеть меня в их числе ему не хотелось. Если он здоров, но, притворившись ненормальным, избежал за все свои дела наказания, то он как бы сыграл с миром шутку (назовем ее так). Если же он действительно ненормален и, не зная этого, еще и притворяется ненормальным, то шутка (назовем ее так) оборачивалась против него. Такого, во всяком случае с моей стороны, этот эгоист переварить не мог, хотя в глубине души он, мне кажется, считал себя нормальным. Как бы там ни было, но после беседы в больнице, где я сказал, что душевная болезнь спасет его от виселицы, он со мной больше не разговаривал.

Через несколько месяцев Фицстивен окреп; процесс над ним, как он и обещал, действительно стал цирком, а газеты действительно взвыли от радости. Судили его в окружном центре по обвинению в убийстве миссис Коттон. К тому времени нашлись два новых свидетеля, которые видели, как он выходил в то утро из задних дверей дома Коттона; третий свидетель опознал его машину, стоявшую ночью за четыре квартала от этого дома. Поэтому и городской и окружной прокуроры решили, что улики по делу миссис Коттон — самые надежные.

Его защитники заявили на процессе, что он «невиновен по причине невменяемости», в общем, сказали на своем волапюке что-то в этом духе. И поскольку убийство миссис Коттон было последним по счету, они смогли предъявить в качестве доказательств все предыдущие его преступления. Защиту адвокаты провернули ловко и убедительно, так что замысел Фицстивена — чем больше преступлений, тем скорее суд признает его ненормальным — вполне удался. Преступлений он и в самом деле совершил столько, сколько нормальному человеку не совершить.

Свою двоюродную сестру Алису Дейн Фицстивен, по его словам, встретил в Нью-Йорке, когда

она жила там с маленькой падчерицей. Габриэла этого подтвердить не могла, но, вероятно, так оно и было. Их отношения, сказал писатель, они держали в тайне, так как Алиса разыскивала в то время отца девочки и не хотела, чтобы тот узнал про ее связи с опасным прошлым. Она, заявил Фицстивен, была в Нью-Йорке его любовницей, что тоже вполне возможно, но большого значения не имеет.

После отъезда в Сан-Франциско Алиса с ним переписывалась — просто так, без всякой цели. Тем временем он познакомился с Холдорнами. Секта была его идеей, он организовал ее на свои деньги и сам перетащил в Сан-Франциско, хотя скрывал свою причастность, поскольку все приятели, зная про его скептицизм, сразу заподозрили бы мошенничество. Эта секта, сказал он, служила ему одновременно и кормушкой, и забавой: его книги никто не покупал, а оказывать на людей влияние, особенно втайне, он обожал.

Арония Холдорн стала его любовницей. Джозеф всегда был лишь марионеткой, как в семейной жизни, так и в Храме.

Через общих друзей Алиса познакомила Фицстивена с мужем и Габриэлой. Габриэла превратилась уже в молодую женщину. Ее необычная

внешность, которую Фицстивен объяснял теми же причинами, что и она сама, восхитила его, и он решил попытать счастья. Но ничего не добился. Из-за отпора ему еще сильнее захотелось совратить ее — такой уж он был человек. Алиса в этом деле ему помогала. Ненавидя девушку, она прекрасно знала любовника, потому и хотела, чтобы он добился своего. Она рассказала Фицстивену семейную историю. Леггет пока не догадывался, что дочери внушили, будто он убил ее мать. Он, конечно, чувствовал глубокую неприязнь Габриэлы, но причин этой неприязни не понимал. Ему казалось, что виновата во всем тюрьма и последующая трудная жизнь — они сделали его грубым, что, естественно, не нравилось молоденькой девушке, которая только недавно с ним познакомилась.

Правду он выяснил, лишь поскандалив с женой после того, как застал Фицстивена при очередной попытке «научить — собственные слова Фицстивена — Габриэлу жить». Леггет понял, на ком женился. «Учителю» от дома было отказано, но тот не оборвал с Алисой связей и ждал своего часа.

Этот час настал, когда в Сан-Франциско объявился Аптон и занялся вымогательством. Алиса

пошла за советом к Фицстивену. Советы он дал гибельные. Он убедил ее договориться с Аптоном лично, не открывая мужу, что прошлое известно. Преступления Леггета, особенно в Центральной Америке и Мексике, сказал Фицстивен, дадут ей власть над ним — сейчас, когда муж возненавидел ее за дочку, это будет очень на руку. По его подсказке она инсценировала ограбление и передала алмазы Аптону. Фицстивена не интересовала судьба Алисы, ему хотелось лишь извести Леггета и завладеть Габриэлой.

Первого он добился: Алиса полностью сломала мужу жизнь и до самого конца — до погони на лестнице после того, как Фицстивен дал ей в лаборатории пистолет, — она считала, что все идет хорошо и план Фицстивена их обоих выручит: судьба мужа ее волновала не больше, чем ее судьба волновала Фицстивена. Писателю, понятное дело, пришлось ее убить, чтобы она его не выдала, узнав, что «отличный план» был просто мышеловкой.

Фицстивен утверждал, что убил Леггета собственной рукой. Покидая после смерти Рапперта дом, Габриэла написала в записке, что уходит навсегда. По мнению Леггета, их с женой больше ничто не связывало. Он ей сказал, что все кон-

чено, но согласился перед отъездом написать для полиции письмо и взять ее грехи на себя. Фицстивен потребовал, чтобы она его убила, но Алиса не соглашалась. Тогда он убил Леггета сам. Он добивался Габриэлы и считал, что отец, даже скрываясь от закона, не отдаст ему дочь.

Убрав с дороги Леггета, а затем — чтобы избежать расследования — и Алису, Фицстивен почувствовал себя хозяином положения и бросился добывать Габриэлу. Холдорны были знакомы с Леггетами уже несколько месяцев и успели приручить девушку. Она и раньше останавливалась у них, теперь же они уговорили ее совсем переехать в Храм. О планах Фицстивена и его роли в трагедии Леггетов они ничего не знали и считали Габриэлу лишь очередной клиенткой — писатель регулярно таких клиентов поставлял. Но в тот день, когда я поселился в Храме, доктор Риз, разыскивая Джозефа, толкнул дверь, которой полагалось быть запертой, и застал Фицстивена за советом с Холдорнами.

Опасность была велика: Риза молчать не заставишь, а если бы связь Фицстивена с Храмом стала известна, то вполне могла всплыть и его вина в смерти Леггетов. Двумя людьми ему удавалось легко манипулировать — Джозефом и

Минни. Риза они убили. Но тут Арония догадалась о его видах на девушку. От ревности она могла заставить его поступиться Габриэлой, а то и выдать полиции. Тогда Фицстивен внушает Джозефу, что, пока Арония жива, им обоим грозит виселица. Чтобы спасти ее, мне пришлось убить Джозефа, но тем самым на какое-то время я спас и Фицстивена: Арония с Финком вынуждены были молчать про Риза, иначе им самим предъявили бы обвинения в соучастии.

К этому времени Фицстивена уже было не остановить. Он теперь смотрел на Габриэлу как на свою собственность, купленную многими смертями. Каждая новая смерть увеличивала ее цену и значимость. Так что, когда Эрик Коллинсон увез Габриэлу и женился на ней, Фицстивен ни секунды не колебался. Эрику было суждено умереть.

За год до этих событий Фицстивен искал спокойный городок, чтобы закончить роман. Супруга Финка (женщина-тяжеловоз) посоветовала ему Кесаду. Она там родилась, и там жил Харви Уидден — ее сын от первого брака. Приехав туда на несколько месяцев, Фицстивен коротко сошелся с Уидденом. И теперь, перед следующим убийством, он вспомнил о приятеле — за деньги тот сделал бы что угодно.

Когда Коллинсон стал подыскивать тихое место, где Габриэла могла бы отдохнуть и подлечиться перед процессом Холдорнов, Фицстивен порекомендовал Кесаду. Место и в самом деле было тихое, вероятно, самое тихое во всей Калифорнии. Затем он предложил Уиддену тысячу долларов за убийство Коллинсона. Сначала Уидден отказался, но человек он был недалекий, а Фицстивен умел убеждать людей, и в конце концов они ударили по рукам.

Первое покушение Уидден предпринял в четверг ночью, но только напугал Коллинсона и вынудил его дать мне телеграмму. Прочитав ее на почте, Уидден решил поторопиться — теперь уже ради собственной безопасности — и, выпив для храбрости, пошел в пятницу вечером за Коллинсоном и столкнул его со скалы. Затем он хлебнул еще и, считая себя чертовски лихим малым, покатил в Сан-Франциско. Там он позвонил Фицстивену и сказал: «Я с ним расправился, легко и навсегда. Где мои деньги?

Звонок шел через коммутатор в доме, и неизвестно, кто мог услышать этот разговор. Фицстивен решил на всякий случай подстраховаться. Он сделал вид, что не понимает, кто звонит и о чем идет речь. Уиддену же показалось, что писатель

просто хочет его надуть, и, зная, за кем тот охотится, он задумал похитить девушку и потребовать уже не тысячу, а десять тысяч. Хоть и под мухой, он сообразил изменить в письме почерк и так его составил, что Фицстивен не мог выдать автора полиции, не объяснив, откуда он его знает.

Писатель заволновался. Но, получив письмо, решил пойти ва-банк — авось удача, как и прежде, ему не изменит. Он рассказал мне о телефонном звонке и отдал письмо. Ко всему прочему, у него появился законный повод для поездки в Кесаду. Однако приехал он туда заранее, ночью перед нашей с ним встречей, и сразу явился к миссис Коттон, чтобы выведать, где Уидден — о их связи ему было известно. Уидден, как оказалось, прятался от полицейского прямо тут же. Он был человек недалекий, а Фицстивен, когда нужно, умел убеждать и быстро доказал Уиддену, что иначе говорить по телефону не мог, кстати, из-за его же, Уиддена, неосторожности. Потом Фицстивен рассказал, каким образом без всякого риска можно получить десять тысяч. Уидден ему поверил и вернулся в свое убежище за Тупым мысом.

Фицстивен остался с миссис Коттон один. Бедняжка знала слишком много, и то, что она знала, ей не нравилось. Песенка ее была спета:

недавний опыт научил писателя, что убийство — самый надежный способ заткнуть человеку рот. История же с Леггетом подсказывала, Что его, Фицстивена, положение станет куда прочнее, если перед смертью миссис Коттон напишет заявление, где вполне убедительно, пусть и не очень достоверно, объяснит кое-какие неясности. Она догадывалась об его намерениях и помогать ему не собиралась. Но в конце концов к утру заявление под его диктовку было составлено. Заставил он ее писать не очень приятным способом, но все же заставил, а затем задушил — как раз перед возвращением мужа после ночной погони.

Выскользнув через заднюю дверь, Фицстивен отправился в гостиницу на встречу со мной и Верноном, ну а свидетели, видевшие его в то утро у дома Коттона, пришли в полицию лишь после того, как узнали его по фотографиям в газетах. Пока что Фицстивен поплыл с нами к убежищу Уиддена. Зная бесхитростность своего сообщника, он мог предугадать его реакцию на второе предательство. И, понимая, что Коттон с Фини при первой возможности без колебаний пристрелят Уиддена, решил еще раз положиться на удачу. Если же его расчет не оправдается, то, вылезая из лодки с пистолетом в руке, он споткнется и как

бы нечаянно застрелит Уиддена. (Он помнил, как ловко расправился с миссис Леггет.) Конечно, его за это отругают, может быть, начнут подозревать, но ни в чем обвинить не смогут.

Фицстивену снова повезло. Увидев его с нами, Уидден вышел из себя, спустил курок, и мы Уиддена убили.

Таким вот рассказом этот сумасшедший, считавший себя нормальным человеком, пытался убедить суд в своей невменяемости — и преуспел. Другие обвинения были с него сняты. После процесса его отправили в сумасшедший дом в Напе. Но через год выпустили. Я не думаю, что врачи сочли Фицстивена здоровым, просто решили, что такой калека уже ни для кого не представляет опасности.

Арония Холдорн, я слышал, увезла его на один из островов в заливе Пьюджет-Саунд.

На процессе она давала показания как свидетель, не как подсудимая. Попытка Джозефа и Фицстивена убить ее сослужила Аронии добрую службу.

Миссис Финк мы так и не нашли.

За увечья, нанесенные Фицстивену, Тома Финка отправили в Сан-Квентин на срок от пяти до пятнадцати лет. Зла друг на друга они с писателем,

казалось, не держали и при даче свидетельских показаний один другого выгораживали. Финк сказал, что мстил за смерть пасынка, правда, никто ему не поверил. Он просто боялся бурной деятельности Фицстивена и хотел, пока не поздно, ее остановить.

Выйдя после ареста из тюрьмы, Финк заметил, что Мики Лайнен за ним следит, испугался, но придумал, как обернуть эту слежку себе на пользу. Вечером он выскользнул из гостиницы через черный ход, достал необходимые материалы и всю ночь провозился над бомбой. В Кесаду он приехал якобы для того, чтобы сообщить о пасынке. Бомба была маленькая, из алюминиевой мыльницы, завернутой в белую бумагу. Передать ее незаметно от меня во время рукопожатия, а Фицстивену спрятать — не составило труда. Фицстивен решил, что это какая-то важная посылка от Аронии. Не взять ее он не мог, иначе привлек бы мое внимание и выдал свою связь с Храмом. Поэтому он спрятал посылку, а когда мы с Финком вышли в коридор, открыл — и очнулся только в больнице. Самому Финку опасаться было нечего: Мики не мог не подтвердить, что следил за ним от самой тюрьмы, а во время взрыва рядом находился я.

Фицстивен заявил, что рассказ Алисы Леггет про гибель Лили — сплошная чушь: она убила сестру сама, а врала, чтобы напакостить Габриэле. И хотя никаких доказательств он привести не мог, все, включая Габриэлу, с готовностью ему поверили. Меня было взял соблазн запросить нашего агента в Париже о подробностях этой истории, но я удержался. Дело касалось лишь Габриэлы, а она была сыта и тем, что уже удалось раскопать.

Заботились о ней теперь Коллинсоны. Они прибыли в Кесаду, как только прочли экстренные выпуски с обвинениями против Фицстивена. Признаться в том, что они ее подозревали в убийстве, им не пришлось, да и вообще никаких трудностей не возникло: когда Эндрюс сдал завещательные документы и на его место был нанят другой адвокат — Уолтер Филдинг, Коллинсоны по праву ближайших родственников просто взяли Габриэлу на попечение.

Два месяца в горах закрепили мое лечение, и в Сан-Франциско она вернулась совершенно изменившейся. Не только внешне.

— Не могу представить, что все это со мной действительно произошло, — сказала она мне, когда мы обедали с Лоренсом Коллинсоном в

перерыве между утренним и вечерним заседаниями суда. — Возможно, событий было столько, что я стала бессердечной. Как вы думаете?

— Нет. Вы ведь почти все время ходили под морфием. Помните? Это вас и спасло. Притупило чувства. Не употребляйте больше наркотиков, и прошедшее останется лишь смутным сном. Но если захочется живо и ярко все вспомнить — что ж, стоит только принять...

— Нет, никогда! Хватит! — сказала она. — Не приму, даже если лишу вас удовольствия снова меня лечить... Он прямо-таки наслаждался, — обернулась она к Лоренсу, — проклинал меня, насмехался, чем только не грозил, а в конце, по-моему, даже пытался соблазнить. И если я вас временами шокирую, то надо винить его: он оказал на меня дурное влияние.

Она, судя по всему, действительно оправилась.

Лоренс засмеялся вместе с нами, но глаза у него остались холодными. Кажется, он считал, что я в самом деле оказал на нее дурное влияние.